

# ВАЙНАХ

Ежемесячный литературно-художественный  
журнал

11-12. 2016

## УЧРЕДИТЕЛЬ:

Министерство  
Чеченской Республики по  
национальной политике,  
внешним связям, печати  
и информации.

Адрес: 364051  
г. Грозный, Бульвар Дудаева.  
Дом Радио

Журнал зарегистрирован в  
Федеральной службе по надзору в  
сфере связи, информационных техно-  
логий и массовых коммуникаций  
05 февраля 2014 г.  
Регистр. свид-во  
ПИ № ТУ 20-00089

Журнал выходит с 1991 г.

Главный редактор –  
**Ахмадов**

**Муса Магомедович**

Редколлегия:

**Л. Абдулаев**

**С. Алиев**

**М. Бексултанов**

**Л. Довлеткиреева**

**Р. Межиева**

**С. Мусаев**

**Р. Талхигова**

**А. Шайхиев**

Рукописи принимаются  
редакцией в первом и втором  
экземплярах, а также на  
электронных носителях.  
Рукописи не рецензируются  
и не возвращаются.

Адрес редакции: 364051  
г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Тел.: 8 (8712) 22-32-45  
E-mail: vaynah\_azi@bk.ru  
http://www.vaynah.at.ua  
http://www.j-vaynah.ru

**Журнал выходит один  
раз в два месяца. 16+**

Журнал набран на  
компьютерной базе ГУ  
«Литературно-художественный  
журнал «Вайнах».

Отпечатано в ГУП «ИПК  
«Грозненский рабочий»  
364021 ЧР, г. Грозный,  
ул. Интернациональная, 12/35  
Дата выхода в свет:  
20.12.16

В случаях полиграфического  
брака обращаться в типографию,  
указанную в выходных сведениях  
журнала.

Тираж – 1000 экз.

Свободная цена

Заказ № \_\_\_\_

## СОДЕРЖАНИЕ:

### ПОЭЗИЯ

Раиса АХМАТОВА. *Я верю*. Стихи.....2  
Тауз ИСС. *Под небом осени*. Стихи.....36  
Адиз КУСАЕВ. *Пролог. Чечня моя... Сонеты*.....40  
Марет БАТУКАЕВА. *Мой потерянный рай*. Стихи.....53  
Зелимхан МУСАЕВ. *Трансформация...* Стихи.....77

### ЮБИЛЕИ

Умар ЯРИЧЕВ. *Думы каменных башен*. Стихи.....5

### ГИЛЛАКХ-ОБЪЗДАНГАЛЛА

Муса АХМАДОВ. *Нохчийн гиллакх-объздангалла*.  
*Тlавъхе. Юьхь еша №№3-4 – 9-10*.....9

### ГОЧДАР

Аминат АБДУРАШИДОВА, Бадрутдин МАГОМЕДОВ,  
Магомед АХМЕДОВ, Магомед НАСРУЛАЕВ, Марина  
АХМЕДОВА. Стихаш. *Гочийнарг*

*АХМАТУКАЕВ Адам*.....25

Александр ПУШКИН. *Евгений Онегин*. Роман байташкахь.  
*Юьхь еша № 9, 2014; № 9-10, 2016 ши*.....57

### ГОЛОСА ДРУЗЕЙ

Вячеслав АР-СЕРГИ. *Бабкины памятки. Нить*.  
*Чужой*. Рассказы.....29

Зайдулла РКАИЛ. *Гюбетейка для Ельцина*. Рассказ.  
*Перевод Гаухар ХАСАНОВОЙ*.....78

### ПРОЗА

Сулиман МУСАЕВ. *Вся жизнь в труде*. Очерк.....38  
Муса БЕКСУЛТАНОВ. *Сан вешин тlехьйиза йоI*.

*Дийцар*.....43  
Роза ОРСТХО. *Наши биографии в эпизодах*.

*Документальная повесть*.....65

### НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

«Каждый из нас по-своему психолог...» С Айзан  
ШАХГИРЕЕВОЙ *беседовала*  
*Деши ИНДЕРБИЕВА*.....87

### КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Хава ЮСУПОВА. *Особенности художественной символики*  
*в рассказе Арби Усманова «Ностальгия»*.....91

Тамара ДЖАМБЕКОВА, Овхад ДЖАМБЕКОВ.  
*Женские образы в романе М. Мамакаева*  
*«Зелимхан»*.....100

Джамиля ТОВСУЛТАНОВА. *Система духовно-*  
*нравственных, общественно-политических и*  
*философских представлений Мусы Ахмадова*....105

### ИСТОРИЯ

Елизавета ДЕЛКОВА. *Общественно-политическое*  
*положение на Северо-Восточном Кавказе*  
*в первой трети XVIII в.*.....93

### КРАЕВЕДЕНИЕ

Лиза АДМИСИЕВА. *Страницы истории*  
*станции Мекенской*.....103

### КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

Саламбек АЛИЕВ. *Новая книга Адама Ахматукаева*....111

### К НАШИМ ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

Саламбек АЙДАМИРОВ. *Ювелирная кисть*  
*Малика Эльмурзаева*.....111

**СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ПЕРЕВОДЧИКАХ**...112

Поэзия**Раиса Ахматова**

(1928 – 1992)

*«Строка кончается, а мысль безгранична» – гласит восточная мудрость. Как верно и то, что мысль, заключенная в поэтические строки, вечна, пока находится хоть одна внимающая им душа...*

*Народной поэтессе Чечено-Ингушской АССР Раисе Ахматовой в декабре этого года исполнилось бы 88 лет. Она родилась в семье рабочего в Грозном. В 1943 году окончила Грозненское педагогическое училище. В годы депортации, в Казахстане, работала учительницей, с 1956 года – журналисткой. Окончила Высшие литературные курсы Литературного института им. А.М. Горького.*

*Ахматова – единственная женщина, удостоенная звания «Народная поэтесса Чечено-Ингушетии»; она принимала активное участие в общественной жизни республики и страны: с 1961 по 1983 годы являлась председателем Союза писателей Чечено-Ингушской АССР, делегатом XXII съезда КПСС; была участницей Всемирного конгресса за всеобщее разоружение и мир, а также – членом Советского Комитета защиты мира. В последние годы своей жизни возглавляла республиканское отделение Советского фонда культуры. Полный архив (более 600 папок) ее произведений был уничтожен во время Первой чеченской войны. Ее книги неоднократно издавались и переиздавались на разных языках мира. Является автором нескольких поэтических сборников: «Ожидание», «Поющая чинара», «Вдохновенье» и др.*

**Я верю**

Уронило небо на землю туман,  
В ясный день не видно ни зги...  
Уронили люди на сердце обман,  
И пошли по сердцу круги.

Заморозил иней цветы на лугу,  
Бесконечен медленный дождь...  
Если я ни разу тебе не солгу,  
Ты мне никогда не солжешь...

Трудно эту веру нести мне одной,  
Но иначе я не могу.  
Ненадолго встретилось  
счастье со мной,  
Я навек у счастья в долгу.

Если ты однажды  
мне скажешь: «Не жди!»  
Отвернешься вдруг от меня,  
Я тебе отвечу: «Не вечны дожди,  
Мыждемся ясного дня!»

Все говорят мне:  
«Ты видишь теперь,  
Что верила зря,  
Значит, больше не верь!»  
А я все наветы,  
Все советы стерплю,  
Я верю,  
Потому что люблю.

**В который раз ты стука ждешь...**

В который раз ты стука ждешь,  
Который час не спишь...  
А за окном все тот же дождь,  
За дверью та же тишь.

И ты с волнением следишь  
Тревожный бег минут,  
А он придет – и все простишь,  
Прощают, если ждут.

И будет многим невдомек,  
Не выскажешь всего –  
Тревожней всех твоих тревог –  
Тревога за него!

Придет – и сразу все пройдет,  
Пускай придет не в срок...  
И жаркая щека найдет  
Ладони холодок.

И снова встань, обед готовь,  
Стели ему кровать –  
Так велика твоя любовь,  
Что трудно угадать.

\*\*\*

Смотрю вокруг, и сердце торжествует,  
И жизни красота к себе зовет,  
А память в мыслях бьется, негодует,  
И ничего забыть мне не дает.

Но жить хочу всему наперекор,  
И радоваться каждому мгновенью,  
Чинар шумящих слушать разговор,  
В садах цветущих  
черпать вдохновенье.

Лететь навстречу ветру и дождям,  
Забыв о том, что крылья перебиты,  
Беду свою послать ко всем чертям,  
Поверив, что в мечту пути открыты.

Восторг щемящий, горе и любовь –  
Все чувства разом сердце обжигают.  
Догнать мечту пытаюсь вновь и вновь,  
Она меня опять перегоняет.

\*\*\*

Ах, как тепло!  
В печи трещат поленья,  
Лучистый круг от лампы,  
Лист бумаги...  
Я отогрелась,  
Счастьем вдохновенья  
Уже зарделись щеки,  
Словно маки.  
Ах, если б в этом радостном мгновенье  
Могла бы я на целый век остаться!  
Неужто мне  
В бесплодный день осенний,  
Как этим ярким макам, осыпаться?!

\*\*\*

Не позабыл, как низко зреют звезды  
В родном краю – преддверии небес.  
Чуть-чуть привстал –  
и рвешь тугие гроздьи,  
В прохладный мрак до пояса залез...

А этих рек крутое воспаренье,  
Где двух стихий,  
сроднившихся в одно,  
Идет неодолимое боренье!  
А ледников морозное руно!

Каким аульским выдумщиком создан  
Весь этот мир у края бытия –  
Моя земля, где люди, точно звезды,  
Любовь моя, бессонница моя.

\*\*\*

О, дней моих стремительная скорость!  
Неугомонно по земле бродя,  
Несу в себе дождей  
осенних скорбность  
И радость радуги в конце дождя.

Бывает, задержусь на повороте,  
Забьется мысль, как капля на стекле:  
А может, отсидеться в подворотне  
И не бродить под ливнем по земле?!

Ходить всегда под радугой счастливой,  
Забывать, какая поступь у беды.  
Ведь непременно смоем долгий ливень  
С дороги зыбкой все мои следы...

Но я иду. В любую непогоду  
Вступаю на размытые пути.  
О нет! Не может разрешить природа  
Невымокшим под радугой пройти!

\*\*\*

Я сохраняю письма прежних лет...  
Уже давно конверты пожелтели,  
И бесконечно опоздал ответ,  
И даже память замели метели.

Их редко я рискую перечесть,  
Совсем иное чувствую волнение.  
Ты – прошлое. Но ты на свете есть,  
Хотя ушел в другое измеренье.

Теперь не знаю я, как ты живешь,  
Твой образ потускнел, как день  
Вчерашний,

И старых писем искренняя ложь  
Мне кажется теперь совсем неважной.

Обиды в сердце не таю, поверь,  
Сейчас иные у меня заботы,  
И если бы ты постучался в дверь,  
Наверно, я не поняла бы, кто ты.



Юбилей

### Умар Яричев

*Известному чеченскому поэту Умару Денелбековичу Яричеву в этом году исполнилось 75 лет. Поэт родился 22 июня 1941 г. в селении Кулары Грозненского района Чечено-Ингушской АССР. Живет и работает в г. Грозном. В годы депортации в Казахстане пошел в общеобразовательную школу, там же начал писать свои первые стихи. Впервые они были опубликованы в газете «Заветы Ильича». С отличием окончил Московский экономический институт. Член Союза писателей СССР. Является автором нескольких поэтических сборников: «Исток» (Грозный, 1979), «Тропой памяти» (Грозный, 1989), «Лавина времени» (Москва, 1990), «Избранное» (Грозный, 2011), «Полвека в лирике» (Грозный, 2013) и др. Редакция журнала «Вайнах» присоединяется к поздравлениям родных и близких поэта, друзей и просто ценителей его творчества. Уважаемый Умар Денелбекович, желаем счастья Вам, здоровья, успехов и кавказского долголетия. а вниманию читателей предлагаем подборку стихотворений из сборника «Лавина времени».*

### Думы каменных башен

Нас когда-то сложили прапрадеды ваши, не деды,  
Подгоняя старательно грани нетесаных плит...  
Вечный времени бег, торжествуя над нами победу,  
Нас штурмует дождями, и солнце нещадно палит.

Мы не можем забыть – у гранита гранитная память...  
По извилистым тропам усталые люди идут.  
На спине и в руках – угловатые тяжкие камни,  
И потом эти камни в растущие стены кладут.

Здесь от века ценилась молчанием каждого слова  
Даже в дружбе суровая правда, не сладкая ложь...  
Нет, не надо раскопок – мы светлая память былого,  
Мы дыханием чувствуем памяти хрупкую дрожь.

Мы – всему очевидцы... Снега заметает снегами,  
Сотрясаются горы, меняются русла у рек,  
В легкий прах превращает немислимо твердые камни  
Ничему не подвластный жестокого времени бег.

Люди! Вы нас сложили на этих задумчивых склонах.  
В благодарность и верой и правдой служили мы вам,  
А сегодня, подвластны земным и небесным законам,  
Одиночество наше в тоске поверяем горам.

Через год или два вы бы изредка нас навещали  
По крутым и по пыльным уступам заросшей тропы,  
На разлуку не сетуя, мы бы всегда понимали  
Нас отринувший век и бесспорности нашей судьбы.

В час, когда на заре, утопая в малиновой краске,  
Торжествующей жизни на миг уступают века,  
Пусть же ваши ладони в живой человеческой ласке  
Теплотою пройдутся по нашим замшелым бокам...

Все отвесней дорога к вершинам у века крутого.  
Нам от вас и от времени, люди, деваться куда ж?  
В наших каменных снах мы тревожно забудемся снова,  
Синий сумрак ночей принимая за звездный мираж!

### Щепотка земли

*Не покидайте родину свою,  
Чужбина вам Отчизною не станет.*

Закончил в Гунибе дорогу мятежный имам...  
Свирепые сабли в потертые ножны вложили.  
Живые мюриды вернулись к своим очагам,  
А павших под пеплом легенд и времен схоронили.

Другие ушли на кривые мечи янычар,  
В далекую Турцию, в жаркие земли султана...  
Тащились повозки, и в полдень над ними звучал  
Правоверных к молитве созывающий стих из Корана.

Умирили голодные дети на жестких руках  
У мужчин... Зной пустыни сушил материнские груди.  
Хищно ветер кружил, засыпая могилы в песках...  
Но Отчизну свою не предали забвению люди.

Память!.. С этого времени много воды утекло,  
А грудные младенцы мужчинами гордыми стали...  
И однажды к чеченцам в горах, в небольшое село  
Притащился старик, как сказал, из неведомой дали.

Он воды и приюта просил на родном языке  
И устало присел к очагу, не снимая папаху...  
Вся в заплатах чоха\*, а сухая рука – на клинке,  
И потом прошептал: – О Отчизна моя и вайнахи!

Так обычай велит: не расспрашивай гостя, пока  
Не расскажет он сам – кто? Зачем вышел в путь?  
И откуда? –  
Слезы горькие скупое текут по щекам старика.  
– Дайте мне отдохнуть, а потом я рассказывать буду...

Я – из тех, кто ушел... Покорился мятежный имам...  
Нас чужая земля приняла так, как вам не желаю.  
Эти долгие годы шагала по нашим следам  
Смерть... Чечня нам казалась навеки потерянным раем...

Он закончил рассказ, словно исповедь перед судьбой:  
Что могу рассказать о дорогах страданий еще вам?.. –  
Из-за паузы что-то достал и промолвил: – С собой  
Тридцать лет эту землю ношу я в мешочке холщовом...

В этом сером мешочке щепотка родимой земли,  
И со мной по дорогам страданий она прошагала.  
Ни вода, ни беда затерять ее след не смогли,  
И вернулась она, как и я, к этим рекам и скалам.

Посмотри, вот она, моя вера и мой талисман...  
Что-то видится плохо, наверно, с годами ослеп я...  
И хозяин взглянул – это явь или это обман:  
На руке старика – горсть холодного серого пепла.

О, тоска по Отчизне, ты сердце и душу сожгла...  
Лег старик на истанге\*\*, вздохнувши протяжно и глухо:  
А тепер я умру... Я из этого, сын мой, села...  
Мне родная земля будет мягче лебяжьего пуха...

Перед смертью тебе завещаю Отчизну свою,  
Ты ее ни за что, никогда не меняй на чужбину!..  
Разделяй с ней судьбу в светлый час  
и в смертельном бою,  
И она не изменит тебе и в беде не покинет...

Он встает по ночам предо мною в мучительном сне:  
Тридцать лет по чужбине шагавший печально и слепо,  
Чтоб в последний свой час из мешочка холщового мне  
Протянуть на ладони щепотку родимого пепла.

### Матери наши

Чтобы трудность дорог  
мы осилить смогли  
И надежды огонь  
не был в сердце погашен,  
За собою вы нас терпеливо вели,  
От забот поседевшие матери наши.

И однажды понятным  
становится вдруг:  
Ничего нет на свете дороже и краше  
Вашей светлой улыбки  
и ласковых рук,  
За собой нас ведущие матери наши.

Незвезденным останется  
пусть автомат,  
Несожженным рассвет –  
над безмолвием пашен.  
На седеющих нас  
с тихой грустью глядят  
От забот поседевшие матери наши.

### Я дома вновь

Я грустно верю снам,  
увиденным когда-то...  
Скрипучий стол и стул  
облезлый у стола,  
Март. За окном нагие ветки сада...  
Корявины грушевого ствола.

Холщовой тряпкой, отжимая пену,  
В оконных рамах моет стекла мать,  
А я пытаюсь на полу и стенах  
Веселый зайчик солнечный поймать.

Ах, детство, детство, –  
счастье и беспечность,  
Кусок ржаного хлеба, соль на нем...  
Мы в юности торопим годы вечно,  
А в зрелости за быстроту клянем.

Я дома вновь –  
седеющий, непрежний...  
У времени былого не отнять...  
Все так же, только чуточку неспешней,  
В оконных рамах стекла моет мать:

Немного сгорбилась и постарела,  
Не отказало время седине...  
Лишь зайчики шальные то и дело  
Напоминают небыль детства мне.

### Детство

Я становлюсь каким-то невесомым.  
Наука, ты бессильна в этот миг...  
Я снова в детстве, к берегу крутому  
Шагаю, как на дальний материк,  
Веснушчатый, отчаянно курносый,  
Спускаюсь к речке  
вниз по морю лжи...

Пикируя с высокого откоса,  
Взмывают вороненные стрижи.

Лист лопуха... и черви с огорода...  
В отцовской шляпе  
(надо ж пофорсить),  
Я верю, ждут меня на тиховодах  
Те самые, по локоть, караси.

Потоком гулким мчалась  
кровь по венам,  
Метались поплавки на быстрине,  
И чудились мне рыбы здоровенные  
В таинственной и жуткой глубине.

А шел домой – один во всей вселенной:  
Так призрачны у счастья рубежи.  
Качался в такт шагам кукан отменный,  
Как будто вниз растущий колос ржи.

Щелчок! И память,  
словно маг всесильный,  
Меня бросает в лето из весны...  
Зачем ты так жестоко  
рвешь, будильник,  
Пришедшие ко мне из детства сны?

### Женщина плачет

Ведь бывает, что нас, даже зрячих,  
От дороги прямой увело...  
Плачет женщина... Женщина плачет –  
Значит, в мире прибавилось зло.

Чаще в грусти своей одиноко,  
Втихомолку и просто навзрыд,  
У пустого безмолвия окон,  
От заведомо горьких обид.

Ей бы вдруг встрепенуться от звона,  
Улыбнуться, себя не таясь...  
Но молчат и молчат телефоны,  
Обрывая с надеждою связь.

И не надо мудрить о причине...  
Ожидая судьбу у окна,  
Если женщины плачут, мужчины,  
Это наша прямая вина.

А любовь как всегда незадача...  
За окном засыпает село...  
Надо плакать... и женщина плачет...  
Чтобы в мире уменьшилось зло.

### Старость

Проникает и в душу и в тело,  
Серебристо крадется к виску...  
Все, что раньше кипело и пело,  
Перешло в листопада тоску  
И, не выдержав памяти пыток,  
Отступило безмолвно туда,  
Где в преданиях юность забыта  
И в ночи замирает звезда,

Где остались следы у колодца  
И последних надежд уголек...  
Над душой угасающий вьется  
Мудрой памяти тонкий дымок.

То ли взгляд, то ли дали мутнеют,  
И рука отчего-то дрожит...  
Или мир никогда не стареет,  
Или время уж больно спешит.

Улыбнется... Вздохнет – Слава Богу!  
И потом за усталостью век  
Соберется, как будто немного  
Подремать... Засыпает на век.

### Бумеранг

Над пропастью, почти у самой грани  
Огромный лось остановил свой бег...  
В сыром морозном утреннем тумане  
От раны умирает человек.

Он был не стар. И так любил охоту.  
Слепой азарт убийства в нем горел.  
Но им самим зацепленный сработал  
Поставленный на зверя самострел.

Он шел по следу зверя сосняками,  
Удачу нервно чувствуя, и вот –  
Лежит в снегу, горячими руками  
Хватаясь за простреленный живот.

Поземкой закипает непогода,  
Шумит угрюмо лес над головой.  
Так отвечает мудрая природа:  
Несущим смерть – ошибкой роковой.

\* Чоха (чеч.) – черкеска.

\*\* Истанг (чеч.) – войлочная подстилка.

Гиллакх-оьздангалла**Ахмадов Муса****Нохчийн гиллакх-оьздангалла****IV-гIа дакъа***ТIаьхье. Юьхь еша №№3-4 – 9-10.***Добзал а, бераш кхетош-кхиор а**

«Добзал» дешан маьIна дан гIоьртича, гучудолу иза «доь» бохучу орамах хилар. «Доь» шен маьIница «xIy» дашна гергахь ду. Нохчийн маттахь иза дисна xIokху тайпанчу аларшкахь: «Доь доцуш вайна», «Доьза вайна». И бохург цхьа а лар а йоцуш, тIаьхьадисина цхьа цуьрриг xIума а доцуш стаг вар ду. Добзал – и доь (xIy) хилар, доь долор ду.

Добзал – иза боьрший, стей ши адам дино а, шен кьоман Iадато а ма бохху, цхьаьна даха а, шайн тIаьхье йоло а вовшахкхетар ду. Нохчийн Iадатехь добзал да-нана, бераш хилла ца Iа. Добзал – иза да, нана, бераш, церан деда, денана, дейижарий, девежарий, цаьрца цхьаьна тховкIелахь, я кертахь Iаш болу чохьхара кхин гергара нах а бу. Добзалал шуьйра кхетам бу «цхьана цIийнан нах» бохург. Цо чулоцу цхьана дех схьабевлла шича-маьхчаллехь болу гергара нах. Добзал, массо а декъашхо меттахь волуш, буьззина а, я буьззина боцуш а (тIера да, я нана дIаяьлла; я ший а дIадаьлла, гергарчу стага дола деш) хила тарло. Бакьду, добзал алар нийса хир ду, нагахь цхьаьна дехачу адамийн, цIийца гергарло хилла ца Iаш, оьздангаллин мехаллех болу кхетамаш цхьатера а, вовшашна юккъехь сий-ларам а хилахь.

Добзал кхоллар а, иза кхетош-кхиор а стагана дахарехь тIехIуьтгучу зерех уггаре коьртгачарах цхьаь ду, xIунда аьлча, Дала боху Шен сийлахьчу Кьурьанчохь, Ша адаме хаттам бийр болуш кхо xIума ду: адамах шех а (цо лелийнчух, дийцинчух...), цуьнан добзалх а, цуьнан даьхнех а. Цундела шен добзал дас, я нанас охьатасар, я кIезиг xIума бахьанехь вовшах а кьаьстина, шайн берийн дахар дакъаздаккхар доккха кьа ду.

Добзал – иза шина агIор долу жопалла ду: ден-ненан берашна хьалха, берийн дений-нанний хьалха. Ден-ненан жопалла хьалххехь дIадолало, бер дуьненчу даларца. Оцу дийнахь дуьйна дIадоло дезаш ду иза кхетош-кхиор. Бераца доьзна цхьа а xIума а дац кIезиг.

Цундела бен а доцуш хьежа мегар дац оцу гIуллакхе. Бер дуьненчу даьлча, цунна цIе тиллар тIедужу дена, нагахь дийна велахь дедена а. ЦIе тилларх лаьцна цхьа стихотворени ю Дикаев Мохьмадан. Цу тIехь винчу кIантана цIераш кьестош ден доттагIий бохкуш, цхьана воккхачу стага олу:

«Ма леха эрна аш  
КIантана йоккха цIе,  
Пхийтгара валийта  
Вайн керла юьртахо,  
Цхьаьнгга а ца хобттуш,  
Халкьо цIе туьлтур ю  
Махкана цо дечу  
ГIуллакхе хьаьжжина».

Бакьду иза, адаман гIуллакхашка, гIиллакхашка хьаьжжина наха цIе туьлтур а ю цунна. Амма и иштта дара аьлла, цIе бен а доцуш, шена дагаеьнарг, бегашийна тилла мегар дац. Ткъа и тайпа бен а доцуш цIераш тахкар нохчашна

юккѣхъ хьалха а нислуш хилла, хӀинца а нисло. Иштта ца хилча, хир ярий вайнехан хӀара тайпа цӀераш: Цога, Тапча, МаӀаш?.. Ткъа тӀаьххьарчу хенахь цхьацца пачхьалкхийн, къаьмнийн цӀераш юкъяевлла. Цул сов, дукха яьржина кхечу пачхьалкхийн куьйгалхойн, артистийн, кхечу маттахь хилчхьана, хӀун ю а ца хуу цӀераш а.

Оцу дерригено а гойту вайн цхьаболчу наха стеган цӀе – ша тайпа хӀайкал, цуьнан дахаран коьрта маӀне хьаьрк ларар дицдина хилар. ЦӀе хазийриг стеган гӀиллакхаш делахь а, цуьнца цхьаьна мелла а тӀеӀаткъам стеган кхолламна цуьнан цӀаро а бан тарлуш ду. Цунах кхеташ хиллачух тера ду вайн генара дай.

Ширчу цӀерашкахь вайна го нохчийн къоман дуьнене хьежамаш, цуьнан Ӏаламца болу лерамаш, цунна деза хетта гӀиллакхаш, амалш. Масала, дитташца, бецашца, хишца йозначу цӀераша (Нажа, Колла, Хьуьна, Шовда, Зезаг, Заза, и. дӀ. кх. а) гойту халкъан цаьрца йолу сий-лараме юкьяметтиг. Иза маӀна ду олхазарийн, акхаройн, сагалматийн цӀераш адамашна тахкаран а (Леча, Хьоза, Полла, Кхокха, Дода, Барза, Льома, и. дӀ. кх. а).

Нохчийн ширчу цӀерашкахь шайн маӀна атта дан йиш йоцурш а нисло: божарийнаш Моьсаг, Аказ, Очча, КӀуштани, Теса, Хьама, ГӀубач, Довт, и. дӀ. кх. а; зударийнаш Пера, Таху, Баху, Заху, ШайлагӀаз, ГунегӀаз, и. дӀ. кх. а. Бусалба дин юкьадарца а, чӀагӀдаларца а дуккха а керла цӀераш яьхкина вайнехан матта юкъя. ГӀиллакх хилла дӀахӀоьгтира берашна пайхамарийн, безчу нехан цӀераш тахкар.

ТӀаьххьарчу бӀешерашкахь, Нохчийчоь Россин олаллина кӀел яханчул тӀаьхьа, алсамьевлира оьрсийн а, Европан кхечу къаьмнийн а цӀераш. Нохчийн шира цӀераш тахкар гӀелделира. Советан Ӏедал вайн махкахь чӀагӀделлачу хенахь цу хьокъехь поэта Хасбулатов Ямлихана яздора:

Борз боху буьрса цӀе  
Сов кӀезиг туьллу вай,  
Йовш лаьтта стигларчу  
Баьччин цӀе Аьрзу...

Берана цӀе къаьркьанаш муьйлучохь, эрна хабарш дуьйцучохь тилла мегар дац, хӀинццалц цхьаболчу нохчийн доьзалшкахь и хуьлуш ма-хиллара. ЦӀе тиллар Дала оцу беран дена тӀедиллина ду, цунна тӀера хьакьикъат а дуьйш. Иза бер дуьненчу даьллачул тӀаьхьа ворхӀ де даьлча деш хуьлу. ДӀаяханчу заманахь доьзалхо дуьненчу ваьлча, иштта сагӀа даьккхина ца Ӏаш, говраш хохкуьйтуш а, ловзар деш а хилла. Берана дикалааран ловцаш (луьйцаш) беш а хилла гергарчара, хьешаша:

Дала беркате доьзалхо войла!  
Дала дукха вахавойла!  
ВорхӀ вешин ваша (йиша) войла!  
Хьо вехийла Органна чо баллалц!

Хьо вехийла цигигана маӀа яллалц! царах терра кхин а. Бер динчул тӀаьхьа масех денна я кӀиранна да лечкъаш хилла, ша гергарчарна, баккхийчу нахана ца гойтуш. Оцу Ӏалашонца чуьра дӀавоьдуш а хилла. Иза а, дуьхьал бехке стаг кхетча, шен карара бер охьа а дуьллий, нана букь берзабой дӀахӀутту гӀиллакх а, хетарехь, дукха генара схьадогӀуш долчух тера ду. Цуьнан маӀна дан гӀоьртича, ойлано адамийн зуьрет долалучу юхавуьгу. Дала бихкина болу стом биьна, Адамий, Хьавассий латийначу дуьххьарлерчу къинан изхь дуй-те дений, нанний шайн бер баьханехь хетарг?

И мухха делахь а, нахана хьалха шен бер хьастар, кара лацар, ура-атгалла цуьнан тидам бар а гӀиллакхехь дац вайнехан Ӏедалехь. Къаьстгина цунах ларлуш хилла да. Бакьду, беран дахарна я цуьнан могашаллина кхерам хилча,

гИллакхаш лелор тЕхь дац стагана. Цигахь милла велахь а, берана (муьлххачу стагана а) орцахвала веза. Цундела С. Бадиевн цхьана дийцарехь марда хьалха ву аьлла, шен бер кЕлхьара ца доккхуш, нанас гIу чу дожийтар, иза гИллакх дац, иза кьизалла ю (и тайпа хIума-м дахарехь хир ду аьлла а ца хета, яздархочо шеггара кхоьллина ду иза). Иза дика го нохчийн «Дадин-Юрт яккхарх» долу халкъан илии дешча а:

Вай керла балийна вайн оьзда несарий,  
Марзойн цЕраш ва йохуш кхойкхучу цу дийнахь...

Оцу дийнан халоно (мостагIа тIе а летта, юрт хIаллакьеш) дицдайтина гИллакхаш, иза оьздангалла йохош а дац. Бер кхиьна даллалц цунна мелла а «юьстах» лаьтта да. Амма иза дац дас оцу гIуллакхехь дакъалоцуш а ца хилла бохург. Берана цуо беш болу тIелаткъам ненехула хуьлуш хилла, ткьа нанас гуттар а ден сий а, цIе а ларьеш, йовзуйтуш, кхиош хилла бер.

Да берана массо хIуманна тЕхь масал хилла. Цунна иза духха хьолахь вевзаш хилла цуьнан гIуллакхашца а, ненан бIаьргашца а. Нохчийн гИллакхаш чIогIа лелочу доьзалшкахь бераш дена хьалха охьаховшуш а, хIума юуш а ца хилла. Кхиьна, кога даххалц бераца ден кхин башха уьйр хуьлуш а ца хилла. Цхьана воккхачу стага дуьйцура, шен кхозлагIчу дас (кхо зуда а, цара бина доьзал а хилла цуьнан) чохь бер а долу ага арахь дIагулдинчу лайла тоьхнера бохуш, дехьачу горгам хьокхуш зудчо иза ша волчу чу хIогтийна аьлла, оьгIаз а вахна. И тайпа хIума дар-м нийса дац, делахь а оцу масало гойту, мел чIогIа ларлуш хилла вайн генара дай берашца эвхьаза хиларх.

Амма доьзал тЕххьа боккха хилча, царна ненехула тIелаткъам бина ца Iаш, ша хьехам беш а хилла дас, къаьсттина боьршачу берашна. Цунах лаьцна яздо Бексултанов Мусас шен цхьана дийцара тЕхь: «ВорхI-бархI шо кхаьчна тхо долуш, хIаь. Цу хенахь дуьйна схьа дуьйцура тхуна дас хабарш, тхо наьIара улло хьала а хIиттадой. Цкъацкъа вицлой, чIогIа лобьра тхоьга, шух нах хир дац, хIумма а хир яц шух, бохуш. Паккха шен денда вуьйцура. Иштта берриш а буьйцура цо тхуна, ворхIе да а. «Къа дац ткьа цу нехан, олура цо, шайна вонна ала а дош ца дуьтуш чекхбевлачу, цхьа ледара тIаьхье а кхиьна хIаллакьхилча... Ду. Вайн цIе йоккхучу хенахь церан цЕраш ма йовлу, хьенехаминехан кIант олий. Беллачу нехан юьхь лара ма еза. Шен орам бовза ма беза стагана, иза мичара схьабогIу хаа ма деза. Шен гай, дегI лардича, къонаха чекхвер вара баьхна-кх хIума хуучу наха. Гай а хала ма ду. Комаьршо хила ма еза къонахчуьнца... Буй дIабостуш хила беза, хецца дIабостуш. Йоллуш чIир а ца хилча, нисдан дезаш дов ца хилча, шуна хIун хала ду нах хила. Комаьршой, гИллаккхий шуьца хилчхьана, шу чекхдевлла-кх...». Да гуттар а ву тхоеца ишта: оьгIазе а, хьасене а, дера а, кIеда а». (М. Бексултанов. «Мархийн кIайн гIаргIулеш», Грозный, 1985).

ХIокху жимчу кийсигехь тидам тIебахийта безаш масех маьIне меттиг ю: дас хьехам бо берашна, «дера», «дов деш», хIунда аьлча, дай аьлла хIума беран кхетамо дIа ца лаца тарло; дас шен денда а, ворхIе да а хьахаьво, берашна царна хьалха долу жопалла довзуйтуш. Цуьнца цхьаьна дас берашна хоуьйту уьш шайна луьург лелон «маьрша» доций, царна тЕхь дайн сий лардар а дуйла; дас билгалдоккху, шена хетарехь, стагана уггаре чIогIа оьшург: комаьршалла а, гИллакх а. Цо иштта стагана уггаре хала ю аьлла хета киртигаш а билгалйоху (чIир, такха ца даллал доккха декхар); кхузахь дас шен хьехамца а, шен дай хьахорца а ша тайпа кхетаман болх бо берашца. Ткъа уьш кхетош-кхиорна тЕхьажийна хилла хьалха заманахь нохчийн доьзалехь дас, нанас, дендас, денанас, кхечу баккхийчу гергарчара мел олу дош а, мел боккху ког а, мел ден гIуллакх а. Бер жима долуш нанас олу аганан эшарш а хилла кхетош-кхиоран маьIна долуш:

Дижалахъ, жиманиг,  
 Мерзачу набарца,  
 ГІатгалахъ, жиманиг,  
 КІоргачу хъекъалца.  
 Мерза наб кхетийла  
 Жимачу кІорнина.  
 Дуьйшуш, гІоза дийшалаш,  
 ГІовттуш, гІоза гІовтталаш,  
 Дийшалаш, дийшалаш.  
 Дала дахадойла шу,  
 И долу гІа санна,  
 Дала дебадойла шу.

Іаламат мехала ду ненан бераца йолу юкъаметтигаш цІена хилар. Цунах куьг тухуш «Бисмилла» доккхуш, хи тІехъ долуш иза дузорах ларлуш, ламаз карахъ а долуш иза некхе хьош, Къуръанан аяташ цуьнан лерехъ доьшуш (къулхъанаш, ламазан сурат, масала) кхиош долу бер ийманехъ а хир ду, вуочу хІонах а ларлур ду. Цъаболчу доьзалшкахъ лелош гІиллакх ду: жимчу беран дуьххъара хедийна мІараш Къуръан юкъа йохкуш Іеламстаг хилийта, чорха чу кхуйсуш (йойан мІараш) хІумнаш тега говза хилийта... Шайн бер хъанала къахьобгуш, дика адам кхийта, цуьнан дахар ирсе хилийта лаам бу дас-нанас оцу гІуллакхца гойтург. Амма бусалба дино тІедиллина хІума-м дац иза.

Бер жимма доккха хилча, нанас иза Іамош хилла массо а дикачунна, цІена лела, ялтин хама бан. «Бепиган цуьрг охъа ма дожаде, цу тІе ког ма баккха; яьгна хІума йиьча, майра хуьлу; еттинчу хъаьжкІан бух биьча, ницкъ болуш хуьлу, бохъ биьча, хаза хуьлу; пхьид йиэ мегар дац, и йийча, етт ле; нуй тоха мегар дац, и тоьхча, ирс дов...», бохуш, хъехамаш гуттар а беш хилла нанас.

Боьрша бер гІеххъа хъалакхиьча, цунна тІекхочу доккха де сунтваран де. ХІора бусалба стеган декхар ду шен кІант, ламазна кийча хилийта, сунтвар. Цъадолчу бусалба къаьмнийн масала, Іаьрбийн боьрша бер дина дукха хан ялале деш ду иза. Ткъа нохчийн Іадаг ду и гІуллакх беран ворхІ шо кхачале чекхдоккхуш. КІант сунтвечу дийнахъ, уьстагІ а боьй, нах а кхойкхий, мовлад а йоьшуьйтуш, мерза яахІума а йой, цунна тІера сагІа доккху. Оцу сагІа доккхучохъ гулделлачу берашна хазийта, царна пайде болу хъехамаш бо баккхийчу наха, Іеламнаха.

Беран ира хъекъал, кхетам кхиорна тІехъовсийна хилла царна Іамадо дагардарш а, тайп-тайпанчу ловзаргашкахъ олу дешнаш а, хІетал-металш а. Къаьсттина берийн хъекъал кхиош хилла «Хаттар жоп» бохучу бустамехъ долчу хІетал-металша. Царах цхъаь далор вай кхузахъ:

ДІо йоьдург хІун ю?  
 Іаьржа-Іаьржа кьиг ю.  
 Цуьнан багахъ хІун ю?  
 Боча-боча біар ду.  
 И охъадожахъ хІун дер?  
 КІела пале лоцур.  
 Пале батІахъ хІун дер?  
 Мехаца тоьгур.  
 Маха каглахъ хІун дер?  
 Пхъере хоттуьйтур...

Иштта дІа, дахлой, и хаттарш-жоьпаш генна дІадоьлху. Масала, «ШайтІа кьардар» бохучу берашна леринчу халкъан произведенехъ ткъе ялх хаттар а, жоп а ду. Ша мел хала хаттар делча а, шена дуьхъал жоп дала хъекъал долуш кІант (я йой) вуйла хиьча, и ца лалуш, дог а эккхий, шайтІа ле. И дешан къовсам иштта дІабодало:

Цхъаь хIун ду?  
 Цхъана сил мерза хIун ду?  
 Шиь хIун ду?  
 Шина баьргал сирла хIун ду?  
 Кхоь хIун ду?  
 Кхо ког болу гIант хIоттийнчохь лаьтта.  
 Диь хIун ду?  
 Биь са болу гIала йобггIинчохь лаьтта.  
 Пхиь хIун ду?  
 Пхеамма вихкинарг цхъанна васта хала хир ду...

Гуш ма-хиллара, ишттачу кыйсадаларша а, хIетал-металша а беран хъекъал кхиош хилла, ткъа кхечу ловзарша гIахъаьлла хилар, ницкъ, майралла. Кхуьуш догIучу берашна къаьсттина доккха зер хилла кешнашка куй билла вахар. Цунах лаьцна дуккха а дийцарш а ду вайнехан. Куй билла воьдург кхерон кIелонаш еш меттигаш нислуш а хилла кхечу бераша. Ткъа вукхуьнан декхар хIуьа шена дуьхьал хIоттарх, вуха ца волуш, воха ца вухуш, шен Iалашоне дIакхачар. Цхъамма охъабиллина куй схъабан воьдуш хилла кхин кIант.

Божаберашна лерина тайп-тайпана ловзарш хилла вайнехан. Ткъа цу агIор мелла а кьиэн хилла зудаберийн ловзарш. Церан коьрта долчунна тайнигех ловзар хилла. Уьш дукха хьолахь нанас ша еш хилла кегийчу гIожмех, кIадин цуьргех а, тайх а пайда а оьцуш. ЙоI хIума хаьал хилчхъана чохь ден гIуллакхаш Iамош, шен хиндолчу хIусамненан дахарна кечъеш хилла нанас.

Берана мотт ма Iемми, «Бисмилла» даккха Iамош хилла. ХIума яа охъахиьча: «БисмиллахIиррохьманиррохьийм! Везандела, маьрша яийталахь, могош лелийталахь»; йиьна ваьлча: «АлхъамдулиллахI! Дела, хьуна хастам бу!» ала Iамош хилла. Ткъа ворхI шо кхаьчча, Элчанан Делера салам-маршалла хуьлда цунна хъадисо ма бохху, ламаз Iамадо берана. Къуръан деша Iамон а доладо ийман долчу доьзалшкахь. (Бакъду, и дан аьтту кIезиг бара советан заманахь). Бусалба дин марздан, цуьнан хазалла а, йозалла а йовзийта мовлад йоьшучу, сагIа доккхучу, Iеламнаха хъехам бечу дуьгу бераш. Уьш иштта пIерасканан буса сагIийна хIума яла а дохуьйту. Къаьсттина боккха тIеIаткъам бо берашна марха достучу дийно. Оцу сийлахьчу дийнах болу дагалецамаш гуттаренна а буьсу церан кхетамахь. Берийн ловзарех къаьсташ ду догIа дехар «кьоршкъури» цIе йолу шира ламаст. Иза, хетарехь, дукха хьалха, Iесачу заманахь кхолладелла гIиллакх ду.

Бусалба дин чIагIдаларца хийцабелла цуьнан чулацам, ткъа ша гIиллакх дисна. Иза иштта ду: догIа ца догIуш, йокъа хIоьттича, бераш цхъана эвла йисте гулло, шайх цхъанна тIе яккхий яраш я дечиган генаш ухку цара, буьххьера дIа а доьхий. Иза юкъа а хIоттавой, юьртахула дуьйлало бераш, хIора наьIарга хIуьттуш, шайн илли а олуш:

Кьоршкъури хIара ю,  
 ДогIа дайта, Дела,  
 Я АллахI Дела.  
 Стиглахь сиха дайта,  
 Лаьттахь мела дайта,  
 Ден дуо бузийта,  
 Ненан ога дузийта.

Берашна дуьхьалььяьллачу хIусамнанас генашна бухахь воллучунна тIе хи туху (и мосазза туьйхи, важа, кхосса а луш, вегало), сагIийна хIума а ло ахча, хIоаш, стоьмаш, марзаллаш... Суьйранна, я юьртах шайш чекхдевлча, бераша шайна делла сагIа доькьу, генашна бухахь хиллачунна алсам а кхачош.

Беран пхийтта шо кхаьчча, дIайоьрзу цуьнан бералла. И баккхийчеран дарже волу, воккхачуьн доллу декхарш тIе а оьций. Цо шен юкъ йоьхку. Утгаре

а дезаниг а, жоппаллениг а: пхийтта шо кхаьчначул тӀаьхьа цо шен дашах а, лелочух а жоп дала деза Далла хьалха. Пхийтта шо кхаччалц дай-наний дара шайн доьзалхочух Далла хьалха жоп дала дезаш. Цул тӀаьхьа стаг ша ву шен дахарх жоппалле верг.

Добзалхочун пхийтта шо кхачар а, цунна Далла хьалха шен долу декхарш а, баккхийчеран дукъ тӀедожар а хоуьйтуш, уьстагӀа а боьй, сагӀа доккхуш гӀиллакх ду вайнехан цхьаболчу доьзалшкахь. Иза дика гӀиллакх а ду, хӀунда аьлча, ша воккха хиллийла иштта дӀа ца аьлча, ца хууш, шен бераллех къаста ца туьгуш, баккхийчеран декхарш (воне, дикане вахар, салам далар, и. дӀ. кх. а) тӀе ца оьцуш, стаг ткъе итт шаре волуш меттиг а нисло дела. Иштта сагӀа доккхучохь гулбеллачу Јеламнаха, юкьараллехь сий-ларам болчу баккхийчара доьзуйту пхийтта шо кхаьчначунна тӀедужу декхарш, ловчаш бо, совгӀаташ до... Пхийтта шо кхаьчнарг юкьаозаво шайца цхьаьна Далла Јамал ян: жамӀатца ламаз дан, зуйкаре, мовлад ешаре, и. дӀ. кх. а. Гулбаларна «бехке» волчуьнга, цуьнан хааршка хьожжий, дакьалоцуйту: ламазна ххойкхуйту, сураташ доьшуйту, салават дуьллуйту... Баккхийчара иштта тидам баро пхийтта шо кхаьчначунна шен хенан жоппалла доьзуйту, сихха керлачу декхарийн дахаре вала аьтту хуьлуйту.

Хьалха заманахь, пхийтта шо ма кхеччи, дӀаоьцуш ца хилла кӀант тӀемалошна юкьа. ХӀонце, мостагӀашна дуьхьал лата боьлхучу тӀемалоша шайца воуьйтуш ца хилла цхьа билггала долчу зерех чекхваьлла воцу жима стаг. Иштта, хилдехьаройн махка уллохь цхьа боккха кхера бара. Жима стаг шен дерриге а герзашца цхьаьна, ведда воьддушехь, куьг а ца Јуттуш, оцу кхерана буьххье тӀевала везаш хилла. И дан ницкъ ца кхочург тӀемалочун декхарна кийча лоруш ца хилла.

Жима стаг тӀемалочун декхарш кхочушдарна кечвеш, тайп-тайпана кьийсадаларш, хуььнарш зер дӀахьош хилла. Царах шиннах лаьцна шен цхьана статья тӀехь дийцира яздархочо Тагаев Сайд-Хьасана. Оцу зерех цхьаь иштта хилла: шен гӀодаюккьал стомма болу цулла-дегган серийн цӀов цкъа тур тоьхна хадийча, и тур лелон бакьо луш хилла. Цундела гӀодаюкь готта мел хили а, атта хилла тур лелон бакьо яккха. И серийн цӀов охьабилла а, кӀаг а баьккхина, цу чу ирахбогӀа а, цхьана хӀумнах хьалаолла а могуьйтуш хилла, цкъа тур тоьхна и хадийчхьана. Иза нахана гуш дан дезаш а хилла. Ткъа тур мел ира хила деза! Мел ницкъ а, говзалла а, сихалла а оьшу и тайпа серийн цӀов хадон жимчу стагана!

Оцу зерех чекхваьллачо дакьалаца дезаш хилла кхечу кьовсамехь а. Ши жима стаг, настариин голанех ши кахьар а йоьхкий, хьалхаваларх водуш хилла, буса а, дийнахь а ца соцуш, кхаа юьртах чекхваллалц. ХӀуьа хиларх, тӀаьхьа жӀаьла даларх, я цхьамма герз я мохь тохарх, орца дохуш хиларх, вухахьажа йиш а ца хилла, хӀунда аьлча, и дича, са кӀезиг долуш а, кхеравелла а лоруш хилла. Оцу зерах чекхваьллачунна секхаӀад, тӀаьхьюо топ а лелон бакьо луш хилла.

Кхийьна вогӀу кӀант гӀиллакхехь, кьинхьегам безаш, онда, каде хила, герз лелон – доцца аьлча, дахарна Јамон, махкахь а цӀе яхначу кьонахашка дӀалуш а хилла. Ша санна долчу берашца цхьаьна, хьехамчас тӀедехкина декхарш кхочушдеш, цуьнан цӀен тӀехь бан беза белхаш беш, масех шо а доккхий, вухавоьрзуш хилла кӀант. И тайпа бераш кхетош-кхиоран кепаш дика гайтина яздархочо Гайсултанов Јумара шен «Болат-гӀала йожар» цӀе йолчу повестехь. КӀант кхийьна ваялча, цуьнан бакьо ю зуда яло, ткъа кхийьна яьллачу йоьлан маре яха. Кегийрхошна вовшийн довзар, дукха хьолахь, нах гуллучу меттехь хуьлуш хилла: хийистехь, белхешкахь, синкьерамехь, ловзаргахь... Дуккха а нах вовшакхеташ, кьайле хила йиш йоцуш меттигаш ю уьш. Нохчийн гӀиллакхо тӀедуьллу кӀентан, йоьлан юкьаметтигаш тешаш болчохь хилийтар, теш воцуш цхьаьнакхетар – и осала лоруш а, магош а ца хилла.

Оцу гуллакхна хийист кьастор ша тайпа маьлна долуш ду. Цкъа делахь, хӀора йоӀ а хийисте (шовданна тӀе), кхайкха ца оьшуш, ян езаш ю. Цундела цигахь

и ган аьтту бу кIентан, цу тIе шен говрана хи мало дезаш а хилча, кIентан а ду цига ван бахьана. ШолгIа делахь, хи тIе дуккха а нах богIу дела, кхин леррина тешаш кхайкха а ца оьшуш, шиннан цхьаьнакхетар дуккха а нахана гуш хуьлу. КхоалгIа делахь, сацар доцуш, гуттар а дIаоьхучу цIеначу хин, чу хьаьжча бухара тIулгаш а гуш, сирлачу хин йистехь кхоллало юкьаметтигаш иштта сирла а, цIена а хиларе сатийсам а бу иза.

Хийист иштта гойту Бадуев СаИда шен «Бешто» повестехь: «...Кху хина пурх шина а агIор тIебогIучу новкьахула кегийчу наха, хитIа а кхуьйлуш, шайн дой суьйранна чудерзо чехкка цIа кхуьйлура. Царах цхьаьболу кегий нах, кегийчу берашка шайн дой цIа а кхуьйлуьйтуш, хийистехь а соьцура. Уьш боцуш, кхин дуккха а кегий нах кху хитIа баьхкина бара, хIинцца хитIа оьхуш дуккха а мехкарий хиларна. Цу зудаберашца кегийчу наха, куьйгаш а туьйсус, маьI-маьIпехь кьамелаш дора. Церан дешнашна дуьхьало ца еш, церан массо а дашна дуьхьал там беш, зудабераш, чIогIа царах са а кьералуш, гIадьоьхуш доьлура. Цу зудаберийн чамеш кIудалех дегталуш, цIестан гIовгIанаш а яра хезаш. Кху юьрта юккьехула чехк а буьйлуш, хина дехьий-сехьий оьхучу кегийчу наха, цу зудаберашна тIекхьаьчча, шайн дой тIетуьйсус, еттаху шодмийн татанаша хийист наг-нагахь екайора. Цу хьешийн дешнашна а зудабераша дуьхьало ца йора. Царах цхьамма «ЙоI, йолахьа соьга маре», – аьлча, йоIа, шена иза дуьхьхьара гуш воллушехь: «Дера, йогIур ю-кх со-м», – олура. И зудабераш, шайн кьамелаш ца хадош, меллаша хих кIудалш а юзий, юадахка, чехкка цIа оьхура. Уьш цIа а ихина, шаьш бисча, кегийчу нахах нагахь волчо олура: «Дала хIун боху-м ца хаьа, бакьду, и жима кIорни нахе далийта безам бац сан». Цул тIаьхьа кхечо олура: «Вешан дагахь долу зудабераш вайна кхачо бен, вай цу Дала кхоьллина а дац, шек ма довлалаш, кIентий». Иштта шайн жималлех сакьералуш болу и кегий нах, цу дешнех синкьерам болий, гIадьоьхуш, куьйгаш вовшах а детташ, буьйлура».

Хийистехь я кхечухьа кIантий, йоIий вовшашца дечу кьамелах дагардийцар олу. Хийистехь йоI евзаш а, цуьнгара цкьа хьалха дуьненан синкьераман, тIаьхьа дуьненан тIаьхьалонан дош доккхуш, кара хIума йоккхуш, хан юьллуьйтуш а хилла. ЙоIа кара луш йолу хIума пIелгах юллу чIуг, я сахьт, я йовлакх хуьлуш хилла. Цу хьокьехь халкьан мехкарийн эшарехь боху:

...Хан юьллу ас хьуна,  
 Дашо чIуг караелла.  
 Дашо чIуг караелча,  
 Мамина хуур ду. □  
 Хан юьллу ас хьуна,  
 Аьтту куьг караделла.  
 Аьтту куьг караделча,  
 Сан дегIан сий ма дов.  
 Хан юьллу ас хьуна,  
 Сан дашах хьо тешахь.  
 Сан дашах хьо тешахь,  
 И тешам бу хьуна.  
 Сан дашах ца тешахь,  
 Кхин тешам бац хьуна.

Эшаро иштта бахахь а, дош даларал а деза хилла кара хIума ялар. Цхьанна кара хIума а елла, кхечуьнга маре яхар магош ца хилла, и тайпа хIума нисделча, зуламца, бохамца доьрзуш а хилла. Дош а делла, кхечуьнга маре яхар иштта дазлуш ца хилла, и дош тIечIагIдеш хIума ца хилча.

Дукха хьолахь хийистехь хуьлуш хилла кIанта йоIана баркалла алар а. ТIехьийзачу йоIана цхьаьцца бахьанашна (цо кхин захало тIелацар гучудаьлча, цунах терра кхин) резавоцчу жимчу стага олу дешнаш ду уьш, шаьшшиннан юкьаметтигаш дIахьаддийла хоуьйтуш. Амма, мел шена халахеттехь а, кIанта

олург, йоI сийсаз ца еш, оьзда хила деза. И иштта хила дезар «баркалла» бохучу дашо а гойту. Оьзда олучу «баркаллин» кепехь яззина ю Гацаев СаИдан цхьа стихотворени а:

Сан таьІна и оЙла! Гур яц и хьуна,  
 Ас деган кьайленаш йостур ю хьанна?  
 ДІале хьо, самукьне хьо йоблуш лела,  
 Со-м воьлур, я воьлхур, сан деган эла...  
 Мел еха ца кхачош, ирс хила хьуна,  
 Хьо ирсе юй хаар – там хир бу суна.  
 ДІале хьо, самукьне хьо йоблуш лела,  
 Хьо хилар – казахетар, сан деган эла.

Захалонан юьхь йолаяла тарлуш ду синкьерамехь а. Нохчийн синкьерам иза кегийрхой вовшашна довзийта вовшахтухуш меттиг хилла, кхочушбан безаш шен билггала лехамаш а болуш. Синкьерам дІакхехьаран некъаш тайп-тайпана ду Нохчийчоьнан тайп-тайпанчу кІошташкахь. Царах цхьаннах лаьцна дуьйцуьр вай. Синкьерам белхица, ловзарца цхьаьна а, хьаша веьна аьлла цуьннан сийнна а, иштта духхьалдІа кегийрхойн самукьадаккха а беш хуьлу. Оцу тІаьххьарчу синкьераман билгалонаш иштта ю. Синкьерам бечу цхьана хІусаме гулло кегийрхой. Цхьана агІор кегий нах а, вукху агІор мехкарий а охьаховшу. Кегийчу наха а, мехкарша а цхьацца тхьамда хоржу. Кегийчу наха шина тхьамдех цхьаьнга я юкьалелачу зудчуьнга, шайна сакьера луу йоI билгал а йоккхуш, хаам бо. Цара иза массарна а хозуьйтуш дІа а олу. Цхьана йоІана тІе масех кІанта хабар дахьийта тарло. Важа массарна а «реза» а хуьлу цкьачунна. ТІаккха цхьа хан йолу, мехкарша эшарш а локхуш, кІенташа бегаш а беш, юкьа-кара хелхаран бал а боккхуш, кегийрхоша самукьадоккхуш. Иштта дІабоьду синкьераман хьалхара гуо, хьалхара мур. И дІаберзош, кІентийн тхьамдас хотту хІора йоІе, цо хьенехана делла дош тховсенна дара я тІаьхьалонна дара олий. ЙоІа шена тІе хабар дайитинчу кІентех цхьаь кьаставо, цунна делла дош «тІаьхьалонна» дара шен олий. Мехкарша кьастоза бисина кІентий синкьерамера дІабоьлху, тІаьхьабисинчара дІакхьохьу шайн цхьаьнакхетар.

Кхин цхьа бакьо а ю оцу синкьерамехь ларьян езаш: «Хьаша хьешана ца кхочу!» И хьешо хьешаца сакьера йиш яц бохург ду. Хьешо юьртахойх кьасто веза кІант. Билгалдаккха деза, и тайпа синкьерам дІабахьаран кеп Нохчийчоьх массанхьа а цахилар. Масала, Органца йолчу ярташкахь йоІана тІе дохьуьйту хабар а, цо делла дош а хууш кхоь бен ца хуьлу шен лаам дІакховдийна кІант а, юкьалела зуда а, дош делла йоI а. Чохь болчарна хууш ца хуьлу мила хьаьнга сакььоруш ву, цундела синкьерам шина гоне бекъа а ца ло, «сов берш» ара а ца бовлу.

Нагахь йоI, цхьанна дош а делла, кхечуьнца сакььоруш хилахь, цуьнга бехк боккхуш кьамел дан тарло кІанта, тхьамдера пурба а даьккхина. Амма и кьамел оьзда а, йоьІан сий ца дойуш а хила деза. ЙоьІан бакьо ю, бехк шена нийса а хетахь, и тІе ца лоцуш, дуьхьал кьамел дан а. Бакьду, дукха хьолахь и кьамел бехк баьккхинчу йоІе безаман оЙла йолчу кІанта деш хуьлу, я йоьІан гергарчу стага.

Дукха хьолахь, синкьерамехь кьамелаш, дуьххьал дІа доцуш, шайн маьІна дан дезаш, Іаламерчу тайп-тайпанчу хІумнех (зезагех, диттех, акхаройх, олхазарех) пайда а оьцуш, деш хуьлу. Иштта хилла йоІий, кІантий дуьхь-дуьхьал локху йиш а. КІанта шен «гІенаш» дуьйцуш, йоІа уьш туьдуш чулацам болу халкъан йиш ялор вай кхузахь:

КІант: Со гІеттича, хьалагІовтгуш,  
 Волавелча, тІаьхьаоьхуш,  
 ДІалелхийча, дІа ца доьлхуш,  
 Цхьа полларчий дайра суна.

ЙоI: Далелхийча, да ца доьлхуш,  
 Хьуна дайна и полларчий,  
 Безамашлахь алсамбуьйлу  
 Вайшиннан безам бара хьуна.  
 КIант: Со суьйранна чувирзича,  
 Сирла стогар дIабайича,  
 Тхан беа пен серлабохуш,  
 Цхьа серлонаш яйра суна.  
 ЙоI: Шун беа пен серлабохуш,  
 Хьуна яйна и серлонаш,  
 Хьан бIаьргашна дуьхьал хьобжу  
 Сан бIаьргийн нур дара хьуна.  
 КIант: Буйса юккье яхначу хенахь,  
 Мерзачу набарх вулучу хенахь,  
 Сенчу стиглахь тIома баьлла  
 Цхьа кIайн кхокха байра суна.  
 ЙоI: Сенчу стиглахь тIома баьлла  
 Хьуна байна и кIайн кхокха,  
 Дуьне кхуллуш декьал хилла,  
 Хьо везна со яра хьуна.

Цхьаболчу синкьерамашкахь (масала, ловзарца цхьаьна беш болчу синкьерамехь, дуьхь-дуьхьал охьахевшина мехкарий, кIентий вовшийн дикка генахь хилча) сакьоручу йоIий, кIантий бIаьцанашца, уьшаршца, бIаьргашца «къамел до» вовшашка. Цунах догдахар олу. Ловзар-синкьерам мелла а къаьсташ хуьлу. Уггар хьалха иза доьзна ду ловзарехь дакъалоцуш дуккха а адам хиларца. Цуьнга хьаьжжина, ловзар-синкьерамехь низам латтош берш а алсам хуьлуш хилла: тхьамда а, цуьнан ши хьаьдалча а, гIоьнчий а, човс а... Тхьамда а, цуьнан гIоьнчий а баьрчехь хIоттийначу стоьла хьалха Iаш хуьлу. Царна хьалхарчу шуьнхь хуьлу тайп-тайпана кхачанаш а, вахаш доцу маларш а, юккье хIоттийна кхехкийна нIаьна а, бага цигаьрка а йоьллина. Тхьамдас ловзаран низамна тIехь Iуналла латтадо. Цуьнан омранаш кхочушдеш хьийза хьаьдалчаш (уьш жухаргаш хила а тарло). Масала, цара тхьамдина тIевалаво цо цIе тоьхна стаг. Оцу стагера яьллачу «ледарлоне» хьожжий, тхьамдас цунна гIуда а туху ахчанца я цхьа гIуллакх кхочушдан.

Ловзарехь хелхаран раж латтош, кIантаца хелхаяла йоI юккье йоккхуш, кхидолу низам латтош волчу стагах човс олу. Цунах, цуьнан хьекьалх, тIахьаьлла хиларх, говзаллех доьзна хуьлу ловзаран болар, дIадахар. Човс дика ца нисвеллачу ловзарх-синкьерамах лаьцна язйина ю поэтан Цуруев Шерипан стихотворени:

Горалера тхьамда яI, горалера,  
 Эшарехь ловзу ког гола тIера.  
 Тхьамдаллех хьо-м дика воьллера,  
 Хабарна жерочул тоьллера,  
 Делахь а, хьобга сан дехар ву,  
 И кхочушдан хьо а декхар ву:  
 Човс дукха ледар ву-кх тховса хьан,  
 Кхечуьнга лохьа и човсалла.  
 Цо атта хелха ца воккху,  
 ЙоIера дош а ца доккху,  
 Цо хIиттош ву хьо юьхьIаьржа,  
 И дерриг хьох а ма хьаьрча.  
 Горалера тхьамда яI, горалера,  
 Эшарехь ловзу ког гола тIера.  
 Тхьамдаллех хьо-м дика воьллера,

Мотт шера и жеро хьовзо а,  
 Хьо-м вара массарал говзаниг.  
 Амма човс ледара ву тховса хьан,  
 Кхечуьнга лохьа и човсалла.

Гуш ма-хиллара, човсо лелориг массарна а товш ца хуьлу ловзарехь. Хетте а, и ца хилча, ловзаран кеп ледара хуьлу, хЮрамма шена луь-луьург а лелош. Хелхаран раж лелор, цо низам латторал сов, оьшуш ду массо а – лууш мел верг – хелха валийтарап Галашонца. ХЮнда аьлча, нохчийн дац массо а цхьаьна (тобанашца) хелха буьйлуш. Хелха цхьа йоI а, цхьа кIант а дала дезаш ду, ткьа дерриге а ловзар царна тIе тидам бахийтина хила деза – вайнаха цхьана стеган сий-ларам чЮгIа беш хиларан билгало ю иза а.

Хелхарх дерг аьлча, хЮра кIентан а, йоьIан а хелхар церан амал, дог-ойла, шеца йолучуьнца (волучуьнца) йолу юкьаметтиг, шен хазаллех болу кхетам гойтуш хилла. Цундела хЮраннын а (кьаьсттина кIентан) хелхар шен-шен башхалла йолуш хилла, юкьара хЮмнаш хиллехь а: ког шаршор, гуо баккхар, бохь богIар, и. дI. кх. а. Амма хЮра кIанта а кхочушбан безаш цхьа лехам бу – цуьнан хелхар а, цо дIашаршабо ког а, цо дIаластадо куьг а оьздангаллех дуьзна хила деза; осала тида тарлуш долу цхьа а хЮма шегара далийта ца деза кIанта. Иза чЮгIа ларвала веза йоIах дIахьакхаваларх а, цунах ца хууш а куьг кхетарх а. И тайпа хЮма нисделча, доккхачу девнаца доьрзуш, вовшашна шаьлтанап етташ меттигаш нисьелла хьалха заманахь. ЙоI, хелха а яьлла, охьахууш, цунна дуьхьал сараг лавцна: «ХЮра хьенан ю? Кхуьнан дола дан мила ву?» – олуш, йоI кхайкхор човсан декхар ду. ТIаккха цуьнан тIеххийзачу кIанта, я гергарчу стага, я вешин доттагIчо ахча тосу.

И ахча керла кхоллабеллачу доьзална гулдеш ду. И гулдаран тайп-тайпана кепаш хуьлу. Масала, хелхарш совцийна, ладугIу эшарш локхучу хенахь тхьамдас йоIана тIе кад бохуьйту. Цо иза шен тIеххийзачу кIантана тIе хьажабо, вуко ахчанца «эца» беца и кад. И ца дахь, жухургаша ловзарна юккьехь «ор» а доккхий, ша кепара «дIавуллу» иза, и хЮнда до аш аьлча, иза чЮгIа «эрча» ваьлла, бIаьрмециг ваьлла, шен тIеххийзачу йоIана тIера совIат а ца ди цо бохуш...

ТубтIаьжгаш а йоьхкина, яххьаш кьайлаяьхначу жухургаша тайп-тайпанчу хелхарчийн амалш беламе яхар, «мехкареп» хелха бийлар, илли аларан кеп хIиттош, Иттарш еш, ГовгIанаш яр, ерриге а забарш ловзарехь гулбеллачеран самукьадаккхарна лерина ца Iаш, керла кхоллабеллачу доьзална «бIаьрг ца хилийта» лелош а ю.

Кегийрхошна вовшийн довзар синкьерамашкахь, белхешкахь, ловзаршкахь хилахь а, йоIера маре ян дош даккхар, кара хЮма яккхар, хан йиллийтар я хийистехь, я ирахьIадохь хуьлу. ИрахьIер кIанта ша тIеххийза йоI цхьанхьа, цуьнан лулахой я цуьнан гергара нах болчу чу а кхайкхина, цуьнца кьамел дар ду. ИрахьIачу хенахь йоI, кIант шаьшшиь хила йиш яц. ЙоIаца зударех цхьаь, я кхиьна йогIу йоI хила еза, ткьа кIантаца накьост хила а тарло, ца хила а тарло. Вай билгала ма даккхар, шимма кьамел дечу хенахь теш хилар иза нохчийн оьздангаллин бохон йиш йоцу лехам бу.

ИрахьIеран сурт оьцу Бадуев СаИда иштта гойту: «Орца кIотарахь, цхьана лохачу, жимчу цIа чохь Хедижатца ирахьIен Бешто, дикка шен сакьерало а моттуьйтуш, йоIаца чЮгIа хабар дуьйцуш вара, гоьла тIе ког а баьккхина, цигаьрка а уьйзуш. ХЮра шиь наран шина маьIе а хиьна Iара, кху шинна юккье хиьна цхьа жима йоI яра, ханна итт шо хир долуш. Цу йоьIан кху шимма дуьйцучух са ца кьералора, иза наггахь набарна охьайоьдура, амма юххехь Iачу Хедижата, шен дилхе цIечу куьйгаца муьшка а йой, сама-м йоккхура».

Дуьненан синкьерам лелон кIант маьрша витахь а, зуда ялорна тIедаьлча, кIентан дас-нанас, гергарчара жигара дакьалоцу оцу гIуллакхехь. Уггар хьалха йоьIан да-нана, орам толлу... «ЙоIана цу лаха, кIантана хЮ лаха», боху нохчийн кичано. ЙоIана яха меттиг, ларош, хьал-бахам («цу») болу стаг, ткьа

кІантана шен схьяялар дикчу нахах долу («хІу») зуда лаха бохург ду иза. Яло къасточу йоІан нене хьожжий сацам тІеобцуш а хилла, дукха хьолахь, захало хьахийнчара. Цунах лаьчна ду халкъан дийцар.

Цхьана йоІана тІехьийзаш хилла цхьа кІант. Церанаш реза ца хилла и ялайта. Шен нана ерриг хир ю иза а, нана дика стаг яц бохуш. КІант шашь бохучунна реза ца хилча, цара цхьа хьехар дина цунна. Цара ма хьехара, хийисте а веьна, цигахь долчу цхьана дитта тІе говр хехка ваьлла кІант. «Хьо хІун дан гІерта?» хаьттина цецъяьллачу хІара тІехьийзачу йоІа. «ХІара говр дитта тІе яккха гІерта-кх», жоп делла кІанта. «Ой, ахь хІун дуйцу, говр муха йолу дитта тІе?» кхин а чІогІа цецъяьлла йоІ. «Кхуьнан нана-м йолура дитта тІе, кхуо хІуа дахь а», аьлла кІанта. «Нана яьлলেখь-м, иза а ер ю хьуна», жоп делла йоІа. Цунах хиьна кІантана шен гергара нах бакь буйла.

«Захало дийнахь стогар а лагабай диэ», боху халкъан хьекъало. Цундела зуда ялочу кІантан гергара зударий боьлхуш хилла и йоІ ехачу лула-кула, иза зиэран Іалашонца. Халкъан дийцар ду: цкъа иштта йоІ зиэн бахначу наха лулахойн йоІ яхийтина шашь яло билгалйинарг ехачу хІусаме: «ЯахІума еш ца тоьньера шайна, хьакхош тІаьхьа дисина дама делахь, и дайита», аьлла. «Ша юучунна оьшшург бен хьакха а ца до, шуна эшахь, юха а хьакха-м дийр ду ша», жоп деллера йоІа. Цунах дика хІусамнана хир юйла цу жобпах хиьнера и зиэн баханчарна. Йиллина хан тІекхаьчча, йоІ дІа муха юьгу боху хаттар хІутту. Нохчашна юкьахь ши кеп ю йоІ йигаран: бертахь, кІантан гергара нах а боьлхий, цара цигтахь мах а бой, цІа ялор а; йоІ, цІерачаьрга аьлла хІума а доцуш, ша ара а яьлла, маре яхар а («едда маре яхар»). И шолгІа кеп нисло, нагахь йоІан цІерачарах оцу захалонна реза воцуш стаг хилча. Захало хилла даьлча, и дІа ца дерзо йиш йоцу дела, йоІий, кІантий, барт а бой, деш хилла иза.

Хала а, атта а и тайпа захало дІадоьрзуш а хилла. Амма и дІадерзадахь а, нагахь йоІ шен ден цІа ца юьтуш, барт эгІаш хилла доьзалехь. Хетарехь, и тайпа захало даран кеп нохчашна юккьехь кхоллаелла билгала долу исторически хьелаш баханехь а. Гуттар аьлча санна, тІемаш беш, цундела къелলেখь бехачу нохчийн массеран а аьтго ца хилла бертахь захало деш оьшу харж ян хьал. Цундела и стеган дахарехь Іаламат мехала гІуллакх доьзал кхоллар мелла а аттачу давккхина.

Билгалдаккха деза: иштта захало дІадоьрзуш хилла, йоІ реза а йолуш дина хилলেখь. Захалонехь йоІан лаам хилла коьрта, иза лоруш, ура-атгалла дай-наний шайна хетачунна тІера духадолуш а хилла. «ЙоІа ша хадийннарб бу цуьнан мах», боху халкъан кицано а. ЙоІа бинчу харжамна тІетар шен хиндолчух долу жобпалла уггар хьалха цунна шена тІехь хилар къобалдар ду.

Нохчийн дахарехь нислуш хилла, йоІ реза йоццухехь, и ядош меттиг а. Амма иза вайн гІиллакх дац. Иза зулам ду. Гуттар а цІий Іанорца доьрзуш а хилла, маслаІатан дай орцах а бевлла, дІа ца дерзийча. Цхьана эвляеь хаьттина боху, ахь герз стенна леладо аьлла. Зуда ядон гІертачу нахана тІеІоттавелча, цаьрца тІом бан леладо ша, аьлла боху цо. Оццул доккха зулам ду зуда ядор. Хетарехь, и акха хІума вайн цхьаболчу нахана юккьехь дисина генарчу, ширчу, Іесачу заманера.

Бусалба динца нийса а ду, вайн Іадатехь бегІийла лоруш а ду бертахь захало дар. ЙоІ, дІаюьгучу дийннахьехь мах а, там а бой, дІаюьгу. Цхьаболчара ялош волчун гергара нах я доттагІа волчу йоссайо зуда. Цигахь цхьа кІира я сов хан а йоккхуйту. Яздархочунна Айдамиров Абузарна хетарехь, и деш хилла нускал несаллина кечдалиьта, ша лелон деза гІиллакхаш цунна дикка довзийта. Цундела дика нус ю аьлла билгалъяьлла хІусамнана йолчу доссаш а хилла нускал, вукхуьнгара зеделларг схьаоьцуш, иза Іамийта.

Нускал цІа далочу дийнахь, ловзар а дой, мерза кхачанаш а кечбой, доккха той хІоттадо. Иза кхаа дийнахь-бусий дахлуш а хуьлу.

...Горглуш-горглуш, горглуш лаьтта  
Кху ловзаран боккха хІоз.

ТПараш тоьхна, хIаваъ аьтта,  
 Массара а эли «хIорс!»  
 Iаьржа верта мохехъ дусош,  
 Аьрзун тIемех и тардой,  
 Кхин цхьаъ, кхин цхьаъ бере вуссу,  
 Кху ловзаргахъ совцош дой.  
 Ломан буьххье хиьна лаьтта  
 Малхбалехьа маьлхан хIоз...  
 ТПараш тоьхна, стигал яттIол,  
 Ловзар гIаттош, эли: «ХIорс!»  
 ГIабалин кIайн ши тIам техка,  
 Мехкарша уьш лестадо.  
 ДIаьндарг санна хьаьвза гIовтал,  
 КIанта шен йоI хестайо.  
 ДIаьндаргал а хьийза чехка  
 ХIара кIант а, олий «хIорс!»  
 ГIабалин шен тIемаш гIовттош,  
 КIентан сий деш, бовлуш хIорш.  
 Доьхкан тIера дато седа,  
 Багош, хьоьжу маьлхан хIоз,  
 «ХIорс!» «ХIорс!» –  
 олий, горгло тIетIа  
 Кху ловзаран боккха хIоз.  
 КIант вича я нускал далош,  
 Де ма ятIарш, хIай тхан дай! –  
 Ловзар хIоттош хилла, ала:  
 Вай-ма, кIентий, нохчий дай!.. –

иштта гина поэтана Кибиев Мусбекана нохчийн ловзар. Нускал кел чоьхьа даьлча дуьйна дIадуьйлало иза зуьйш а, цуьнан хиндолу дахар ирсе хилийта а деш долу гIуллакхаш. Марзахойн зударех цхьамма нускална бага шекаран бIелиг я каьмпет юьллу мотт мерза хилийта. Цунна хьалха куз а тосу, нуй а кхуссу нускало куз хьалаоьцу, нуй неIарна тIехьа дIахIоттабо, ша чоьхъ дан дезарг хууш хилар гойтуш. Нускална кара жима бер (кIант) ло, иза хIу дебош хилийта.

Ловзар дIадоьдучу хенахъ, сонехъ оьлличу чекхъхьаьжча са гучу кIайчу кIадина кирхьанна тIехьа лаьтта нускал. Чугулбеллачу марзахоша цхьацца бегаш а бо цуьнца, амма иза дуьхьал йистхила йиш йолуш яц, йист а ца хуьлуш, мотт кхаба дезаш ю, шега бастийтталц. Марзахоша кегийрхоша ловзар долуш а, цул тIаьхьа а мотт бастийта тарло, нускале хи а доуьйтий, и мала пурба дехарца. Нускало, сих а ца луш, пурба ло хи мала.

Вукхара, баркалла а олий, ахчанца совгIат а до нускална, декьалбо керла кхоллабелла доьзал. Мотт хица бастийтар, хийистехъ захало дийцар санна, шен маьIна долуш ду. Хи цIеналла латтош долу дела, марзахойн а, несан а юкьаметтигаш, хи санна, цIена латта лаар ду иза.

Ткъа ша мотт кхабаран маьIна, Илманчас Алиева Заринас дийцарехъ, иштта ду: ден цIа а дитина, керлачу доьзале ша йогIуш, шен мотт «дIабоьхку» йоIа, цуьнца цхьаьна шен ден цIахъ хилла гIиллакхаш а, бийцина мотт а, амалш а «дIайоьхку», керлачу доьзалан мотт, гIиллакхаш, амалш Iамош, оцу доьзалх «дIаиэн», тарьяла нигат долуш. И иштта хила лаарца хилла нускална баккхийчу наха олу ловцаш а:

Яьхна яьлларг,  
 Яха еанарг йиталахъ.  
 Яха еанарг,  
 Баьхна бевлларш биталахъ.

Декъала йойла!  
 Декъала хуьлда!  
 Яра дама санна,  
 КІайн дахар хуьлда!  
 Яра шекар санна,  
 Мерза дахар хуьлда!

ХІара ловца, нускална санна, марнанна лерина а бу («яьхна яьлларг»). Ткъа цхъана нускална леринчу кхечу ловца тІехъ марзахоша тІе тидам бохуьйту несехъ шайна товр доцчу сакхташна: «Эзар дика, беркат дахъаш еьна хуьлда, чуьра ара кхобхъуш ма хуьлда, арарниг чу кхобхъуш ма хуьлда, нехан малхе хьобжуш ма хуьлда, маха байна, нехаш кегош ма хуьлда, шин байна етт узуш ма хуьлда, долу гІа санна, хІу дебах хуьлда». Ловзар дІадирзинчул тІаьхъа, шолгІачу дийнахъ нускал хІуйсте доккху. Марйижаршца, юьртарчу мехкаршца цхъаьна шовдана тІе йоьду иза. Цигахъ цхъа бепиган цуьрг а, цу тІе боьгІна тай тесна маха а шовданан хи чу а кхуссий, царна тІе топ туху. Хетарехъ, иштта ду цуьнан маьІна: зудчун гІуллакхаш, дукха хьолахъ, яахІуманца а, маха баккхарца а долу дела, царца шайтІанийн я жинийн хІуо ца хилийта, уьш дІачовхош тухуш ду герз. Оццу Іалашонца кхуьйсу герзаш зуда ялош боьгуш а. Нускал шовдане даккхар кхочушдо иза юьртахошна йовзийтаран Іалашонца, оцу дийнахъ дуйьна иза ша а оцу юьртан яхархо хилар дІахоуьйтуш.

Цул тІаьхъа тІекхочу марзахойн баккхийчу наха а, мардас а мотт бостуьйту зама. Нус йистхуьлуьйтучу дийнахъ мардас цІе туху ша керлачу доьзална дечу совгІатийн: етт-эсий, цІенош, машен, и. дІ. кх. а. Мотт бастийтарх, марден а, марненан а, кхечу чобхъарчу гергарчу нехан а цІераш кхабар тІехъ ду несана. Церан ца хууш цІе яккхар оьзда лоруш дац. Мардех «Дада», марненах «Нана» олу несо, кхечу гергарчу нехан шен цІераш тохку, церан дика агІонаш билгалйохуш («Хаза кІант», «Дика кІант», и. дІ. кх. а). Хетарехъ, иза а оцу хІусаме кхечу доьзалан ца оьшу тІелаткъам ца хилийта, вуочу хІонах уьш ларбаран Іалашонца деш хилла.

Цхъаболчу доьзалшкахъ зудчо майрачун а, майрачо зудчун а цІераш йохуш а ца хуьлу, нахана хозуьйтуш-м муьххале а. ЦІе йоккхучу метта хІусамдас: «ХІара», «зуда», «хІей», «хезий хъуна»; зудчо: «кху чуьрниг», «ХІара», «ХІара стаг» олу. Майрачо шен зудчунна кхин забаре цІе туьллуш а нисло. Цунах лаьцна яздо Бексултанов Мусас шен цхъана дийцарехъ: «Наггахъ, сайн сагатделча, хІокху зудчуьнга (наха Макка олу кхунах, аса-м Байсари а, ЦІахъпато а, Пурстоп а сайн сакъерадаларе терра йоккху цу кхааннах цхъаь) юург а кечйойтий кІайчу демах шури тІехъ худар я кІалддаьттий, галнашший (тхайн йоцчу церг-кхеле хьожжий), кхойкхий, ГІайтакъа схъа а валавойтий, йоккхачу, шуьйрачу паднара тІе дехъий, сехъий, шишша-кхоккха гІайба букъа тІехъа таІош, дІа а нислой, вехха вела а воьлуш, къамелаш а деш, дахнарш а хьехош, хан йоккху охашимма цхъаьна».

Зуда ялийна цхъа-шиь бутт (я ахшо, шо) баьлча, кІант бов воккху. Бовваккхар иза керла доьзал, шен хІусам а, шен кхача а, шен даьхни а, боккхачу доьзалх схъакъаьстина шен бохча а, нагахъ юьртагахъ дехаш хилча, дуйьш-дерзош латта а долуш, ша баха хаар ду. Аьтту хилча, ма хуьллу сиха деш хІума а ду иза, хІунда аьлча, цатемаш а, весаш а, дукха хьолахъ, цхъаьна Іаш кхоллало боккхачу доьзална а, керла кхоллабеллачунна а юккъехъ. Амма кІант бовваларх, иза шен дена-нанна хьалха долчу декхарех мукъаволуш вац. Мелхуо а цо шен деца-ненаца лелон гІиллакх совдала деза, хІунда аьлча, цхъаьна Іаш, зуда ялоле, тергал а ца деш хилла хІумнаш, хІинца ден-ненан дегнех кхеташ, васьеш а, наха чІогІа тидаме оьцуш а хуьлу. Доггах ден-ненан гІуллакхе хьожуш чекхвалар атта хІума а дац, цундела и дан ницкъ кхаьчнарш халкъалахъ, сий деш, буьйцуш а хилла: «шен деца-ненаца дика хилла хьенех», «шен деца дика хилла минех», бохуш.

Иштта цѣ яхначу цъхана стаге хаьттина боху, муха ницкъ кхочу хъан хъайн деца иштта дика хила аьлла. Цо жоп делла боху: «Цкъа а шен дас хѴума йиинчул тѴаьхъа бен хѴума а ца йиьна ша; и дѴавижинчул тѴаьхъа бен дѴа а ца вижина ша, цкъа а и хъалха а волуш зудчуьнга вист а ца хилла ша».

Дукхе-дукха хъалха деца йолу юкъаметтиг иштта ца хиллачух тера ду вайнехан. Цунах лаьцна цъха тамашийна дийцар а ду вайн халкъан иэсехь дисина. Цъхана хенахъ шен къанделла да-нана, дуьйцинчу тускар чу а хаадоь, цъхана лекхачу лома буьххье а доккхий, дѴакхуссуш Ѵадат хилла боху. (Тахана шен да-нана «Къеначийн цѴийне» [«Дом престарелыхъ»] дѴадаларх терра гѴиллакх хиллачух тера ду иза). Иштта, цъха кѴант хилла шен да дѴакхосса воьдуш, иза серех дуцуш динчу тускар чу а хайина. Шъьшиь дѴакхаьчча, дас аьлла боху: «И тускар дѴа ма кхоссалахъ, хъан кѴантана а оьшур ду хъуна иза, хъо дѴакхосса». Ойла йина боху кѴанта, ас кхунна диннарг дийр ду-кх сан кѴанта суна а аьлла. Тпаккха и дѴа а ца кхуссуш, шен да а валош, цѴа веьна боху иза. Шъьш а къанлур дуйла ца хууш, доца хъекъал, доца иэс долу адамаш деха зама хилла иза.

Зудчунна гучуяккхар санна, доккха зер ду и ялийначу кѴантана невцалгѴа вахар. НевцалгѴа вахар керла хилла гергара нах бовзийтаран Ѵалашонца деш ду. Нуц стунцѴа воьдуш, цуьнца цъхаь-шиь накъост а хуьлу, цара тайп-тайпана совгѴаташ а хъо: шекар, чай, уьстагѴа...Нуц неѴара уллохъ, сонехъ лаьтта, чугулбеллачу стунцахойн бегаш, вист цахиларца, «къонахаллица» лан а ловш, шена улло деьначу берана кара, шен тароне хъаьжжина, ахча а луш. Оцу хенахъ невцан накъост стунцахоща охъахуий хуьлу, ма хуьллу шен накъост забарех ларван а гѴерташ, цунна цара тѴетоьтту доцу бехкаш дѴа а тоьттуш. Цъха хан яьлча, нуц дехъа чу а воккхий, стуньишица хѴума яа охъахааво. Невцо, ша хѴума йиьна ваьлча, шуьна чу ахча дуьллу, юха а шен тароне хъожжий (дукха мел дилли а, «стуньижаршна» товш хѴума ду иза). Ткъа невцана стуньижарша совгѴат до (дашо сахът, костюм, и. дѴ. кх. а). Иштта ца дахъ а, мелла а дорах совгѴаташ невцан накъостана а до. Шен зуда ден цѴахъ а юьтий (иза масех де я кѴира даьлча, шайн бахамехъ оьшу салпал а, гергарчу наха дина совгѴаташ а дохъуш, цѴа йогѴу), нуц а, цуьнан накъостий а цу буссехъ бухабоьрзу. Ѵаламат жоппалле буьйса ю иза, цуьнга хъаьжжина хуьлу невцана а, стунцахощна а юккъера марзо кхидѴа йолчу заманахъ а. Цундела невцаца тѴехбаьхна эвхъаза бегаш бар нохчийн къоман оьздангаллица догѴуш а дац. Оьзда боцчу бегашийн вуон тѴаьхъе хилар гойтуш масалш дуккха а ду. Цкъа иштта «стуньижарша» шайн нуц охъахаочу гѴанта тѴе хѴоаш дехкина хилла. И сонта бегаш ца лайна невцо. Оцу сохъта, цигахъ болу нах теш а болуш, шен зуда йита а йитина, цѴа вахна иза, оццул гѴиллакх доцу гергара нах болу зуда а хир яц лартѴехъ аьлла.

И тайпа гѴуллакхаш хѴинца нислур ду аьлла а ца хета. Амма вайн къомана советан Ѵедал долуш юкъадеьна, кхин цъха вуон гѴиллакх а ду невцалгѴа вахарехъ нислуш: малар дахъар («цъха яьшка къаьркъий, цъха яьшка конъяккий»...) а, иза невцо я невцан накъосто охъадуттуш, цигахъ мийлар а. Ткъа иза доккха къа ду, Дала дихкина хѴума а ду шен сийлахъчу Къурьан чохъ. Ткъа Делан Элчас Делера салам-маршалла хуьлда цунна и къаьркъа молучунна аьлла ца Ѵаш, и дечунна а, духкучунна а, цунах хъакхалучу иттех стагана а наьѴалт аьлла. Оццул доккха къа, гѴиллакх а дина, лелон йиш яц Делаш тешачу наха. Нохчийн къоман философехъ доьзал дийнна цъха дуьне лору, оцу Дуьненахъ стигал Да ву, латта Нана.

Дада, дада, хъо тхан стигал!  
 Къинхетаман догѴа хъо.  
 Дуьненан юкъ! Доьзалан букъ!  
 Хъо воцчохъ ца Ѵело тхо!  
 Оьшшучулла догѴа лора,  
 Оьшшучулла лора малх.

Хьобца хало атта ловра,  
Ткъа хьо воцчохь йоккха чалх.

Кхузахь поэта Сулейманов Ахьмада гойтург дас луш хилла «догIа» а, «малх» а, цо шен доьзал нийсачу новкъа нисбеш деш хилла дов а, хьехам а бу. Дагавала да хилча, хIуьа хало атта ловш, мел чолхечу хьола юккьехула вала гечо карош хилар а хьахадо авторо.

Нохчийн къоман хьекъалехь доьзал гIишлонца а бусту. Оцу гIишлонан тхов да ву, ткъа цIенкъа – нана. «ЦIенкъа» боху дош шина дашах кхолладелла: «цIийнан» + «къа». Хьалха заманахь чуьра цIенкъанаш поппаран хуьлуш хилла, тIе боршам а хьокхуш. Цундела цу чуьрчеран къа, бала, гIайгIа, лаьтто хи санна, цIенкъано худу бохучух тешаш хилла нах. Ткъа нана цIенкъаца юстар, цо шен доьзалан массо а гIайгIа шен дагчохь худу бохург хила тарло.

Да даваьлча, тхов тIекхетта олу, ткъа нана кхелхича, беран дагтIера зезаг дужу. Беран самукьадалар дIадолу бохург ду иза. Ткъа ненан самукьадалар а, ирс а бераш ду, Сулейманов Ахьмада ма-яздарра:

Сийлахь нана! Берийн къинна,  
БIаьрхиш хилла, ешна хьо!  
Тхо, бераш ду-кх, хьо къаниййраш.  
Къона латториш а тхо!

Бусалба динехь ден-ненан сийдар тIедожош ду. Дала Къурьан чохь аьлла, Ша бохург а де, Делан Элчас Делера салам-маршалла хуьлда цунна бохург а де, хьайн дас-нанас бохург а де. Цо гойту ден-ненан сий-ларам бар, стеган лааме хьаьжна доцуш, Дала тIедиллина декхар хилар. Цундела дийцаре дан йиш йоцуш, кхочушдан дезаш хIума ду иза. Бакъду, кхузахь билгалдаккха деза: нагахь дас-нанас Дала ца магийна хIума де алахь, и дар тIехь дац доьзалхочунна.

Делан Элчас Делера салам-маршалла хуьлда цунна шозза хьахийна нана, ненаца дика хила олуш хьехар деш, кхозлагIа деца а, ненаца а дика хила аьлла. Цо иштта а аьлла: «Ялсамани ненан когашна кIелахь ю». Оцу хьадисаша а гойту, доьзалхочун мел чIогIа хила беза ненаца болу лерам.

Иза боху нохчийн Iадато а. Нанас: «Ас сайн шура хьарам йийр ю хьуна, ахь хьуо ледара гайтахь», аьлча, цул боккха кхерам ца хилла кIантана. Нана ларалал сов, цуьнан гергара нах шен ненахой – ларар а тIехь ду стагана. «Ненахой, стунцахой ца лорург стаг вац», боху нохчийн кицано. Оцу шина агIор болчу нахаца гIиллакх чIогIа лелон ницкъ кхочург дика цIе йоккхуш, хьахош хилла халкъалахь. Ишттачу цхьана къонахчух дуйцу Бексултанов Мусас шен «Iаламат» цIе йолчу дийцарехь: «Цкъа цхьана кешнашна уллохула тIехволуш, Муртаз динара охьавоьссира, тIекхоччухешь. Юха дикка дIа гена а ваьлла, дойшка хиьча, ас хьатти, оцу кешнашна тIекхьаьча, динара воссар хIун дара хьан, ва Муртаз аьлла. «Деллахь, хьенех, шарахь гергга вайн стуннана лаьттина яра цу кешнашкахь йоллу Хадишат, цунах бехк хетта-а охьа ма вели хьуна ша-м, элира Муртаза, иштта ойланашна юккьехула санна, цхьа масех бутт охашимма цхьаьна баьккхинчул тIаьхьа, стелахьаьштиг а кхетта, кхелхира Хадишатан йоI, шу марша», – аьлла».

Ден, ненан барт эгIаро кхоладо берийн сирла дуйне. Барт боцчу доьзалх иштта боху нохчийн илলেখь:

Ма дуйшийла вай, кIентий,  
Ирс доцчу цу коша,  
Ирс доцу каш деца  
Чохь боьха цIенана.  
Ма хIуьтгийла вай, кIентий,  
Ка йоцчу цу тIаме,

Ка йоцу тIом беца  
Барт боцу ва доьзал.

Доьзалан барт цахилар, тIом хилла а ца Iаш, «ка йоцу», цхьа а тола йиш йоцу тIом хилар билгалдоккху оцу иллехь. Цундела аьлла халкъо: «Уггаре а хала тIом шен чуьрниг бу».

И иштта делахь а, дош дашера ма делли, зуда йитар нохчийн Iадатехь магош ца хилла. Цхьа боккха бехк а боцуш, шайн зуда цIа яийтича, цуьнан наха дов хьедеш хилла вукхаьрга, шайн йоьIан бехк схьабийца, и бацахь, шайх ца дешаш дина аш иза олий. Нагахь и бехк ца хилча, гIуда такха дезаш а хилла зуда йигначара.

Бусалба дино а магош дац цхьа доккха бахьана доцуш (и бахьанаш билгалдаьхна ду) зуда йитар. Далла уггаре а ца дезнарг доьзал бохор ду, боху цхьана хьадисехь. Нагахь зудчунний, майрачунний юккьера лерам, кхин юха меттахIотталур боцуш, дIабаьлlexь, исламо магош ду дIасакъастар. Амма и дIасакъастар а цхьана дийнахь чекхдолуш дац. Нохчаша: «Цхьаь елахь цхьаь, ... исс елахь исс а цIе а тесна, йити», бохург нийса догIуш дац бусалба динца. Кхо цIе тасар, юккье хан а йолуьйтуш, дан дезаш хIума ду. Уггар а хьалха «цIе тесча» (зуда йитича), иза майрачун кертахь Iиэн еза цхьана баттахь, цIийнадас юург а латтош, шенна ехаш чоь а йолуш, цуьнца зудчун майрачуьнца хуьлуш йолу юкьаметтигаш а ца лелош. Цхьа бутт дIабаьлча, барт а ца хиллехь, ша дохко а ца ваьлlexь, юха а «цIе тосу» майрачо. ТIаккха кхин цхьана баттахь а деха и шиь цхьана кертахь. Юха а шен лаам хийца ца беллехь, майрачо кхоалгIа «цIе тосу». ТIаккха и шиь вовшакъаьста. Иштта хила деза зудчун, майрачун къастар. Тахана, малар меллачохь, оьгIазвахханчохь, бехк-гуьнахь а доцуш, зударий цIа эхийтаро гIелдина вайн къам, цо эшам бо халкъан оьздангаллина, сица а, дегIаца а могош тIаьхье кхиарна. ХIинца цхьаболчарна изьх хета, зуда цIа хIунда яийтина аьлла хатта. Ткъа и хаттам цахиларо и гIуллакх эвхьаза а даьккхина, цо вайна доккха зен а до массо а агIор. Уггар доккха зен, ден-ненан барт ийгIича, беран духу дуьне, цуьнан дог, са шина декье декьадалар: цхьаь ненаца, важа деца, цунна ца евза ден я ненан марзо.

Доьзал гIишлонца бустар кхидIа а даьхьча, хIусаман тхов латто аьрда бIогIам воккхах волу доьзалхо ву. Нагахь и кIант велахь, да дIаваьлча, цо шена тIелоцу шел кегийчеран доладар. Вуьшта хьалакхий-кхийнарг юьстах а волуш, шена охьа а хууш, шайн кегийчеран кIезиг бала болуш хилар иза вайн къоман гIиллакх дац. Вовшийн доладар, вовшашка хьажар (къаьсттина баккхийнаш кегийчаьрга), дуьненчохь мел беа дIакхехьа дезаш, хIора нохчочунна тIехь долу декхар ду.

Муьлххачу къоман бух, цуьнан синкхетаман, оьздангаллин юьхь, цуьнан хиндерг кхулла меттиг доьзал бу. Доьзалан чIагIалле, оьздангалле хьаьжжина хуьлу ша къам а. Доьзал боьхча, къам а духу. Цундела нохчийн хIора доьзалан кхолламан бала кхача беа дерриге а къоман, юкьараллин, пачхьалкхан.

*ТIаьхье хир ю.*

Гочдар**Аминат Абдурашидова**

\*\*\*

Имя мое произносишь ты –  
И свет рождается из темноты,  
И горный воздух, звеня, дрожит,  
Как золотая струна души.

Имя мое произносишь ты –  
И расцветают в полях цветы,  
И мир, что вчера был и глух и нем,  
Радостно улыбается мне.

Имя мое произносишь ты –  
И звезды падают с высоты,  
И сердце, рвущееся из груди,  
Птицей навстречу тебе летит.

*В переводе с даргинского  
Марины Ахмедовой-Колюбакиной*

\*\*\*

Це а йоккхуш, схъавистхилча хьо,  
Боданера сехъайолу серло.  
Лаьмнийн хЮ а, декаш, дегадо,  
Деган дашо хьаса санна – мерзах.

Це а йоккхуш, схъавистхилча хьо,  
(ХЮн ду техъа хАра, дан мукъне а!)  
Зезагийн а яхъаш еллало,  
Суна деладеш хАра дуьне а.

Це а йоккхуш, схъавистхилча хьо,  
Седарчий а шатлакхах тЕоьгуш,  
Кийрара дАарагЮртий, дог,  
Помадолий, хьуна дуьхьал доьду.

.....

**Бадрутдин Магомедов****Голоса**

Бессонница. Ночь.  
Звездопад пронизал небеса.  
И мысли полны нескончаемой  
тихой печали.  
Не зная препятствий,  
знакомые нам голоса  
приходят такими ночами.

Разверзлась земля, и,  
объятый туманом, ко мне  
отец окровавленный вышел:  
– Мой мальчик, когда умирал я  
в чужой стороне,  
ты боли моей не услышал.

И девушка, ложью сраженная  
в жизни легко,  
себя посчитавшая лишней:  
– Твой друг меня предал, – сказала, –  
ты слушал его,  
а боли моей не услышал.

**Аьзнаш**

Наб яйна. Буьйса ю.  
Седарчий уьдуш ду тЮма.  
Барамза-тийначу гАйгАнах  
ойланаш хьерча.  
Иштгачу буьйсанна  
гергарчу аьзнашна хьоме  
беллало вайн деган кхерчаш.

Деллалуш латта, сан дада  
схъахЮьттира, дахкарх  
хъаьрчина, цЮйша а вуьзна:  
– ХАй сан кАнт, Южалло эшош со  
хийрачу махкахь,  
лазам сан хьуна ца хезна.

Тешнабехк лайна –  
сан накъостах осала боьжна –  
йоА а хазийра суна:  
– Со кьиза Юхийнчу цуьнга ахь  
дикка ладоьГна,  
лазам сан – ца хезна хьуна.

Ребенок, чьи дни оборвал  
налетевший недуг,  
ребенок, который не выжил:  
– И детям, и старцам отзывчивый,  
ласковый друг,  
ты боли моей не услышал.

Бессонница. Ночь.  
Звездопад пронизал небеса.  
И мысли полны нескончаемой  
тихой печали.  
Не зная препятствий,  
знакомые нам голоса  
приходят такими ночами.

### Намаз

Грохочет море, бьет прибоем влать.  
Старик спокоен, ничего не слышит.  
От суеты неспешно отрешась,  
он тихие слова в молитву ниже.

Не так ли иногда, под спудом бед,  
свой малый угол болью защищая,  
я думаю, забывшись, о тебе,  
внимания на мир не обращая.

Бер а схьахЮьттира,  
цамгаро дожийна хилларг,  
эшийна дерг цуьнан хьуно:  
– Жимачун, воккхачун  
дог хьаста хилларг,  
лазам сан – ца хезна хьуна.

Наб яйна. Буйса ю.  
Седарчий уьдуш ду тЮма.  
Барамза-тийначу гЮайГанех  
ойланаш хьерча.  
Иштгачу буйсанна  
гергарчу аьзнашна хьоме  
беллало вайн деган кхерчаш.

### Ламаз

ТулГеш ловзайохуш, гЮергЮа хЮрд.  
Къано Iаш ву, тергал ца деш хЮмма.  
Ма ца хета хЮара дуьне дош  
Дешнех доЮа дуцуш Iачу цунна.

Иштта ас а, кЮажа хьовзавеш,  
Тоьхча наггахь ов, сайн готта Юйла  
Ларьеш, дуьне тергал а ца деш,  
Ерриге а хьох ма юций ойла.

.....

### Магомед Ахмедов

#### Как жаль...

Но больше нет страны,  
Где жили мы, как братья.  
Там слышен страшный гул войны  
И громкие проклятья.

Где Пушкин мой и где же ты,  
Великая Россия?..  
И кто кому из темноты  
Грозит угрюмой силой?

Кавказ не пасынок тебе,  
А сын единокровный,  
Хоть и не все в его судьбе  
Когда-то было равным.

Найди того, кто ссорит нас,  
Взрывая дружбу нашу...  
От горя поседел Кавказ,  
Испив раздора чашу.

#### Байттамал...

Кхин яц-кха и –  
Вай бертахь даьхна пачхьалкх.  
Бу тЮм цигахь, ду нефалтийн  
Маьхьарг а, къамкъарг якхьеш.

Мичахь ву Пушкин сан, мичахь  
Ю сийлахь ва Росси а?..  
Хьан хьанна кЮело бодашкахь  
Ян ницкъаш тЮехьажийна?

Кавказ хьан меран бер ма дац –  
Хьан цЮийна кхочу кЮант ву.  
И лелла некъаш шера дац,  
Ду кхолламца а анташ.

Лахахьа, вайна юккъе стим  
Ва туьйсуш, юьстахвуйлург...  
Кавказ ма къобжа-къежьели,  
Цу девнийн къахьо муйлуш.

Пусть тайные твои враги  
Прикинулись друзьями –  
Не верь данайцам и не лги,  
Что нет любви меж нами.

Своим поэтам верь, о Русь,  
Ведь лишь они пророки...  
И как молитву наизусть  
Тверди, тверди их строки.

*В переводе с аварского  
Марины Ахмедовой-Колубакиной*

\*\*\*

Хьан кьайлахчу цу мостагИйн  
Юьхь доттагИйнчух екхарх –  
Данайцех хьо ма теша кхин,  
Я тхох а харц ма ле кхин.

Ва Русь, поэташ кьобалбай,  
Хьайн тоба карладаккха.  
Оцеран дашах до!а дай,  
Хьо-хьуо а цинло г!аккха.

\*\*\*

Над Родиною для меня всегда  
Горит любви высокая звезда.

И сердце бьется, кажется, быстрее!  
Всегда в груди на Родине моей!

Огонь аула сквозь душевный мрак  
Питает одиночества очаг.

От этого заветного огня  
Нисходит сила жизни на меня!

*В переводе с аварского  
Юрия Щербакова*

Даймехкан Гаьршашкахь даима суна  
Седа го, сегалуш безаман суйнах.

Дог а сан тохало, хетарехь, чехка,  
Шена чу хьаьвзича Даймехкан бехкаш.

Йолалахь яхьелла цхьалла сих хьерча,  
Вохво со алуно – виначу кхерчан.

Циндо цо са а, д!ац!ан а дой хьунах,  
Вахаран г!ора чудоссадеш суна.

.....

### Магомед Насрулаев

\*\*\*

Зачем мне жизнь, что хуже казни,  
Похмелья на чужом пиру? –  
О солнце красное, не гасни!  
Погаснешь ты –  
И я умру.

Зачем мне мир непрочный, зыбкий,  
Звезда моя,  
когда с высот  
Исчезнет блеск твоей улыбки  
И все надежды унесет.

Так длится час – длиннее века –  
Перед свиданьем в первый раз.  
Ну, а полюбят человека –  
Мелькнет и век его,  
как час.

*В переводе с аварского Геннадия  
Касмынина*

\*\*\*

Кеша го хьо, дакьаздаьлла дахар,  
Дохнарг – нехан тойнехь меллачух.  
Х!ай хьо дашо малх сан,  
д!а ма бахьа!

Хьо д!абахь –  
Со х!аллакьхиллий ву.

Ас х!ун лелор г!ийлачу дуьненахь,  
Х!ай сан седа,

оцу Гаьршара  
Юьхь-сибат хьан кхолар  
ган сан дезахь, –  
Ч!анабохуш цо сатийсамаш.

Сахьт а – иштта –  
б!ешаре д!адахло  
Й!о! ларьечохь – вахча ирахь!ан.  
Декьалвина безамо велахь-м хьо,  
Оьмар а цу сохьтта туьлу д!а.

## Марина Ахмедова

\*\*\*

Журавль, отбившийся от клина,  
 Курлычет мне издалека,  
 И в этом крике журавлином  
 Такая детская тоска.

Леса осенние осели  
 И даже съежились совсем...  
 И в ожидании метелей  
 Как будто бы оцепенели  
 В какой-то сумрачной красе.

Но за понурыми холмами  
 Там город есть, где ждут всегда...  
 И можно вновь прижаться к маме,  
 Всю обхватив ее руками,  
 Как в несмышленные года.

И броситься в глубокий омут  
 Воспоминаний дорогих,  
 Припав щекой к лицу родному  
 Среди незнакомых лиц чужих.

И так застыть, не замечая,  
 Что жизнь стремительно бежит...  
 Как льдом мне щеку обжигает  
 Ее надгробия гранит.

\*\*\*

Мир полон вселенского зла,  
 Ведь снова запахло войной.  
 Ах, если б ему я смогла  
 Помочь хоть единой строкой!

Мир полон предчувствий плохих,  
 Ведь снова грозит нам пожар.  
 Ах, если б мой искренний стих  
 Принять на себя смог удар!

\*\*\*

Ковранах хьабда цхьа гларгули  
 Геннара кхойкхуш ю соьга,  
 Берийнчух ценачу глайганийн  
 Бала цу озаца бегош.

Хьаннаш а таьІна ю, гуьйренан  
 Хебаршка озийна ерриш,  
 Дорцаша енйолчу кхоьлана  
 Къарьелла, куьцана кхоьлина,  
 Іадийна йисинчух терра.

Амма дІо ламанийн асанал  
 Дехьа цхьа гІала ма еца,  
 Бераллехь хьаьрчинчу хьасано  
 Ойланаш нанна тІе маса сан  
 Идаеш – и мара леца.

Хьомсарчу цу дагалецамийн  
 Айми чу озалой кІоргга,  
 Ненах ас марзонаш оьцу-кха,  
 Бартана бесни тІегІортош.

Дахаран боларх цкьа хІоккхузахь  
 Тилъелла, саца-кха иштта...  
 Ша-тІулгах хьан чуртан мокхазо  
 Ма ягайо-кха сан чІиштгалг.

\*\*\*

Дуьне ду бохаме хьош,  
 ХІаваэхь тІеман хІо дукълуш.  
 Цунна далахьара гІо  
 Сайн цхьана могІанца мукьне!

Дуьне-м, хІай, гІайганехь дай,  
 Юха а хьаьхна цІеяла.  
 Маржа, сайн даггара байт  
 Цунна кІел хІотгалахьара!

*Гочийнарг АХМАТУКАЕВ Адам*

Голоса друзей**Вячеслав Ар-Серги**

Удмуртия



Родился 5 апреля 1962 года в деревне Новая Казмаска Удмуртии. Окончил филологический факультет УГУ (1984). Работал журналистом республиканских газет и радио, главным редактором журнала «Кизили». Учился на Высших литературных курсах Литературного института им. Максима Горького, после них работал сценаристом киностудии «Кайрос» (Фонд Ролана Быкова). Автор более 40 книг прозы и поэзии, опубликованных как в России, так и за рубежом (Венгрия, Черногория, Финляндия, Эстония, Беларусь, Швеция, Чехия и др.). Член СП СССР и РФ (1990). Народный писатель Удмуртской Республики. Лауреат многочисленных премий. Живет в Ижевске.

**Рассказы****Бабкины памятки**

С детства привычкой маюсь: все бы мне за работой насвистывать. Что вилы в руках, что топор – свистать бы мне да посвистывать, и на поди...

– Эх-ма, маленький негодник. Всю удачу свою да талант и высвистнешь, – журила бабушка – Дело-то, оно ведь, соловушко, заботой, а не свистом ставится...

– Ну, бабуль... Мне ведь мою работу делать, что со свистом, что без него! И у всех так-то: абы справился, а то почему, кому какое дело, кто помог, лешак или бог, – ерепенился я.

– Не юродствуй, неслух! Не нами обычаи заведены, деды-прадеды нас не глупее были, всякой весточке знали местичко...

Добро бы, если бы она все это мне только в уши пела. Нет, она и за уши не против. Гнал я как-то скотину с луга да и, заслушав жаворонка, серебряную капелюшку, и сам: фюить-фю-ить! Тьох-тьох-тьох! – руладами-то да переливами... Душа поет! Вот, кажись, тронь кто рядом баян лихими переборами либо гитарой зазвени – не плоше того высвишу...

Словом, хоть некому было, кроме ярок да коров, мой дар божий оценить, увлекся я. Утратил бдительность. А бабка-то, едва вошел я во двор с самодельной своей музыкой, – цоп меня за ухо! Пошла мотать моей головой из стороны в сторону, слезы у меня брызнули, а она приговаривает:

– Дак, ты что, дитенок? Да это кто же скотину свистом погоняет, над живой душой ее изгаляется? А что старики говорят? А надо их слушаться или нет? Будет этому конец, будет, будет, будет?

– Бу-у... – в голос залился я, и бабкины пальцы разжались.

– Смертней смертного грех этот, – объяснила она мне позже, когда я, управясь со слезами и блюдцем выставленного на мировую медку, ошупал вспухнувшие свои «лопухи». – Посвисти около скотины – и ослабнет она, от чужого сглазу пропадет. Настырный ты... Ну, ладно, вороти по-своему, да только тогда, как старших, как предков наших, умом-разумом превзойдешь! А раз не это возможно,образи-ка сам, чтоб больше самого Шудзя, основателя древнего нашего рода, знать да ведать... То-то, мол!

Оценив в буквальном смысле ушами бабкину науку, скотину я больше свистом не погонял. Но, видать, и бабка о святотатстве моем помнила крепко и все время поджидала рецидива, не спуская теперь воспитательного своего ока с меня повсюду, где только могла меня им достичь. В том числе и на сенокосе.

Дело это в деревне самое общественное: стар и млад на лугу. Без моей бабки куда ж? С литовкой-то уже тяжеленько ей, а ворошить траву в самый раз. Я ж со старшими стог мечу, и уж доволен да горд – слов нет! Штука тонкая, не всякий гожд, а мне вот доверили... Жаль, бабка издали бдит. Так и целит глазом, как курица на червяка. Думает, невдомек, что она там себе про меня соображает. Х-ха! Да то и соображает: ах, испортит, шайтаненок, всю кашу, забудет, что говорено: не свисти, разбудишь большую грозовую тучу, что спит за Утар-лесом...

Этой самой тучей она мне вчера вечером просто дыхнуть не давала: приманишь да разбудишь, не свисти да не свисти... Больно надо! Гляди лучше, бабуль, какое сено славное, цветком да листком перевито, да суховито, да духовито... Фиу-лиу-лиу... Да как работа спорится... – тьох-тьох-тьох... Как душа поет... Фью-фью-фью... Тьфу ты, леший! Это ж надо: все-таки не удержался я, засвистел втихомолку, для самого себя неожиданно.

А скирда-то на глазах пухнет, прет из-под земли, как тулово здоровеннущего гриба, выше и выше. Теперь односельчане вокруг нее мурашами снуют. И все бы любо-дорого, только небо с чего-то притуманилось, тенью подернулось, и дохнуло из-за Утар-леса пронзительным холодком. А потом сухо так зашуршало, словно две ржавые железяки друг о друга потерлись. А вот и глухо охнуло, вот и прогремело вдаль. И словно пошла пыхтеть в огромном котле спеющая каша: бултыр-бултыр, плюм-плям... Вот она, туча-то, выставила из-за леса голову свою тяжелую, словно из горячей смолы только что отлитую. Бычья голова эта уставила на нас сухие свои, кровью налитые глаза и взревела: «Му-у... Мне спать не давать? Со-кру-шу-шу».

– Соседи, поворачивайся! Не хватить бы нам дождя в сенцо, – Лепон, бригадир наш однорукий, машет рукой, сам вилы, словно ружье, наперевес схватил. Бога и мать пречистую вспоминает, торопит, а туча-бык уже тащится, прет на стог: тра-та-тах!

И повлажневший воздух принялся уже пошвыривать комья сена, свинцовую рябь, а за ней и волну белоголовую по позими покатыл. И песню однотонную запел-затянул в камышах речных, бродяга...

Стог мы все же дометать успели. И едва бросили на него последние навильники травы, как будто лопнул над нами темный войлок низкого неба. Дождь сыпнул крупно и отвесно. Все кто куда так и порскнули: под телегу, в гущину кустов, под стог... Хохочут, кое-кто одежду мокрую отжимает. Бабка, понятно, рядышком со мной от дождя таится...

– Ну, сделал свое дело, шалапут... Доволен ли? – тычет она в загривок своим когтистым кулачком. Тонкие губы сведены в ниточку. В сердцах выжимает айшет-передник.

– Да, бабуль, ты что, в самом деле? Далась тебе эти байки-россказни! – обидно мне, тошнехонько. – Неужто я посвистал малость, да такую тучищу этим сюда и приманил?

– А кто же еще-то? Ты черов<sup>1</sup> взбудил, а они большую тучу под бока растолкали, из-за Утар-леса сюда спровадили.

– Здрасьте, объяснила... Ты, бабусь, меня, как маленького, до сих пор сказками потчущешь. Не они ли и помогли нам так споро со стогом управиться, побасенки твои?

– Не смей! – бабка жарче молнии опалила меня глазами, молодыми и темными: – Какие еще тебе сказки?! За ними люди, предки наши, удмурты за ними, навсегда по реке жизни ушедшие...<sup>2</sup> Ботало ты, ботало, – обругала меня бабка и шагнула в плотную пелену дождя.

– Бабусь! Ну, прости, бабусенька! Не хотел я... не так сказалось, – я ринулся за нею и тут же промок до нитки. Благо, дождь был теплый и какой-то ласково-мохнатый. Слова не ответив, бабка шла впереди, молчком мы и добрались до дому.

Долго, неделно целую, учила и мучила меня своим молчанием моя бабка. И костерил же я себя за дурь мою: чего, спрашиваю, вздумал над старенькой

потешаться? Ни обычаем, ни по честной совести в народе нашем такое не ведется. Но после нашел подход и искупление: наладил ее старенькую прялку, отшлифовал стеклом, лаком покрыл... Оттаяла бабуля моя. Но слово крепкое и зарок взяла: не смей мне больше впредь над старыми обычаями потешаться. Чтобы навек заказал себе собственную удачу и настоящую цену всякого дела свистом по ветру да по свету без толку рассеивать. Ну, и дал я ей такое слово. Зарекся, в общем...

\*\*\*

...Вот и годы мои на осень поворотило. И того дальше. Пали на виски мои небольшие белые снега, да так и не стояли. И студено стало им, вискам моим, от этого неталого снега времени...

Бабка же стала тяжело и долго недомогать. Сдали силы, надломленные вечным немилосердным трудом. И в войну кипятку хватила, и после горячего досыта пришлось. Вот и приглядела местечко на печи, редко спускаясь теперь по приступам, недостатку тепла в дремлющей крови стала у кирпичей на лежанке попрашивать. Сама говаривала: подо мной-де теперь и скамейка не согреется...

«Время человеку цыплят кормить», – называют эту пору жизни в нашем народе. Только, дескать, сил и осталось, чтобы справлять это нехитрое дело. А у бабули моей даже и на него мочи не стало, сидела в избе. Частенько теперь кутал я ее теплее, словно младенца, и выносил на руках подышать свежим воздухом. Она стеснялась и охала, крепко обнимала мою шею иссохшими, туго обвитыми венами ручками, неприметно поплакивала, но на вольную волю тянулась. И сегодня вот, едва тронуло первым теплом снега,дохнула на окрестности молодым задорным дыханием весна, одел я бабулю поосновательнее, вынес во двор... Да, на глазах иссохло и таяло ее тщедушное тельце, все меньше клокотало в нем жизни. Кусая губы, пряча глаза, усадил я бабулю в вынесенное из горенки кресло...

– Пошли тебе, господи, детонька, – торопливо, втягивая воздух, благодарила она. Бабка, ты бабуля моя... Натянулась на острых скулах кожа, глаза поблекли, словно зола на погасшем костре... – Ты, детонька, не гляди на меня, старую, ты работу свою работай...

– Хорошо, бабуля..

Взял я топор да калитку, что в огород ведет, чинить принялся. Худо затворяется, надо боковины пообтесать. Ну, и досочку эту вот не минешь менять... И эту... и вот эту тоже... Словом, вник в дело, озаботился, а бабулю, похоже, поговорить потянуло.

– Дитенок, слышь-ка чего скажу?

– Ну-ка, ну-ка...

– Это вот с таких, как я, людей раньше, наверное, алангасаров<sup>3</sup> понапридумывали. Излом да вывих, глянуть страшно. Единым днем все в жизни меняется, — конфузливо и виновато усмехается она и – меня ли, себя ли самое? – спрашивает:

– Это сколько же раз калитку ту самую мне отворять да закрывать пришлось? Скрип-скрип, стук-стук...

– Много, бабуль... Несчетно раз. И впредь отворять-затворять будешь, – успокоительно заверяю я.

– Да уж нет, видать, дитенок... Годы не уроды, их, как вон досточки-то твои, не переменишь...

– Что с тобою сегодня, бабушка? Сейчас только жить да радоваться. Ну, и ученые, знаешь, сейчас всем миром бьются, как жизнь человеческую продлить. Ученые головы сообразят что-нибудь...

– Пушай продлевают. Во здравие. Не мне уж. Устала.. Ох, притомилась я, дитенок!

– Все ладно будет, бабуля! – я с маху воткнул топор в столб. – На днях вот

в город поедem, в больницу. Это не наш райздрав, врачи хорошие, во всех хворостях разберутся. Гляди, плясать еще пойдешь!

– Отплясала я свое, дитенок... – тихо усмехается бабушка. – Мои дороги домерены, видать. Тело тут еще, а душа, она, миленький, уж к рекам тронулась, к рекам...

– Фершал, чо ли, позавчера сказал? – паникую я.

– Да уж он-то... Он, может, и знает, да не скажет. Ты мне сказал, ты, детонька!

– Я-а?! Когда? Бабуль, с тобой ладно ли? – я тороплюсь к ней, уязвленный ее словами в самое сердце.

– А сейчас вот сию минуточку и сказал... И твое ведь, дитенок, времечко бежит, катится. Свистать-то во время работы забыл, а? – тихо и лукаво смеется она. – Канула твоя песенная пора, время соловьиное. А твоя канула – что уж о моей говорить? Ты слышь-ко, вот бы чего... Ты бы, дитенок, сегодня прекословить не стану я, не стану, ты бы посвистал маленько, а? Ну, хоть нашу «Ялыке»? Не пообидь, потешь напоследок...

...Бабка ты, бабуля моя.. Оно и посвистать бы, потешить – да отчего-то язык присох к гортани...

## Нить

Сидел он рано поутру у изголовья матери, умирающей, уходящей по вечному пути – вниз по реке жизни. Свеча ее жизни еле колебалась на ветру.

А ветра не было в глухой больничной палате. А были вдохи и выдохи ее – хриплые и безнадежные. Натруженные пальцы рук старой женщины судорожно теребили конец простыни на груди, будто бы отщипывали шерсть с веретена.

Может, ей хотелось и дольше пряхть свою жизненную нить. А может, просто закончить начатое дело.

А нить судьбы ее уже обрывалась, хоть не такой уж длинной она и была.

... – А домовину мне сколотите сами. Обратись к Ондырьяну-плотнику. Руки у него золотые. Сделает гроб мне, как лодочку. Легкую и сухую. Без сучков. А за труды отдай ему пенжак отцовский... Царствие ему небесное – Поликарпушке ... Путевому. Умнее его – дурака, и не было у нас в деревне. И на работе, и на пирушке – везде был первый.

Он слушал материнскую речь сгорбившись. Будто бревна падали на его спину, слова матери – тяжелые и неподъемные.

Слезы застилали глаза. Но сухи были его щеки, обветренные на полях и на реках. Сквозь марево он будто видел свою мать на лугу. Вжич! Вжич! Пела острая коса в ее руках. Тонких, но сильных. Твердых и теплых.

Цветы луговые со вздохом падают к ее расставленным ногам, каждым пальцами своими вбирающими силу земную.

А солнце почему-то зеленое, небо – розовое. Лишь река голубела вдали вороненой сталью.

И слышал он сейчас на голове своей седоватой все пять пальцев ладони материнской шершавой – большой, указательный, средний, безымянный, мизинец. Слышал, а понять о чем говорят – не мог.

– В землю положите с бабушкой твоей рядышком. Авось, и встретимся там с маманей. И настелите хороших полатев, чтобы земля не сразу осела. Боязно ведь... Копать позови мужиков: Микола, Очя и Юбера. Хваткие они. И роду нашего ж – Шудзя. Сразу им не наливай. Это уж потом угости, одари и даром памятным. Не-то и как-то... Рушничок там аль платочик носовой...

Большая муха покружила и лениво села на его руку. Откуда она здесь взялась?

Но руку свою он не отдернул. Хотелось, чтобы эта муха была пчелой и ужалила его.

И тогда он побежал бы к матери. Пожаловаться на боль. И подула бы она нежно на ужаленную руку, намазала бы настоем клея того же пчелиного, разведа его в капле мутного первача. И стало бы легче.

– А саван пусть сошьет мне Дыдык апай – раскроем нашим, удмуртским...

Имя и руки ее – голубиные, легкие и добрые. За работу же отдай ей платок оренбургский, что ты мне с армии привез. Не жалея. Не повязать уж мне его на голову. А Дыдык апай долго еще будет носить... Хотя она и старше меня, но жилка в ней крепче. Сердце у нее сильное, не в пример моему – корявому...

Теперь он видел платок тот оренбургский. Теплый и добрый. На сэкономленные его солдатские деньги им и купленный. Давно, в золотые его времена. И потому – невероятно дорогой.

– А на сороковины всех собери. Никого не обдели, слышь? Каждому что-то в памятку отдай, мелочь какую. А то не по-людски будет. Сам не пей. Коль не умеешь... Это уж как поминальщики уйдут – тогда можно. Денег возьми у кума Микты. Я ему оставляла на похороны. Должно хватить. Скромно. И на церкву тоже. Сынок, связала я тебе носок один, второй вот не успела. А куда же я заготовку вторую девала? Первый носок – в сундуке. А где же недовязанный?

И снова теребила пальцами по простыне. Будто пряла нить шерстяную.

Но уж с громом захлопнулись крышки древних сундуков – упали веки умирающей. И замерли руки ее.

Как у Матери Божьей, образ чей лежал на груди материнской, считай, уж с неделю. Крохотный такой, с детскую ладошку.

Он встал и посмотрел на нее – построжавшую. Хотелось залпом заплеснуть в себя стакан белой и тут же занюхать ее хлебной коркой.

Но матушка ведь не разрешила... И тут он услышал шепот. Откуда?

– Семью свою береги. А обо мне не тужи, бедный ты мой. Сирота ты теперь круглая... Обо мне не убивайся шибко, от этого тяжело мне будет уходить... Отпусти меня хорошо... Не я – первая, не ты будешь последним... А нить останется... Святый Боже...

А за окном, как усталый мерин, понуро стоял ранний октябрьский день. В больнице пахло палыми яблоками. Как ладаном.

Приторная сладость разливалась по казенным углам и обволакивала их и его, как матушка в детстве – в пеленки. Из ткани белой. Вытканной из нити шерстяной.

И не разорвать уж объятий той ткани вовек.

Яблоки падали где-то в прелые листья. Яблоки падали в прелые листья и рядом. Тук! Тук! Тук! Так ...так... так...

## Чужой

Пришлого человека деревенский народ с первых же дней всесторонне исследует, не слаб ли насчет этого – самодельного или купленного за красненькую, характером не гордец ли, на работу сноровист или нет, да и в кармане хрустит ли. Смотрят люди на него и друг с дружкой мыслями делятся. А сам приезжий ни одного, конечно, слова пока о себе не услышит, до поры...

Ну, а если он держится особняком, и всю ночь горит у него свет в окне – ему сначала удивляются, потом перемигиваются друг с дружкой, а потом недолго и до насмешек. По-деревенски хлестких и не одним автором продуманных.

Именно таким человеком стал Георгий. Имя его узнали, когда он писал в конторе заявление о приеме в колхоз. Георгий-то Георгий – да больно уж честь велика! Ибо добиться новичку в старинной деревне, со своим укладом, права ношения имени – не так-то и легко. И для начала пускай попользуется прозвищем – Тури, Журавль. А там видно будет. А прозвище, между прочим, не случайное, так как он журавль и есть: длинный, голенастый, а при ходьбе руками машет, как крыльями – видали, да? В общем, Тури есть Тури, другого имени ему нет – пока. А там уж как себя покажет...

Поместили Тури на квартиру к разбитной вдовушке – Анисье. Была она резва на язык, недурна собой. Но не повезло Анисье на мужа. Золотые руки имел, да сгубила горькая. Вот уж третий год вдовствует Анисья. Несладко, конечно, ей. И дров запаста, и сена накопить, и животину держать... Какое же хозяйство без

мужичьих рук? Бригадир подумал над этим и с дальним прицелом определил агронома именно к Анисье.

«Ну, – решили деревенские кумушки, – раздобреет теперь Анисья-то». А мужики поглядывали с хитрецей. Но прошла неделя, и Анисья все хорошие и нехорошие подозрения разом развеяла.

– Э-э, бабоньки, че и подумать-то, в голову нейдет! – выдала она разок у магазина самое сокровенное. – Да чего это за мужик-то? Одно слово – Тури! Вроде бы с виду-то ничо он... Да ладно, не воду пить. И не пьет, и не курит, ну? А на меня – ноль внимания. Все только по батюшке – «Анисья Павловна, Анисья Павловна, тыры-пыры, тыры-пыры». И краснеет, как девка. И чего-то все пишет. Пишет, пишет, потом вскочит – туда-сюда по избе, и все порвет. Что за человек?

«Хм»... – многозначительно посмотрели тогда домовитые хозяйственные мужики друг на друга. Взгляды деревенские обкатаны многими водами многих жизненных рек – нет, не понравился деревне новый агроном. Во-первых, семьи у него нет, что за справный мужик будет, раз четвертый уже десяток разминывать начал, а ни кола, ни двора, ни жены, ни детей. Да и с Анисьей, посчитали деревенские во-вторых, можно было бы и почеловечней. Не шалава ведь какая... Не-ет, вроде бы, и работает новый агроном нормально, и с человеком поздоровается вежливо, но взгляд у него какой-то нездешний.

В общем, не понравился Тури деревне, и все.

А тут и Новый Год подоспел, а за ним – ряжения. Мы, деревенская молодежь, обрядившись во что попало – на одном вывернутая шуба, у другого рога, третий и так на черта похож, никого не узнаешь, – весь вечер ходили из дома в дом, желали хозяевам доброго урожая. Бесилась гармонь. Бесился ветер, пиная проплешины сугробов – но разве до него по такому веселью? Да и месяц нам весело подмигивает, то и дело выбегая из-за рваных туч...

А настроение самое отменное!

Под валенками задорно скрипит снег.

А девушки – одна другой красивее. Всех бы обнять – да убегают!

Наверно, по всем домам прошлись. От лихих плясок уже и ноги дрожат – устали.

С шутками, песнями, прибаутками вышли к околице. Огляделись. Лишь в одном доме горел свет – у Анисьи.

– Парни, девчонки, айда и к Тури зайдём! – предложил кто-то.

– А что? В нашей деревне живет – пусть уважает! Пошли! – поддержали дружно.

И вот человек десять, громыхая по лестнице, зашли мы к Тури. Дверь широко распахнулась, сглотнув клубы пара. Тури сидел за столом, сгорбившись, и что-то писал.

– Славьтесь, хозяева! Как живете – хлеб едите? – хором поздоровались мы. Тури удивленно привстал. Наверно, перепугался.

– Заходите, заходите, – неуверенно промолвил он.

– Славим хозяев, счастья желаем, пусть хлеба ваши до пояса поднимутся, а стога чтобы бесчисленными были!

– Спасибо, спасибо... – Потом спохватился: – Да что же я расслаиваюсь-то тут! Я сейчас, сейчас же, – устремился он в кухню и начал там чем-то греметь.

А я подошел к столу и присмотрелся: н-да! да это же стихи! Значит, Тури стихи пишет. Упадешь – не встанешь! И не подумаешь ведь! Хотя – кто его знает, этого сундука...

Белый, как птичье перо,  
Волос нашел я у себя —  
Первый в моей жизни...  
Перо к перу — будет крыло,  
Годы идут — куда мне лететь ?

С кем мне лететь ?  
...Вырастают крылья...

– Фи-и-уть,— длинно присвистнул стоящий рядом товарищ. Рукой в несмываемом тракторном мазуте тронул он исписанные листы,— Значит, наш Тури — Пушкин...

Тури выбежал из кухни, в руках — разные тарелки, кружки.

– Садитесь, садитесь, ребята, ешьте, пейте! Вот соленые огурцы, грибы,— сел он, может, и радуясь.— А Анисья Павловна в гостях...

Рванул мехи гармонист. И полилась плясовая.

– Эх, парни-девки! Спляшем-споем нашенскую!

Все ринулись в узкий круг. Эх, и топочут-щелкают!

Но вот кто-то задел этажерку — все книги бухнулись на пол. Кто-то толкнул тарелки на столе — они звякнули, посыпались, звонко разлетелись в осколки. Эх, не до тарелок гармонисту! Быстро бегают его упругие пальцы по кнопочкам.

Эх, красивы ж мы, красивы.  
Эх, красиво пляшем мы!  
Как лягушки с бережка —  
Дрыгаем мы ножками.  
И — эх!

И Тури застыл в удивлении. Молчит.

Молчи! Вот тебе, на тебе, рифмоплет ты агрономический! Уважай! Уважай нас! Смотри и учись, коль без году неделя...

И вдруг гармонист смолк. Все смотрят на Тури. Обреченным влажным блеском моргают его глаза.

А потом, отшатнувшись, как от удара в грудь, он закрыл лицо руками и выбежал из дома. Без пальто. На улицу. В январь.

– Тури, да ты чего, не дури!

– Мы же пошутили только! Эй, поэт, вернись!..

– Аи, да чего с ним будет! Остынет — зайдет. Не пьяный ведь... — отмахнулся кто-то.

Но веселье испортилось. Настроение подсело, потихоньку, в полголоса переговариваясь, пошли по домам...

Да и месяц спрятался куда-то. А ветер стал еще крепче, теперь уже холодный и злой, пронизывающий.

...Назавтра я повстречал Тури в колхозной конторе. Мне нужно было сдать путевые листы. «А Тури заявление об уходе пишет», — пояснила мне молодая девушка-бухгалтер. Аккуратно поставив точку на своем заявлении, Тури встал и тяжело шагнул к двери.

Прямо перед выходом он быстро обернулся и проговорил хриплым голосом:

– Это сегодня вы ряженые. А вчера, вчера... вы были в истинном обличьи! Прощайте...

И тогда я застыл. Надолго. Тури уехал из деревни неизвестно куда.

Многие вовсе забыли незадачливого пришедшего человека. А некоторые вспоминали — со смехом или с равнодушным удивлением. А у меня по сей день горит лицо со стыда. Где ты сейчас, Георгий? Слушай, ты не сердись на меня... А годы идут. Вот и в моих волосах появляются белые перья. А крылья...

<sup>1</sup> Черы – бесы, мелкая нечисть, по удмуртским поверьям.

<sup>2</sup> Древние удмурты верили, что души умерших уходили вниз по рекам, поэтому мертвых хоронили ногами к реке.

<sup>3</sup> Алангасары – великаны, отрицательные силы в фольклоре удмуртского народа, видом не очень привлекательные.

Тауз Исс

**Под небом осени...**

\*\*\*

Дерево тклет разноцветный ковер,  
роняя к изножкой лист за листом.  
Долгая осень...

\*\*\*

Деревья совсем опустели  
и стали еще красивее,  
обручившись с тишиной...

\*\*\*

осенний свет играет в кронах  
с детьми, играющими во дворе,  
и голуби клюют зерна света...

\*\*\*

на каждом листе,  
ниспадающем в сердце,  
сияющей повестью  
написана осень...

\*\*\*

вся красота, вся тишина осени  
медленно стекает с дерева  
в умиротворенный мир...

\*\*\*

зажегся одинокий тополь,  
пылая среди осени,  
птицы улетели...

\*\*\*

дерево пустеет,  
врастая в медленный крик,  
полный неба...

**Запах осени**

Я набрел на него дождливым утром,  
после долгих поисков  
в дважды убитом  
и вставшем из пепла городе...  
И сразу ожили картины прошлого  
вместе с этим запахом,

запахом мира, чистоты, садов,  
палых листьев, осени...  
Накрапывал мелкий дождик,  
женщины жгли роскошные костры,  
из которых вставали гирлянды  
разноцветных дымов...  
И время как будто вернулось...  
Только тогда этот запах,  
как и я сейчас,  
бродил по всему городу,  
а сейчас он только-только  
рождался...

Мы встретились в этот сумрачный  
и прекрасный день,  
и побрели вместе...

**в дороге**

в осеннем сумраке вдали  
среди гряды который день  
сокрытых грозами далекими  
вдруг засверкали две вершины,  
зажглись вечерние огни окраин,  
навевая сказки детства,  
ветер уносил, как птицу, целлофан,  
и дождь пошел,  
и окна потекли...

\*\*\*

ночной ливень стер осенний  
пожар в горах,  
краски поблекли,  
выцвели наполовину,  
веют, блистая, победоносные  
знамена паутин,  
на дорогах гуляют золотые метели...

...  
так бы стоял и стоял  
под небом осени...

\*\*\*

пью осени вино...  
я ищу тебя повсюду...  
ты везде  
и нигде тебя нет...

осень –  
золотой сон,  
снящийся всем...

\*\*\*

осенью он выходил в звездное поле  
собирать урожай звезд,  
земля ломилась от тяжести...

\*\*\*

под небом осени  
курит свой фимиам  
осенний костерок...

\*\*\*

совсем опустел тополь,  
и стало видно тайное гнездо –  
в нем время вьет зиму...

\*\*\*

каждую осень с моей  
поношенной обуви,  
как листья с деревьев,  
оппадают подошвы,  
приглашая пройти босиком  
по палой листве,  
снова ищу мастерскую...

\*\*\*

снег идет, как будто свет  
из кружащихся высот,  
день и ночь  
смотришь, мир слепяще чист –  
то не снег сошел, а свет...

### Белые стихи (проэзия)

Сегодня был на берегу моря... но моря так и не увидел... о том где оно мне подсказывал ветер среди городских лабиринтов... душа рвалась к нему... но так и не смог увидеть... шквальный ветер гулял среди осени сгоняя с деревьев остатки листьев... везде пахло осенью... дождь колдовал творя осенние коктейли... город долго не выпускал из себя... ветер мчался обгоняя машины... за городом... перед тем как нас проглотило пространство... вправо... над остатками города в далеком провале показалось море... или показалось?... нет все-таки это было оно... море... оно дышало... за ним лежала безмерная Азия... от Арктики до Стены... с космическими степями... огромными лунами... с Шамбалой и Гималаями... ветер рвал пространство... оттуда со стороны моря и Азии выкатывались ударяясь об колеса перекаати-поле мчащиеся быстрее машин и ветра... они несли весть моря... этого дня... этого мгновения...

\*\*\*

Первой встречает солнце далекая белая вершина, вспыхнув, словно огромный факел... тихий свет спускается в изумрудную чашу, слегка подернутую паутиной осени... клочья тумана доживают последние минуты... синее... голубое... зеленое... золотое...

дрожат огромные алмазы рос... летят паутины... пирует мошкара... под горой, в двух шагах от ее громадной тени солнце сияет резче... и свет полон неги... тихи как никогда деревья... тишина вошла в них в преддверии осени – умирать долго...

долгое утро... долгое небо... долгий свет...

**Сулиман Мусаев****Вся жизнь в труде**

Очерк

В предрассветной мгле прозвучал мелодичный голос муэдзина, призывающий правоверных к утренней молитве. По выработавшейся за долгие годы привычке Мовли к этому времени был уже на ногах. Заглянул в сарай, затем в небольшой летний загон для овец. Проверив, все ли в порядке, он прошел под навес и не спеша совершил омовение. В доме захлопали двери, начали просыпаться домочадцы. После намаза долго сидел, воздев руки и благодаря Всевышнего за мирную жизнь, за здоровье детей и внуков, за хлеб насущный, который Он дарует рабам своим.

А жизнь самого Мовли, как и всего его поколения, сложилась очень тяжелой. Ему не было еще и двух лет, когда, как и весь народ, он был выслан и выброшен в снежные сугробы Казахстана. Отца в тот день не было дома. Позже узнали, что ему с товарищами удалось в феврале уйти от карателей НКВД и скрыться. Долго тогда они скитались по горам Грузии и Чечни и только осенью сорок четвертого явились к властям. Их, беглецов, собрав из разных районов уже Грозненской области, отправили в Казахстан, обещав воссоединение с родственниками. Там их какое-то время продержали в спецприемнике, переоборудованном из общежития. После этого отца Мовли куда-то вызвали, дальнейшая его судьба неизвестна. Сколько в последние годы уже предпринималось попыток отыскать его следы – все безуспешно.

Кстати, Мовли в детстве, еще до выселения, чуть не убили. И не кто-нибудь, а родной отец. Вот как это было. В те годы отряды НКВД, под предлогом борьбы с абречеством, часто проводили в горных селах карательные операции. Нередко убивали невинных людей, жгли дома, мародерствовали. Даже местные представители советской власти не всегда в силах были остановить этот беспредел. Местные жители, если удавалось заметить из своих прилепившихся к горным склонам аулов солдат, бежали в близлежащие леса, бросив свои дома. Так погибла тетя Мовли. Не успев убежать, она спряталась в стог сена. Каратели – видно, они заметили ее – потыкали стог штыками, а потом просто подожгли сено, и она сгорела заживо.

Так вот, в один из осенних дней раздались тревожные крики: «Апераци идет! Апераци идет!» Люди бросились бежать, до леса было не успеть, и они спустились в лощину за аулом. Стоял густой туман, что было им на руку. Из аула доносились крики, лай собак, выстрелы. Но туман стал опускаться все ниже, а вслед за ним приходилось спускаться по склону и беглецам, так что скоро они стояли уже в ледяной воде небольшой речки Хилдехаройн-Эхк, притоке Аргуна. Маленький Мовли на руках у матери плакал – может, продрог, а может, и проголодался, – и была опасность, что плач его услышат энкаведэшники. Какая-то женщина, не выдержав напряжения, прошипела в сердцах: «Придушить бы тебя!» Отец Мовли услышал это и, весь вспыхнув, шагнул к жене: «Давай его сюда!» Здесь же находился и его двоюродный брат. Он изумленно взял его за локоть: «Ты что, хочешь взять на людях сына на руки?!» – «Придушу его, а то он выдаст нас всех!» Брат, закинув за плечо винтовку, которую держал наготове, сам взял племянника на руки и попытался его успокоить...

Вместе с матерью и младшим братом полуторагодовалый Мовли попал в Кустанайскую область. Первые месяцы на чужбине выдались особенно трудными. Припасы, которые успели прихватить из дома, закончились еще в поезде. От голода, холода и болезней люди умирали каждый день. Летом умер и младший брат. Мовли с матерью остались одни. Мать устроилась на

работу в колхоз, и каждый кусок хлеба, который удавалось там перехватить, несла домой, сыну. А он рос послушным, трудолюбивым. Научился с ранних лет помогать во всем матери – дома ли, в колхозе ли – пытался хоть чем-то облегчить ее жизнь. Для этого он через несколько лет даже бросил школу, ведь он был ее единственным помощником. Скоро он и сам устроился на работу.

Проходили годы, наполненные своими радостями и горестями. В пятьдесят седьмом, когда депортированным народам разрешили вернуться на родину, в числе первых отправились в восстановленную республику и Мовли с матерью. На перроне железнодорожной станции их с родственниками встретили представители местных властей. Возвращенцев из числа уроженцев приграничных с Грузией сел ознакомили с постановлением обкома о запрете возвращаться к родным очагам. Выходцам из Хилдехароя предписали поселиться в Шелковском районе. Они же не хотели ехать жить за Терек. Им выделили полторку, Мовли с матерью в числе других залезли в кузов грузовика, и скоро они выехали из Грозного. На дороге всюду стояли посты милиции и военных, которые проверяли, в указанное ли в документах место едут возвращающиеся из ссылки чеченцы. По дороге старшему из родственников Мовли удалось как-то договориться с водителем, и он повез их не в Шелковское, а в предгорное село Алхазурово – как-никак, ближе к родным горам. В Алхазурово жили тогда уроженцы Дагестана, и далеко не все они были рады возвращению хозяев. В свое время, после депортации чеченцев, власти переселили их в опустевшие селения, а их прежние дома были заняты жителями горных аулов Дагестана. Переселить-то переселили, а вот теперь не позаботились обеспечить возвращающихся вайнахов жильем. Первое время многие вернувшиеся ночевали прямо на улице. Начались конфликты с местными, которые не хотели уступать дома прежним владельцам, иногда доходило до поножовщины. Милиция же была настроена против чеченцев. Но скоро дагестанцы уехали на родину, и сельчане начали налаживать свой быт.

Мовли с помощью родственников построил себе дом в верхнем конце села. Его призвали в армию, несмотря на то, что он был единственным сыном у матери. Отслужил три года в Грузии, Аджарии, в городе Махарадзе. После демобилизации женился. Как-то к ним приехал Мохди, единственный выживший близкий родственник матери Мовли, Басират, сын ее брата. Он недавно вышел из тюрьмы, был уже тяжело болен, подхватил там туберкулез и скоро умер. До ареста он был женат на татарке, имел от нее сына. Уже потом Мовли пытался отыскать его, писал запросы в Госархивы Казахской ССР, но ответа так и не последовало.

Поиски работы в родной республике результата не дали, и Мовли, продав дом, уехал сначала в Ставропольский край, затем – в Калмыкию. Более десяти лет он чабановал в калмыцких степях. Руководство совхоза отметило его труд множеством грамот и благодарственных писем. В восемьдесят третьем году вернулся в Чечено-Ингушетию. Вместе с двоюродными братьями выезжал на «шабашку» в Сибирь. Множество домов и ферм в Новосибирской, Омской областях, Алтайском крае выстроили они за эти годы. А потом... Потом начались грозные девяностые... Во что они вылились – всем хорошо известно.

Мовли завел небольшое хозяйство – коровы, овцы, которые требуют каждоминутного внимания. Вся жизнь его прошла в труде...

С улицы донеслось блеяние, и Мовли направился к загону выгонять овец на пастбище.

Адиз Кусаяев

**Пролог. Чечня моя...****Сонеты**

\*\*\*

Как не терпелось в детстве  
взрослым стать,  
Как каждый день  
завидовал я старшим,  
Уже самостоятельными ставшим,  
Своим отцам и молодцам под стать...

Как не терпелось мне  
в строй старших встать,  
В изгнании и смерть, и горе знавших,  
Но духом в испытаниях не павших,  
Чтоб, как они, любовь свою встречать.

Как много в годы те людей спасла  
Любовь – надежду, стойкость,  
радость, силу  
И веру в справедливость им даря.

Стать взрослым потому спешил и я,  
Чтоб и меня любовь  
на крепких крыльях  
В счастливое грядущее несла.

\*\*\*

Я на нее загаивал обиду  
За то, что мне других предпочитала,  
Себя самостоятельной считала,  
Хотя порой казалась робкой с виду.

И у любви ее другой был идол –  
Наш одноклассник,  
с ним луну встречала.  
Хотя на взгляды мне не отвечала,  
Ничем ни разу боли я не выдал.

Хотя и знал, что права не имею  
Ей диктовать и все же ревновал  
Ее к сопернику я своему.

Но, что поделаться, коль душою всею  
Влюблялся я, а жребий выпадал  
Другому? Счастья я желал ему.



\*\*\*

Выпрашивать любовь? То – не по мне.  
Чем лучше был он? Только та и знает,  
Которая в мечтах с другим витеет,  
А мой удел – страдать наедине.

Но не таил я зла на самом дне  
Отвергнутой души, все понимая  
И отвержение воспринимая,  
Как данность, что заслужена вполне.

У каждого есть право выбирать  
Предмет своих мечтаний, вздыханий,  
Ни осуждать его, ни обсуждать

Никто не властен, хоть тяжелой раной  
Тот может для любого стать,  
Как для меня, источником страданий.

\*\*\*

Искатель жемчуга ныряет в море,  
Чтоб собирать сверкающие искры.  
Тяжел, опасен путь его неблизкий –  
Ждать могут в глубине  
и смерть, и горе.

Но мальчики упрямы в этом споре,  
Идущие сознательно на риски,  
Чтоб, подарив одной  
жемчужин низки,  
Любовь увидеть в благодарном взоре.

И я, гонимый сладостною жаждой,  
Успев до боли воздуха вдохнуть,  
Нырнул раз в море  
глаз твоих однажды.

Но глубь не рассчитал –  
далек еще мой путь:  
Мечта моя с минутой тает каждой  
До жемчуга любви  
доплыть когда-нибудь.

\*\*\*

Любовь и вдохновенье – два крыла  
Полета, взлета творчества любого,  
Без них все в жизни выглядит убого,  
Как улица забытого села.

Легко с любовью ладятся дела  
И с вдохновеньем, если дар от Бога,  
Если природа с наказаньем строгим –  
Петь женщину – талант певцу дала.

Слагать и песни, и стихи, и оды  
О женщине, о счастье, о любви –  
Поэта настоящего призванье.

И даже через поколенья, годы  
Читаться будут строки те людьми,  
Словно в любви весеннее признание.

\*\*\*

Века бегут, но вечно молода  
Любовь, что в каждом  
новом поколеньи,  
Словно весна, находит обновление  
И в юность возвращается всегда.

В любви все есть: и счастье, и беда,  
Измена, верность, удача, невезенье –  
И на огне на чувственном горенье,  
Что жжет, но не сжигает никогда.

Ни годы, ни трагедии не властны  
Над искренней любовью, что, старея,  
Лишь ярче и красивей расцветает.

Любви не испытывавшие несчастны:  
Кто раз хотя б плененным не был ею,  
Тот не живет, а только, тлея, тает.

\*\*\*

Тебя люблю я. Это верно значит,  
Что на земле счастливый самый – я:

Дала мне крылья ты, любовь моя,  
И жизни курс сумела обозначить.

Меня ты любишь. Значит, все задачи  
Решу легко я, радость не тая,  
Все потому, что ты, любовь моя,  
Со мною делишь беды и удачи.

Тебя люблю я. Это значит: ты  
Не только тут, в Чечне, а на планете –  
Как самый светлый символ красоты.

Меня ты любишь. Означает это,  
Что мы такой достигнем высоты,  
Которой не достичь другим на свете.

\*\*\*

Поэты есть, что в большинстве стихов  
Отчизну воспевают, мать и горы.  
И это нужно. Я же, не в укор им,  
Пою любовь. Простите, я – таков.

Для излишних не жалея слов,  
Ничуть в своих признаниях не скорый,  
С поэтами не затевая споры,  
Я петь любовь, без усталости, готов.

Ведь даже в старости, во все века,  
Нам вновь и вновь бывшее возвращая,  
Любовь беспечно остается юной,

Нам каждый вечер всем напоминая  
Или прогулки по тропинке лунной,  
Или стояние у родника.

\*\*\*

Не посвящали нежных строк тебе  
Тебя еще не знавшие поэты.  
Не сожалею я ничуть об этом,  
Гордясь, что первым  
был в твоей судьбе.

И даже при губительной стрельбе  
В войну я выживал, согретый светом  
Любви твоей, единственной на свете,  
Дававшей мне уверенность в себе.

В Чечне, живя в условиях войны,  
Когда минута каждая бывала  
И каждый шаг опасности полны,

Когда надежды выжить было мало,  
Когда все мы страдали без вины,  
Своей любовью ты меня спасала.

\*\*\*

И все-таки красавиц жалко мне:  
Они под маской горделивой носят  
Все боли, что завистники наносят,  
Запятав их в душе на самом дне.

Их жизнь, хотя и кажется вполне  
Благополучной, жалят, словно осы,  
Слова, и льют в подушки ночью слезы,  
Оставшись с тишиной наедине.

Лишь в радужных мечтах  
и в снах к ним часто  
На быстроногих белых скакунах  
Всегда к ним принцы  
сказочные мчатся.

Но почему, красавицам на счастье,  
Те преданные принцы (ну, никак!)  
Не могут наяву до них домчаться?

\*\*\*

И я любил. Любили и меня.  
Ах, как чисты, наивны чувства были,  
Сентиментальной наполняюсь былью,  
И каждый знак внимания ценя.

И, преданность избраннице храня,  
Мы в мире сами выдуманном жили,  
И на свиданья приходили  
Намного раньше. Был, как все, и я.

Любовь тогда мы искренне считали  
И волшебством все,  
и святейшим чувством –  
Нам в юности немного было надо,

Когда в своих мечтаниях витали,  
Нам о богатстве мненье было чуждым –  
Был каждый взгляд  
любимой нам наградой.

\*\*\*

Всего-всего я вдоволь испытал  
На долгом сложном жизненном пути.  
Что жизнь прожить – не поле перейти,  
Я истину все годы постигал.

Дорог немало дальних истоптал –  
Все потому, что с детских лет почти  
Весь шар земной огромный обойти,  
Как Магеллан могучий, я мечтал.

В пути запоминал я все картины  
Открытых прежде неизвестных стран,  
Пленяясь их пейзажей новизною.

И вот, когда оглядываюсь ныне  
Назад, все память, словно на экране,  
Воспроизводит виденное мною.

\*\*\*

Как пылко все мы в юности любили,  
Как глупо мы избранниц ревновали  
За взгляды, что те на друзей бросали,  
С которыми мы неразлучны были.

Под парусами алыми мы плыли  
В любовь. Всегда  
во всем мы подражали  
Героям книг, которые читали,  
И, как они, романтиками слыли.

Мы ссорились, мирились, жили в мире,  
И в голову не приходило нам,  
Как рыцари-задиры, на турнире

Сражаться насмерть  
за прекрасных дам...  
Но и не думали, что это игры,  
В те дни, когда росли не по годам.

\*\*\*

Проспект. Скамья. Сижу.  
Людской поток.  
Пакет с едою – рядом. Тут как тут  
Кот объявился. Начал спину гнуть,  
Хвостом вилять. В глазах –  
немой упрек,

Что делаю я вид, что невдомек,  
Чего он хочет. Но настойчив плут,  
Хвостом виляет несколько минут,  
Старается мне объяснить намек.

В конце концов мне показалось вдруг,  
Что кот глядит  
в мои глаза с насмешкой,  
Как будто за притворство укоряя,

И я, конечно, от стыда сгорая,  
Коту отдал, в раздумье чуть помешкав,  
Охотничьей колбаски целый круг.

**Бексултанов Муса****Сан вешин т1ехыйза йо1**

Дийцар

– Хизир, нана яла хьан, и йо1 ма ца го суна... зудаберашца... иза... иза стенга яхана, 1арбин т1ехыйза йо1... – схьа а ца хьожуш хотту, цхьаьнга луйш санна а ша-шега.

Нана ц1ийнан ма11ехь лавтта, ши б1аьрг а бу горгбина, генна новкъа д1а а хьожуш, зудаберийн аьзнашна т1аьхьа я цхьанхьа – анайисте.

Ненан куьйгаш демах дуьзна го, йовлакх а ду т1ехьа дихкина, хьаьжт1ехула, чухта санна.

Со ишколера вог1у, белшах т1оьрмиг а оьллина.

Суна нана геннара го, суо цунна а гале.

– Бод хьакхош 1ачуьра... аьзнаш а хезна... иза яц-те аьлла, – нана дитташка хьалахьожу. – Заза дала г1ерта-кх вайна... б1аьсте, – д1айоьрзу, д1айолало.

– Иза... – иза д1аяхна, нана, кху юьртара... деша яхна .. иза кхузахь яц, – олу ас. Сихха олу.

– Яц боху ахь... д1аяхна, – нанас корта схьаберзабо.

Т1аьхьахьожу зудаберашна, ишколера дог1учу.

Дуккха а хьожу, ехха. Ши б1аьрг цхьанаметта соцу.

– Х1аь, д1аяхна... яло, чу доьду вайша, – со нанна уллохула т1ехволу, шек а воцуш санна.

Ас суо ца кхета кеп лелайо, сайна цхьа бен а доцуш санна, Кемса гича а, ца гича а.

Зудабераш дуьйлу, соьцу, д1адуьйлало.

Кучамаш тайп-тайпана, фартукаш, ч1абанаш. К1айн-к1айн пазаташ.

Юха а соьцу д1огахь, боккхачу хьоча к1елахь. Заза лехьадо, охьаэгна хьечийн заза, настарийн голаш цхьана аг1ор а ерзош, охьа а таьлий.

Хьаьж т1ера месаш т1ехьа кхуьйсу, корта ласторца.

Цергаш го, к1айн яхьхаш; дийлало т1аккха, бокъех терса, аьзнаш хиэда, атало аьзнаш, полларчий ловзуш санна, дуккха а цхьаьна полларчий.

– Нана яла хьан, хьан Даймохк ма генахь хилла хилла-кх... хьан Даймохк, – нанас боху. Хьаьнга?

Чу еьча боху, бод хьакхо охьахууш.

– Нана, хьо хьаьнга... – со вистхила вуллушехь соцу, кхид1а вист а ца хилалуш. Айса пенах д1алатийна б1аьстенан де го суна, 1арби ц1ера д1авахна де.

Со водий, араволу чуьра.

Со раг1у т1ехьа волу.

Б1аьсте, заза, урамера к1айн ц1енош, к1айн дуьне, цхьа 1аьржа а... Ваша арме... кху дийнахь... баьшна корта, хурашка, белшах кхозу т1оьрмиг...

«1аби, 1аби, соьга кехат... яздийр дуй ахь... суна сурт, хьайн сурт доуьйтур... 1аби, дуй ахь, т1ехь хорма а йолуш, мидалшца, ах1?»

«Дера дуй, х1аь, велха ма велха, хьо х1унда воьлху...»

«Со-м вац воьлхуш...»

«Иза х1инца кхузахула х1унда ца оьху, х1унда ца оьху кхузахула, кху новкъахула, шен новкъа», – деттало ц1ийца, ов деттарца, дегабаамца даг чу дуьжуш, лазамца сан легашкахь, ца хецалуш, 1аь1аш, эkkха г1ертарца, эkkхаш.

Иза хецало. Хецало, деса кьурдашца сацадо.

Мархаш а яц стиглахь гуш, кху стиглара мархаш стенга... стигал ц1ена, оьцул ц1ена, иштта ц1ена х1унда ю-кх стигал...

Буйса. Бетгаса. Кора хьалхахь 1ожан га.

Тхойша цхьаьна чохь – сой, 1абий, ул-уллехь вижина 1уьллуш. Иза кора хьалхахь, кора хьалхарчу маьнги т1ехь. Со – аьтту аг1ор, цуьнга леррина д1а а хьобжуш.

Цо доь1у са, синош, кхана арме д1авоьдуш...

Корехь гун бетгаса, 1абин метта т1ехула, ц1енкьа юккье охьакхеташ; 1ожан га а иштта сирла, заза дато долуш санна.

Вист а ца хуьлу, соьга вист а.

Цо дуьйцур ма ду соьга, со иштта жима воллушехь... цунна хаа ма хаьа, суна дерриг а хаьийла... Суна и шиь ган ма гира, цкьа а ма гира, кхузза а... Иза х1инца кхана, сахилча, иза арме воьдуш ма ву...

– Хизир, наб-м ца кхетта хьуна... са ма гатделахь, дика дуй?

– Ах1? Ца кхетта суна-м... дац... гатдийр дац аса-м, – со сихха метта хьалахуу, т1ера юрг1а д1а а кхуссуш.

Со цуьнгахьа д1ахьожу, цо бохург т1екхетта, шинна а куьйга схьалаца санна, х1ора а дош, х1ора а...

Иза вист а ца хуьлу.

Суна цуьнан б1аьргаш го, бетгасин серлонехь нийсса ирах хьежош болу. Ши куьг коьрта к1елахь ду, г1одаюккьец – юрг1а.

«Кхин х1умма а х1унда... х1унда ца олу... иза х1унда ца... Кемса, уьссалг1ачу классера Кемса...»

– Хизир...

– Х1а-а!

Соцунг1а.

Сан са лоцу. Со хьобжу. Сан ши б1аьрг лацало. Къурд бо беса, цкьа а, шозза а, дукхазза а.

– Цигахула хьажалахь, дика дуй?

– Х1аь, ду, дика ду! Со хьожур... 1аби, со хьожур ву хьуна... – соьга ц1е ца яккхало, суна эхь хета цуьнан ц1е яккха, соьга Кемса ца алало... цо Кемса ма юьйцу, ша цуьнан ц1е а ца йоккхуш.

– Цунна хьо вевза хьуна... ас цуьнга хьо вийцина хьуна...

– Дика ду! Ас цуьнга цхьа а, 1аби, цхьа а вистхуьлуйтур вац хьуна ас...

– Х1ан-х1а, иштта ца оьшу, х1умма а ма дац вистхилча... вуьшта, наггахь хьажал хьо. Хьуна хазахетий иза, Хизир?

– Ах1?

– Хьуна хазахетий иза?

– Суний... – со вист ца хилало, суна эхь хета иза ала. Иза ишколехь уггар а хаза ма ю. Иза массарна а еза ма еза, массо а берана, сан классерчарна а т1ехь, пхобалг1ачу классехь бен доццушехь.

Цуьнан цхьа баьццара юбка ма ю, г1одаюккьехь доьхка а долуш. Иштта коч а ю, цу басахь, иштта доьхка а долуш. Иза гуттар а йоблуш ма хуьлу, урокера арадевлча.

Юха елаелча, ши б1аьрг жим ма ло, хиш кьегаш санна. Т1аккха к1аьгнаш ма х1уьтту беснеш т1е. Уьш тамашийна ма хуьлу, и к1аьгнаш, цхьа горга а долуш, ал гуо а кьаьсташ. Цуьнан х1умнаш а ма хуьлу хаза, тайп-тайпана х1умнаш, ерриш а цхьа яйн а йолуш: к1айн, сийний, баьццарий...

Суна 1ин чохь ма гира 1абий, изий, ишколера ц1а воьлуш. И шиь хина дехьий-сехьий лаьтгара.

Хи юккьехула охьадог1ура.

Хино к1айн заза кхобхьура, акказийн к1айн заза.

Акказеш ма ю 1ин чохь, хин бердашца лаьтгаш.

Церан заза хи чу оьгу. Сийна бай а го д1ахьаьжча.

Кемсас т1оьрмиг шина куьйга схьалаьцнера, ши ност кьайлайоккхуш санна. Кемса д1асалестара, 1абига а хьобжуш. Иза йоблура, йист а ца хуьлуш.

Йовлакхан т1ам т1оьрмиг чурьа гуш бара.

Кемса хи чу хьобжура.

Хино заза кхобхьура.  
 Хи чохь кегий ч'ерий дара; Кемсас, цхьа куьг мукъа а доккхий, хи чу п'елг а хьажабора.  
 Юха т'оьрмиг схьалоцура. Кемса сих-сиха лабига хьожура. Лаби гуттар а хьобжура цуьнга.  
 Со лабина д'агира.  
 Кемсина а гира со.  
 Со ведда д'авахара.  
 – Хаза ца хета хьуна иза, ва Хизир? – Лаби схьавоьрзу. Суна иза воьлуш го, иштта цхьа шена воьлуш, со хьйизо г'ерташ санна.  
 – Вист х'лунда ца хуьлу хьо?  
 – Х'лаь...  
 – Х'лун «х'лаь»?  
 – Х'лаь, хета...  
 Лаби юха а велало. Дуккха а воьлу.  
 – Дика дешалахь, – олу т'лаккха, – хьо актер хила везаш ма ву, вуй?  
 – Ву...  
 – Нанина г'ло делахь, дуьхьал а ца луйш. Хи а далахь... Нанна хи дарах эхь дац хьуна, чохь горгам а хьакхалахь...  
 – Дика ду... ас дерриг а, лаби, массо а х'лума дийр ду хьуна... Ахь соьга кехат яздийр дуй...  
 – Х'лаь, яздийр ду.  
 – ...ахь цуьнга а, лаби, цуьнга а дуй ахь...  
 – Ду, цуьнга а яздийр ду... д'авижа х'инца, д'авижа хьайна, – иза юха а, тохара санна, куьйгаш коьрта к'ел а доккуш, тхевне хьобжу, нийсса ирах.  
 Беттаса х'инца пена т'лехь ду, ц'енк'яра хьала лакха а даьлла.  
 Беттаса кора юкк'ехь ду, т'лехь лаш хета к'лант а гуш. Суна иза жима к'лант хета, суо санна, жима а волуш, стигалхула иштта лелаш, седарчашца, мархашца, юха, цул т'лаьхьа, сахилча, цхьанхьа вижа д'ла а воьдуш, т'лаккха кхано, буйсанна, баттаца схьа сама а вуьйлуш.  
  
 Со нанас меттахьхьавира. Ц'енк'я юкк'ехь т'оьрмиг бара, хьйна лаш лаби а волуш. Со лабина т'лекхийтира.  
 – Вадал, юьхь-куьг а дилий, схьавоьл, цхьаьна х'лума юу вайшимма...  
 Охашимма цхьаьна х'лума йиира, дуьхь-дуьхьал охьа а хьйна.  
 Лаби суна велалора.  
 Нана йист а ца хуьлура.  
 Иза цхьанхьа д'лахьобжура, д'лахьаьжжинчохь йиц а луш. Юха доккха садоккхура.  
 – Делий, Делан Элчий, устаз – кхоь накьост ву-кх хьобца, – элира нанас, тхо арадовлуш.  
 – К'ьобалвеш схьайици, – лабис со маравоьллира. Со вилхира.  
 Юха лаби ахтобус т'ле хууш а вилхира со.  
 Цигахь дуккха а нах бара, шайн бераш новк'я дохуш. Эвлаюкк'ехь дара иза, ишкол а гуш, туйка а.  
 Суна Кемса гира.  
 Лабига хьаьжча гира суна иза, цуьнан хьажарца д'лавирзича.  
 Иза кертал чохьхьа яра, ишколан кертал чохьхьа, дуккха а зудабераш а долуш.  
  
 Суна цул т'лаьхьа сих-сиха г'ленах гуора ахтобус, лаби д'лавоьдуш а воцуш, тхойша цхьаьна цигахь лаьтташ.  
 Ахтобус еса хуьлура, чохь шопар а ца гуш; т'лехууш стаг а вацара я т'лера охьаволуш а.  
 Лада лаьттар-кх ахтобус, нахана гуш йоцуш санна.  
 Т'лаккха лаби т'лехуура, соьга геннара схьа а хьожий.  
 Со вист а ца хилалора.

Ахтобус д'айоьдура, хъавзаш гуш чкьург а йоцуш, цхъа лъатташ санна хеташ, цхъа айелла йоьдуш санна. Чохь шопар а ца хуьлура.

Суна Кемса гуора ишколехь.

Кемса суна елалора.

Суна урок сихха чекх а яьлла, Кемсига хъежа лаьара.

Со даим а цуьнга хьобжура.

Зудабераш дийлалора т'аккха, Кемсига: «Хъажахъа?!» – со волчухъа п'елг а хъежош.

«Витал к'ант!» – олура Кемсас.

Кемса суна елалора. Со водий, к'айлаволура, урок юха чекхъяллалц.

Ас нене д'адуьйцура.

Нана йоьлура: «Стаг ву-кх хьо, стаг!» – олий, со мара а вулуш.

Дуьххъара кехат цхъа бутг баьлча деара лабигара, Узбекистанехь ду шаш, аьлла.

– Ма йовха меттиг ю-кх иза, – элира нанас, – ма хала а хир ду-кх цунна.

Шолг'а деьна кехат т'ехь адрес доцуш дара, цхъа дуккха а терахъаш бен; т'едиттина мух'арш-м дара, «полевая почта» аьлла, ши дош а долуш яздина.

Ас доьшучу кехат т'ехь, «Афганистан» дош хезча, нана ц'еххъана кхоссаелира, б'аьргех охъа хиш а хьолхуш.

Буйнара сурт а дуьйжира охъа, танки т'ехь даьккхина долу.

Лабин коьртахъ шляпа яра, к'ладех йича санна а йолуш.

Цуьнца дуккха а салтий а бара.

Суна сурт казахетара.

Со сурт а эчна, ведира, массаьрга а д'агайта – йоккха танк яра цу т'ехь, буьххъехъ лаш лаби а волуш. Куьпара бераш цецдуьйлура: «Схъагайтахъа, гайтахъа!» – бохуш.

Суна суо цхъа воккха хетара, лаби санна, воккха.

Со ч'ог'а кура а вара, сайн вешех кура.

Аьке чекх а яьлла, гурахъ ишколе д'адахча, со ялхалг'ачу классехъ вара.

К'айн коч яра суна т'ехь, лаьржа хеча а йолуш.

Суна Кемса ца евзира.

Кемса ч'ог'а йоккха хиллера.

Кемса хаза яра, велххал хаза, цуьнга д'ахъажа эхъ хеттал.

Со цуьнан б'аьра ца хъажалора, цхъа догучу, к'егачу, геннахъ сирла лепачу сийна–лаьржачу ц'оцкъамашлахъ, стиглан басахъ долчу б'аьргашка.

Со вухура, иза гича.

Со ц'ийлора, латта вуьсура.

Суна цунах к'ахетара, лаби а воцуш, ша йисинчу.

– Схъавоьл кхуза, схъавоьл, – Кемсас куьг схъакховдийра, куьйган п'елгаш а лестош, – хьох ма хаза к'ант хилла!

Со меттах а ца велира.

Т'аккха иза ша т'еера.

Сан кучан кач нисбира, коьртара мас а тоеш.

Сан балдаш детталора, дог детталора сан балдашца, сан хъажар кхоьлинера, ши б'аьрг а кхулуш, дуьне а.

– Суьрташ... суьрташ дуй хъан?

– Ах!?

– Хъажал! – букъ т'ехъара аьтту куьг, цу куьйгахъ – лабин суьрташ.

Уьш кхоь дара, сайчух дерг а, сан доцчех кхин шиь долуш, т'ехъа яздина: «К..., хьуна. 1арби. 1983 шо. Афганистан».

– Ду, – элира ас, сайн доццушехъ элира.

Горгали бийкира.

– Вада х'инца, т'аьхъа ма висалахъ урокана...

Ас цу буса лабига кехат яздира, Кемса а юйцуш, суьрташ а. Сайна а даийта элира ас, цуьнан санна долу ши сурт. «Кемса хаза ю, – яздира ас, – хьо цла маца вогуру ву, цла волахьа, лаби, сихха, Кемса йоккха ма хилла...»

Со цуьнца вьодура цла, иза яллалц собар а дой.

Тхан новкъахула лелара иза, тхан кертан уллохула. Зудабераш а хуьлура цуьнца, шайн классера зудабераш.

Ас тлоьрмиг схьабьохура, сайга бахьийтахьа, олуш.

Сайниг цо длаобьура.

Зудабераш дийлалора: «Хизир, хьо воккха хилча, со юьгур юй ахь хьайна, ах! Юй ахь?» – хlorамма а хетга а хьогтуш.

– Ма хьийзавел иза! – Кемса суна тлехлуттура, цхьа боккчал а долуш санна, цкъа а ела а ца луш.

Ас нене дладуьйцура.

Нана хьожура корехула, тхойша цхьаьна хьожура цуьнга корехула, иза тлехйолуш.

– Эца-кх хьо Дала дла аьлча! Ши ност ма хаза а ю, тпу-тпу, – нанас туй кхуссура, нана йьолура, йиц а луш, йицъелча санна, саца а луш. Блаьргаш чу хиш хлуьттура, деладеллачу блаьргаш чу: «Биь бутт-м длабаьллера... Сан клант цлаваллац... йитахьара... наха юьгур ма яц атга... Хаза ма ю, блаьргхиллал...»

– Длаяздел, Хизир – иза хаза йоl ма хилла члогла, – длаяздел хьайн вешига кехат... наха юьгур-м хьаха яц... Цла вола боху алал ас, и йоl дешна яьллачу буса цлахь хила боху алал цуьнга... Оьшшу кехат доуьйтур ду ала, со елла аьлла даьккхина а...

Охашимма кехат яздира тлаккха, нанас аьл-аьлларг дла а яз деш, цхьа доккха, деха кехат, тетрадан йиь агlo.

Яздина ваьлча, дийшира ас, сайгара а хlumнаш а дуьйцуш.

Нанас кхин а дийцира, керл-керла дош а карош.

Кемсина блараш кхьохьура ас, хьуьнблараш.

Хьуьнблараш мерза хуьлура.

Юха гурахь, гла дужуш, цлабалгаш а девлира схьа. Тхан юьртан малхбалехьа, Хилдехьаройн-клотар олучохь дара уьш, шайш лар деш хехо а волуш.

Дитгаш даккхий дара церан члогла, нийсса ирах, ткьа а, ткье итт а метр лекха хир долуш. Лакха буюхьхехь, цлабалгаш кхуьучохь бен, тлевала цхьа а га а дацара. Дитт шера дара, стомма а долуш, ког таса шад а, куьйга схьалаца хлума а доцуш.

Дитга тле цхьа а ца валалора.

Оха, бераша, бухара хьала гложмаш кхуьссура, цлабалгаш эго глерташ.

Баl бужура, горга баl, юккьехь гуш долахан басахь шера цлабалг а хаалуш. Уьш цхьанна чохь пхи-ялх дара.

Оха пазаташ кхьохьура цига, зударийн тен пазаташ; пазат чохь ведар гергга цлабалгаш а гуллора.

Уьш кхехко а мегара, зайли чохь датта а.

Ас буйсанна, сайца накьост а обций – суо ваха ца ваьхьара, – Кемсагеран кертал чохьха кхуссура пазат.

Кемсас, кхехка а дой, ишколе кхьохьура уьш луьйранна, ас деьна шена бохуш, массаьрга а дозалла а деш.

Хехо члогла сийдоцуш вара, гихь кхозуш топ а йолуш.

Цо тлаьхьа говр хохкура.

Тхо жа санна длахьовдура, цхьа-цхьацца а волий.

Иза цхьанна тлаьхьа волура тлаккха.

Важа водура, хехо шена тлаьхьакхиа воьлча, пазат охьа а кхуссий.

Оха цунна юха дакьа дора, массеран а цлабалгаш цхьатерра хир долуш.

Юьртара ара а довлале барт бора оха, вада муьлха водур ву хьалххехь къаста а вой.

Уггар а чехка Салахь водура.

Хехо тхуна тлаьхьа ваьлча, Салахь жимма соцура, иза шена тлаьхьа вадийта. Тлаккха цо иза хьуьна юккье длавуьгура, тхан юьртана аьттехьа а йоцчу, Чишка аглор йолчу хьуьнха.

Делкьал тлаьхьа (ишколера девлча), малхбузучу хенахь кхочура тхо цига дла.

Таьлначу чохь длалевчкьара, шишша-кхоккха цхьаьна а волий.

Хехо, цкьа хьалха говраца гуо а боккхий, моллалла кхайкха хлуттура: «Аллахлу акбар, Ал-ла-хлу акбар», – олуш.

Юха соцура, ла а доьглуш, тата хезий хьобжуш санна.

Тхуна шозза иштга тешнабехк бинера цо, тхо цлабалгашна тлехьовдушехь, ламаз а дуьтуш, тлаьхьа а ваьлла.

Цул тлаьхьа дуьйна, цо некхе куьйгаш дажккалц ладдалара тхо, гучу ца довлуш.

Тлаккха гложмаш йолайора, цхьацца дитт схьа а лоций – кхо-ийь минот хан хуьлура.

Хехочо жлаьла далийра.

Жлаьла доккха дара, уьстаг1 санна, кочахь доьхка а долуш.

Цо «Моряк» олура цунах. Морякна кхаа дийнахь, де юкьа ца дулуьйтуш, киснашкахь дла а даьхьна, тлулгаш диттира оха, ворх1амма вовшах а кхетта, цу балхана дла а обьхуш.

Жлаьла тхо гича додура, дена юххера схьа а ца долуш. Хехочо шад етгара, шен жлаьлина кьа а доьхуш.

Жлаьла тлепаза довра тлаккха, «цкьув-цкьув» деш, ц1ога когаш юккье а лоций.

Эххар а шеца клант кхийлла велира и хехо.

Клант воккха вара, армера цла а веьна.

Цо тхуна етгара, цхьацца схьа а лоцуш.

Иза тлаьхьаваьлча, цхьаьний доьда лемира тхо, цхьа-цхьацца а ца водуш.

Тхо вовшах летара тлаккха, тхо ворхх1е а цу цхьаннах.

Иза х1етте а тхол тулура.

Цхьана дийнахь, клант а воцуш, ша веанчу хехочунна хьалхалера х1илла а дина – ламазан х1илла, – дийла а дуьйлуш, цла доглуш дара тхо, кочахь кхозуш пазаташ а йолуш, и клант тхуна тлелоттавелча.

Иза сецира, вист а ца хуьлуш, со волчухьа схьа а хьаьжна. Цуьнан ши б1аьрг ц1ийбелла бара.

Тхо а севцира, лата дагахь.

– Хизир, – элира цо, – Хизир, – бат эго а йолалуш.

– Х1ун боху ахь? – элира ас, шина б1аьрга глаж а лобьхуш. – Хьайна дуьсур ду мьотгу хьуна... лаби цла ваййта ахь цкьа... цо хьан бат-м, хьан муц1ар...

– Хизир... хьо... хьо суна... суна... – ша лаьтточохь охьахира, шина а куьйга юьхь а хуьлйна, цхьа велха а волалуш.

Тхо девдира.

– Дада... дада гирий шуна? Дада вариь цигахь? – кхайкхира иза.

– Далла тлехьаьчна хьалавоьдуш хир ву хьуна, – элира оха, – ламазаш деш.

– лабих кхера ма велла иза, – ас «х1иь-х1иь» дира, – гирий шуна, воьлхуш? – аьлла. Бераш а дийладелира.

Ас лаби вийцира тлаккха, лабис турник тлехь «солнце» а йора, уггар дукха штанга а ойура цо, б1е кийла а ойура бохуш, дукха г1озваьлла, пуьташ а буьттуш.

Тхо юьртахь д1асакьаьстира, кхана юхадаха барт а бина.

Тхан ков доккха диллина дара, милици а йолуш.

Нах а бара дукха.

Ши салти а гира суна, нахана цхьаь дуьйцуш лаьтгаш.

Наха цу шинна гуо бинера.

Цара нохчийн мотт буьйцура, цу шинна а салтичо, тлехьа дехкина куьйгаш а долуш, б1аьргаш лаьтта охьа а доьг1на: «Х1аь, дара... цхьаьна дара тхо. Танкист вара ларби... Танк иккхича, ц1е а яьлла, чим бен, х1ума ца дуьсуш...»

Нана соьга йист а ца хилира.

Нана 1адда лаьтгаш яра, б1ог1ам санна, 1адда лаьтгаш, пен санна, к1айн, ло санна, хи санна, сецна ши б1аьрг а болуш.

– Иван Алексеевич! – элира цхьамма, милщочо.

Со д1ахьаьжча, г1азкхи вара, т1ехь сийна хорма а йолуш, погонашца, хурашка а.

Хурашка т1ам санна яра, бохь ирах а бахна.

Вукхо:

– Иза мила...

– Вайн кхузара... районера военком... Езжайте, мы подежурим, – милщочо элира, – до утра будем...

– Мои sobолезнования, мать, ваш сын ... погиб, как мужчина, как настоящий чеченец, защищая свою Родину, героически погиб.

Ненан карара цхьа х1ума охьяюьйжира.

Цхьана зудчо схьайицира.

Мидал яра. Цхьа г1утакх а.

Со кхийтира.

Соьга мохь белира.

Суна х1умма а ца гира кхин.

Суна 1уьйранна яьшка гира, к1айчу аьчган к1айн яьшка, юккъехула пурх дихкина ц1ен цастар а долуш.

Цу т1ехь цхьа йоза а дара, цхьа терахьаш, шераш а.

Нах бара, дуккха а кхин нах а болуш, кху юьртара боцу нах.

Г1азкхий а бара, нохчий а. Г1азкхий т1еман хормица бара, уьш дуккха бара, дуккха а милици а йолуш цхьаьна.

– Нет, нельзя! Таков приказ, нельзя открывать... – г1азкхичо куьг ластийра, т1ехь плаш йолчу г1азкхичо.

Цуьнан коьртахь шляпа а яра.

Наха цуьнга цхьаь дуьйцура, дуккха а т1е а гулбелла.

Г1азкхичо корта лестабора:

– Нет, нет... только в ящике... Москва, не я решаю, – бохуш.

Цул т1аьхьа яьшка д1айицира, веамма белшаш т1е а юьллуш.

Нах берриш а т1аьхьах1иттира, цхьа зуькар а долош.

Мохь г1аьттира кертара схьа, зударийн мохь, ц1ог1анаш.

Нана яцара, гуш а яцара.

Кхаа дийнахь а яцара нана.

Гуш а, хезаш а яцара иза, йистхуьлуш а, йоьлхуш а.

Цуьнан бат т1елетга яра, ши б1аьрг а бара сецна лаьтгаш.

Суна метгахь гира иза юха, уллохь ши зуда а гуш.

Кора дуьхьал х1умнаш а яра, чохь, к1ора санна, 1аьржа а йолуш.

Наг-наггахь стаг а воьгура: «Ма, ма хьае, Халист ма хьае... ялсаманин хьаша войла-кх цунах, дика к1ант вар-кх 1арби», – олуш.

Лулахочо беттара етт.

Цо хьокхамаш а доттура.

Кехат деара пхи де даьлча, 1абис тхоьга яздина кехат.

Нанас схьа ца дастийтира, – иштта дисира, схьа а дастаза.

Со гарингаш т1ехь 1ара, ламин гарингаш т1ехь, и цхьа стаг вистхилча.

Иза говрахь веара схьа, цхьа доккха гали а дохьуш.

Хехо вара, оха хьийзийна, ц1абалгийн хехо.

– Ас хьуна ц1абалгаш ма деьна, Хизир... ц1абалгаш ма деьна ас... хьо ван ма ца воьгу... – суна юххе охьахира.

Маравоьллира.

Вилхира юха.

Со цуьнга вист а ца хилира:

Суна х1ун ду а ца хаьара, сайна хилларг х1ун ду а – со вистхила вицвеллера.

– Во-о, Хизир!.. – чуьра аз дара, ненан аз, геннара схьа, халла хезаш.

Со улло д1авахара, нанна улло, маьнги т1е.

– Ишколе г1уохьа... ши к1ира а ма даьлла... нанна виса хьо...

Берашна со ган а ца гора.

Уьш цхьаьна дара, шайш-шайца.

Бераш суна т1ехдуьйлура, со д1агича, шабарш а деш.

Кемса цкъа т1ееара, сан белш т1е куьг а дуьллуш.

Ц1е яккхира: «Хизир», – олуш.

Юха кхин цкъа а яккхира ц1е.

Д1аяхара, д1а а йирзина, цкъа меллаша, юха сиха, яда г1ерташ, йодуш санна.

Сан иза бен цхьа а вацара.

Суна иза бен цхьа а ца гора.

Цо нагахь корга т1абора. Ела г1ургура, балдаш а соцуш. Урамехула т1ех а йолура, тхан урамехь, корера гуш.

Ло диллира, доккха ло.

Ло к1айн дара, бамба санна, к1айн.

Тхо ц1а а хецна, керлачу шарахь, ишколе юхадаьхкича, суна к1ант гира, актер санна, актер санна хаза к1ант, сийна ши б1аьрг а, месаш а йолуш, белшаш т1е х1уьтту 1аьржа месаш.

Иза лекха вара, ч1ог1а лекха, воккха а вара, маж а йошуш.

Уьтталг1ачу классехь вара, Кемсаг1еран классехь, г1алара кхуза деша веьна.

Боксер ву бохура иза.

Суна цкъа иза леташ а гира, юьртарчу цхьана воккхачу к1антах, кулубна т1ехь а ваьлла.

Тхо дерриш а хьовса дахара, ишколехь мел долу бер.

Цо йиттина бохуш дуьйцура, шен классерчу цхьана к1антана.

Вукхо ваша валийнера.

Цунах уьш кхоь летира, цхьанна цо буй тоьхча.

Буй кхеттачо урс даьккхира.

Бераш д1адевира т1аккха, хьехархошка маьхьарий а детташ.

Хьехархоша къа доьхура: «Нах ма яц шу, нах, кху берана урс а даьккхина,...»

Юха цара иза д1авигира, хьехархоша, схьа а лаьцна, цо, латийта боххушехь ша, шеца цхьацца схьа а воккхуш.

Массара а иза вуьйцура, кино чохь волуш санна, цо цунна а, вукхунна а – оцу 1аьржачу лаьттора, – цо еттар ма яра бохуш, массара а дуйнаш а бууш.

Массо йо1 а хуьлура цуьнца, шайн классера массо а йо1, уьш массо а, Кемса йоцуург, сан, тхан, 1абин йо1...

Кемса цхьаьнца а ца хуьлура, я шайн зудаберашца а.

Иза ша яра, цаьрца а йоцуш, урокера арадевлча а.

Кемсица зудабераш хилча, и к1ант цаьрца ца хуьлура, я уьш цхьаьна вовшахкхетча, Кемса а ца хаалора цаьрца.

Кемса ша гора, даим а ша, цхьанхьа ша д1а а х1уттий, букь диттах а тоьхна, лаьтташ.

Суна иза т1аккха дика хетара, Кемса цхьаьнца а ца хуьлуш.

Иза буьрканах а ца ловзура физкультуран урокехь, сетки т1ехула кхуьйсучу буьрканах.

Физкультура арахь хуьлура, б1аьсте яьлча.

Апрель бутт бара.

Наг-нагахь цаьрца йолу йо1-м хаалора суна Кемсица, гуттар а цуьнга цхьацца дуьйцуш, шен тобанах схьакъаьсташ, юха царна д1а т1е а обхуш.

Юха т1аьххьар а, цхьа хан яьлча, и шиь цхьаьна лела елира, гуттар а цхьаьна,

даим а, тлаккха и клант а, и лекха клант а (массара а вуьйцуш волу) хуьлура цаьрца – Кемсица а, цу йолаца а, ша цаьрца а воцуш санна, вист а ца хуьлуш, цу шинца лелаш.

Уьш даим а цхьаьна хуьлура, цкъа а вовшах а ца къаьсташ.

И клант цу йолаца вара, Кемсица хуьлучу йолаца, гуттар а цуьнга цхьаь дуьйцуш,

Кемса шайца а йоцуш санна.

Кемса цхьа члогла хийцаеллера, цхьа хлума а ца гуш санна.

Иза, со гича, тлехйолура, со воцуш санна, сох чехк а хьобжуш.

Цуьнца йолу йол а хуьлура иштта, со шена ган ца гуш санна.

Кемса, со гича, длайобрзура.

Иза йодура, со гича.

Со гича, иза къайлайолура.

Ца а кхечу новкъа обхура иза, тхо долчухула а ца обхуш, ша цигахь лаш йоллушехь, тхан новкъахула длавахча.

Суна муьлха бу а ца хаьара, иза хлинца дласалелаш болу некъ.

Май бутт бара, май багтахь дар-кх, тхо длахеца клира дисча, со берашца арахь лаьгташ – ишколан кертахь, – и йол суна тлейоглуш, Кемсица цхьаьна хуьлуш йолу йол.

– Схьавадал, – элира цо. Аса:

– Соь? – аьлла, хаьттича: «Хлаь, хьо!» – элира юха. Со дла тле волавелира.

– Хлахл, длалаца... хлорш, – цо тлехьара, букьтлехьара куьг кховдийра, цхьа кехаташ.

Со схьалаца ца кхира.

Кехаташ охьаигира.

Дласадаьржира, дуккха а дласа, диь-пхи сурт а дужуш охьа: лаби вара, лабин суьрташ,.. тлехь яздина «Кемса» а долуш... Юха кехаташ а, кехаташ, лабис цуьнга, Кемсига...

– Хлорш хьобга... Кемсига... – со хьалахьаьжча, йол яцара: длаяхнера, яйнера.

Горгали бийкира члогла, бераш ишкола чу а доьлхуш.

Со иштта суо латта висира, массо а ведда дла а вахна.

Со юха тлаккха... ас юха тлаккха не1 туьйхира, классан не1, ишкола чохь, ламеш тлехула шолгачу глат тле хьала а ваьлла, уьтталгачу «А» классан, Кемса чохь йолчу классан не1, цуьнга кехаташ дладала.

Не1 йиллира.

– Кем..

– Вам кого?

– Кем... са...

– Зулкарниева! – хьехархо длайирзира, цхьана куьйга лаьцна не1 а йолуш.

Цхьа гловгланаш евлира чохь: «Ее нет, Надежда Васильевна... ей плохо стало... она ушла...»

– Как ушла! Я ей устройю на экзаменах, голубке этой! – цхьа дов дира, схьа а ца йобрзуш:

– Ушла она, мальчик, иди, – не1 сихха тлеххийтира.

Со висира, не1 тле а кхетта, карахь и кехаташ а долуш, хлун дан деза а ца хууш айса.

Со меллаша охьаволавелира ламеш тлехула, сайн кехаташ а, суьрташ а эцна.

Уьш сан карахь дара, цхьа дийна, чохь са долуш санна.

Суна сайн нана дагаеара, юха лаби, тхайн керт.

Суна дерриг а цхьаьна гора: суо а, нана а, лаби а, и кехаташ а, Кемса а, тхо дерриш а цхьаьна долуш санна, вовшашна гуш, хьобжуш.

Машено сигнал тоьхча, со лина йисттехь вара, дуьхьал йоглуш машен а йолуш, лин чуьра хьала, суна дуьхьал.

Со кхуза муха кхачьнера?

Ца вьдуш хилла-кх со, я, виц а велла, иштта длаводуш, ойланашна тлаьхьа, линчухула, нах лелачу новкъа а воцуш.

– Ши бларг бац хьан! – шопаро.

– Ах1?

– ...хьо мералуьрг! – клайн машен, заза санна клайн.

Машено бехдина хи.

«Линчухула ца глур ву-кх. Хин йистаца хьала а вахна, лакхахула дла дехьа а ваьлла... Цигахь тлай а ма ду... Черий... цлаза пеллгал бен дац-кх, цхьа баьццара, кегий... хи а ду-кх иштта баьццара, чохь дитташ а уьдуш... Нанина хазахетар ма ду... тлаккха цо важа кехат а... схьа а давстина... Уьш муьлш... хлунда лаьтта хина дехьий, сехьий... и клант... иза... хлунда вьолу... Кемса... Кемса ма ю... иза... цуьнца... цу клантаца... шайн классерчу... еха месаш йолчу...» – со сецира, латта висира; суна Кемса гира, кехаташ, – со кехаташка охьахьаьжира, юха цига дла, – цаьрга.

Клант вьолура.

Клант сецира.

Клант соьгахьа охьахьаьжира.

Тлаккха юха,.. Кемса... Кемса сихха длайрзира, букь а берзош, длахьаьдира, самаелира, цхьаь олуш, цу кланте куьг а ластош.

Длаяхара генна хьалха. Клант меллаша вьодура, хечин кисанашкахь ши куьг а долуш.

Суна хаьара... ца хаьара, суна цхьаь-м дуйла хаьара... суна хлун ду ца хаьара, –хлара хлун ду ..... муха ду...

Сан легаш къуьйлура, хиш оьхура, некь ца гора.

Суна нана гира, сайн нана, лулахочуьнца, Хедица лаьтташ.

– Нана-а, – элира ас, – ва-а нана-а, нана-а! – со сайн нанна тлеххийтира, цунна тле дла буйнаш а детташ, мохь а хьоькхуш, велха а вьолхуш. – Иза клантаца ма ю, нана... нехан клантаца ма ю иза... Иза кхузахула ма ца лела... вайн новкъахула ма ца йоглу... Иза лабин йо1 яц хьуна... иза вон йо1 ю хьуна, нана... ас лабига, сайна гича... сайна гленах гича... – со чинчура охьавахара, са хада санна, мохь а хьоькхуш; хьалаиккхира, длаведира, сан кехаташ охьайгира.

– Ма... Хеда... лацалахь... ма вахийталахь...

Со ведира, длаведира, кертахула дла, кха тлехула, со божал чу иккхира, кара ца вайта, ца лацийта.

– Нана яла хьан, – хезира суна, цхьа хан яьлча, дуьне доьхча, – хлума ма дац, нана яла хьан... Иштта хуьлуш ма ду иза... хьайн тлоьрмиг байина ахь... маре яха ма еза цуьнан... Хьо воккха хилча, иза бен... и йо1 бен хьан дог хьаста... Хьалаглатгал, нана яла цуьнан... ма дукха кехаташ деьна ахь... хаза суьрташ а хьайн вешин...

Сан марахь блоглам бара.

Ас блоглам ца хьоцура.

Сан кийрара ловгаш дара, «хлиь-хлиь» дара, хиш а доцуш.

Хиш дацара, кхачаделлера, цхьа хлума а дацара кхин: со а вацара я дуьне а... цхьа Кемса яра, Кемса, лабин Кемса нехан клантаца...

1986–2005 шш. Февраль

Марет Батукаева

**Мой потерянный рай**

\*\*\*

Я с седыми горами и небом поспорю,  
 Разольюсь в синеве, как ручей –  
 Не найти на Земли необъятных  
 просторах  
 Мне улыбки нежнее твоей!  
 О святине своей, о тебе напишу,  
 Пока солнце мир утра рассветит.  
 Лишь твой голос, звучащий  
 Как сон наяву, мне дороже  
 Всех песен на свете.  
 Соберу эти звезды в прозрачную сеть,  
 Подарю их тебе невзначай.  
 Твои теплые руки, мама, и есть  
 Мой когда-то потерянный рай.

\*\*\*

Мне сегодня особенно грустно,  
 В этот хмурый октябрьский день –  
 Комом в горле застывшие чувства,  
 По лицу беспокойная тень...

Я рукой дотянусь осторожно  
 И коснусь незаметных седин.  
 В твоей жизни, извилистой, сложной,  
 Было много опасных глубин.

Было много потерь и лишений,  
 Только ты был всегда отличим –  
 Неизменностью мудрых решений  
 В самых тяжких из жизни картин.

За спиной твоей дом мой заветный,  
 Карих глаз согревающий свет,  
 Маяком вдалеке многоцветным  
 Освещает мой путь столько лет.

\*\*\*

Я клянусь, мой обет  
 о нелегком молчании –  
 Нет ни слов, ни мотивов, ни нежных  
 разливиистых песен.



Только в памяти где-то лица  
 твоего очертания  
 Не забыть, не стереть.  
 Не расправить усталые плечи.

Легкость рук, позабывших  
 тепло от касания,  
 Замыкаю в себе этот круг  
 неизбежности вечный,  
 Отдаюсь тишине, вспоминая  
 минуты прощания,  
 Возвращаясь к тебе, когда гаснут  
 последние свечи.

Не отнять у меня этих мыслей  
 печальных созвучие,  
 Не лишит меня снов, что искрят,  
 словно звезды в ночи.

Я, как прежде, стою, замерев  
 на пустынном распутье,  
 Потеряв от надежды и прошлого  
 счастья ключи.

\*\*\*

Между небом и мной –  
 Неизбежность –  
 Я читаю ее между строк.  
 Между мной и тобой –  
 бесконечность

И печалей извечных  
поток.  
Продержаться б до этой  
осени,  
Не начав обратный  
отсчет.  
В меня утро дождями  
бросило,  
И апрель будто ядом  
течет.  
Я шагаю вперед  
в одиночестве,  
С непосильною ношей  
Для плеч,  
Я не верю в твои  
лжепророчества  
И, подавно, не жду  
наших встреч.  
Ты со мной, но далек  
в отчуждении,  
Мне опять свои раны  
латать.  
Я проснусь, ты мое  
наваждение,  
Мне так страшно тебя  
потерять.  
И сюжетом все та же  
Картина –  
Мне стихами тоску  
заполнять,  
Ну а ты – где-то рядом,  
но мимо,  
Будешь с кем-то рассветы  
встречать.

\*\*\*

По ночам, пока кто-то  
в звезды влюблен  
И на окнах шторы задернуты,  
Замерев, в изголовье,  
охраняет мой сон  
Человек, что живет в моей комнате.

Появившись загадкою  
злого пророчества,  
Мне песня его до рассвета слышна –  
Он, как будто бы  
часть моего одиночества,  
Он один на планете, кому я нужна.

Мне давно все равно –  
на тебя, на себя...  
И на все, что вокруг происходит.  
Только он, о потерях моих не скорбя,  
В мою душу печалью проходит.

Может быть, назовут  
это чем-то «психическим» –  
Стрессом, депрессией,  
расстройствами личности...  
Будто волнуясь на самом деле –  
О том, как там спится  
на чьих-то коленях.

Будто кто-то из вас хорошо понимал  
Мой потерянный вид  
и больные фантазии.  
Из толпы ты бы первым камни кидал  
Под заглушенный клич:  
«Применить эвтаназию!»

Ты бы первым ушел, и ни шагу назад,  
Прокричал бы: «Вы ее помните?!  
Умерла в тишине и шагнула во мрак  
С человеком, что жил в ее комнате».

### Разучилась любить

Мэри давно не пишет стихи.  
В уютной квартирке  
С видом на море,  
В малиновой кухне  
Искусства штрихи,  
Шерстяное пальто –  
Всякий раз по погоде.

У Мэри теперь  
все хорошо –  
Белые скатерти,  
Книги на полке.  
И бриз по утрам  
Обдувает лицо –  
Капли по коже,  
Как будто иголки.

Ах, Мэри!  
Совсем разучилась  
Грустить:  
Смеется по вторникам  
И воскресеньям,  
Под окнами строит  
Кормушки для птиц,

По пятницам  
Варит варенье.

Но Мэри не видит  
Привычные сны  
И в небе не ищет  
Созвездий.  
Не ждет наступления  
Новой весны,  
Не светит ей  
Пламя надежды.

Да, у Мэри теперь  
Все всегда хорошо!  
Кто-то скажет:  
«Не может так быть!»  
Может, «кто-то» и прав  
– ничего не прошло,  
Просто Мэри  
Совсем разучилась  
Любить...

### Фантазийное

Мои знамена,  
Огнем объятые,  
Невзрачным пеплом  
Откроют путь.  
Я прячу руки  
Багрово-красные –  
Мне пальцев цепких  
Уж не сомкнуть.

Мундир начищен  
И негде прятаться,  
В долине слышен  
Нестройный шаг.  
Мои войска  
Не станут пятиться,  
Моим солдатам  
Не страшен враг.

Пылает небо –  
Почувствуй разницу!  
А в душах зреет  
могучий шторм.  
Пробиты стены  
Залпами гаубиц и  
Твоим выстрелом –  
Прямым, в упор.

Глухие взрывы,  
Огни по полю.  
Ты в эполетах,  
Наивный спор...  
Mon Dieux,  
Холодный, готовый  
К бою,  
Клинок подпишешь  
Мой приговор.

Война проиграна.  
И солнце скроется,  
Кровавой простыней  
Украшен луг.  
Погибших выдали,  
В стенах достроенных  
Скорбящим пением  
Замкнется круг.

\*\*\*

Самоцветами горели  
Через раз –  
Дай мне вволю насмотреться –  
В омут глаз.

Закрывай на полстраницы  
Легкость рук,  
Приглуши, пусть растворится  
Шепот губ.

Уноси рекой сомнения,  
Вверх смотри,  
У тропинок разветвления  
Подожди.

Утопи в озерах солнце!  
Сто дорог  
Не размоют вереницы  
Этих вод.

Я иду, танцуя с ветром  
В этот раз –  
Напоследок насмотреться –  
В омут глаз.

\*\*\*

Так игриво шумел листопад  
В нашу первую юную осень,  
Не спеша, не боясь, наугад,  
Мы толпились под кронами сосен.



## Пушкин Александр

## Евгений Онегин

Роман байташкахь

Юьхь еша № 9, 2014; № 9-10, 2016 шш.

## Кхоалг1а корта

Elle etait fille, elle etait amoureuse.  
*IMalfilatre<sup>1</sup>*

## I

«Стенга? Маржа, байтхой, х1ай!»  
 – Те, Онегин, хан – сан ваха.  
 «Ас ца хьево; амма ахьа  
 Хьяьнца йо суьйренаш хьяйн?»  
 – Ларинг1аьрца. – «И ду совг1ат.  
 Ахь х1ун дуьйцу! Мохь бац сов цхьа  
 Х1орра суьйре такхар цаьргахь?»  
 – К1езга бац. – «Кхетош, дийца ахь.  
 Кхузара го дерриг шера:  
 (Бакь со велахь, хила кьера),  
 Оьрсийн доьзал, беа бертахь,  
 Хьеший лорург боккха кхаь,  
 Тушпа<sup>2</sup>, т1аккха кьамел цхьаь  
 Дог1нах, ормах<sup>3</sup>, даьхнийн кертах...»

## II

– Бохам бац-кха боккха иза.  
 «Г1айг1а ю-кха, доттаг1, кьиза».  
 – Кура гуо шун безац суна;  
 Гуо доьзалан г1оле, хьуна...  
 – «Юха а и эклог<sup>4</sup> йобьхар!  
 Йита иза Делан доьхьа.  
 Ткьа х1ун дийр ду? Г1уо хьо лаллий.  
 Ленский, хьяжахь, йиш яц сан  
 Ган Филлида хьоме хьан,  
 Ойланийн а, месан кхаь и,  
 Б1аьрхийн, рифмийн, ткьа кхечунан?  
 Гайта и». – Баккьал? – «Х1аь а».  
 – Суна – там. – «Маца?». – Х1инцца.  
 Вай т1елоцуц цара дика.

## III

Вобдий. –  
 И ший ваха, аьрха,  
 Ткьа д1акхечи; лелий ч1ог1а,  
 Даарш дохкуш дийнна мог1а,  
 Кепехь шираллийн, комаьрша.  
 Хьошаллин ламастца дилли:

Тушпанаш тайп-тайпа и,  
 Балозан стоьбла т1е йилли  
 К1удал, чохь – эцхьаман<sup>5</sup> хи,  
 .....  
 .....  
 .....  
 .....

## IV

Уьш некьаца боцучу  
 Вуно сиха бог1у ц1ехьа,  
 Х1инца кьайлах вайн йиш ю  
 Кьамеле ладог1а церан:  
 – Хьо-м, Онегин? Синош дохуш. –  
 – «Воблларг, Ленский». –  
 Вуьшта, хьо гуш,  
 Т1ех – саготта. – «Со-о верг ву.  
 Амма арахь 1аьржа ю;  
 Эндарини<sup>6</sup>, чехка хахка!  
 Меттигаш ц1армата, акха!  
 Ала: Ларина – са – дийна,  
 Йоккха стаг, цхьа хьоме, ийна;  
 Кхьору: эцхьаман хино  
 Зе ма дойла суна вуо.

## V

Ткьа Татьяна муьлха яра?»  
 – Йолуш т1ех саготта ша-а,  
 Дош ца олуш корехь цхьа-а  
 Ийнарг, йоцуш иза-х1ара. –  
 «Хьуна езарг ю-кха кхи?» –  
 – Ю. – «Аса хоржур яра и,  
 Хилча со и байтхо маьрша.  
 Олгин вастехь дахар дац-кха,  
 Вандикан Мадоннехь санна:  
 Йобьхьца ю и ц1из а, горга,  
 И бутт санна, 1овдал г1орза  
 Хилла кьагорг Ма-а<sup>7</sup>, са – аьрта».

Владимир, жоп делла шийла,  
Кхи дош доцуш, Гийра гийла.

## VI

Ткъа Онегин шайга вар а,  
Кхаъ хилира Ларингарна,  
Лулахозна ловзар далла,  
Генарчарна баккхал бал а.  
Тлаъхъа-хъалха хезаш хетарш,  
Наха къайлах, сема – ла,  
Забарца я латош къа,  
Вира и Татъянин везар;  
Цъхъаболчара дора члагл,  
Бина баълла бохуш мах,  
Бу цкъачунна и сацийна,  
Керла мухларш ца карийна.  
Ленскийх дерг, ца оьшуш лара,  
Уьш къастийна, парглат лара.

## VII

Татъяна йохура карзах  
Цу хабарша; амма къайлах  
Яра дуйцург, боцуш тилам,  
Ган и лууш, хилла хилам;  
Ойлано беш башха хъехам,  
Даг чохъ глаьттира ял-безам.  
Иштта урдо дола до  
Хлу блаьстенца ден ма ло.  
Тоххара, кхетамца кхиъна,  
Йогуш зовкхе, глайгане,  
И стом бовза яра лиъна;  
Тоххара дог айаме  
Дольлера ваз къийла цуънан,  
Сино магош кхочург муълхха.

## VIII

Кхечи эххар... Блаьрца ги;  
Цо ма эли: иза, и!  
Хинца буйсанаш а, денош,  
Ва бурконе ган, и хехош,  
Везарх дуьзна; дерриг цунна,  
Денна иза валхош, хьуна,  
Нуьцкъала. Хинца маьлна  
И къамелийн еха, хъаьхна,  
Лайш тергоне новкъа бу.  
Ойланашка йирзина,  
Хъеший тесна битина,  
Царна япарш еш и ю,  
Ца товш церан кхачар,  
Бах а белла баглар.

## IX

Хинца йоьшу роман цо,  
Хилла башха ешархо,  
Схъагуш санна ховха безам,  
Цо ма муьйлу мерза хехам!  
Ирсечу сатийсамо  
Денбина турпалхойн гуо:  
Везар Юлин и Волмар,  
Малек-Адел, ди Линар,  
Ткъа и Вергер, бала лов,  
Грандисон а, башха тов,  
Деза ган тле туьйсург вайна, –  
Массо, хъешана вайн тайна,  
Цхъа вастане уьш ма бирзи,  
Шайх Онегин хилла, биси.

## X

Ша-а турпалхо хеташ дийна  
Шена товчу кхоллархойн, –  
Клариса, Юлаь, Делфина,  
Татъяна, хъаннашка гой,  
Ла цхъа-а зене жайна толлуш,  
Цу тлехъ лоху, карбо мацца  
Шен суй къайлах, шен сатийсам,  
Ткъа шен деган стоьмаш цхъацца,  
Цо са доккху, дола боккхуш,  
Нехан айам, глайгане-тийжам.  
Терге, шабарш деш, и еха,  
Кланте кехат яз деш деха...  
Ткъа вайн турпал, тешаш вийцал,  
Грандисон вацара билггал.

## XI

Шен зленалг дозаллах ютгий,  
Кхоллархочо хъалха хийла  
Кхуллура турпалхо, хлутгий,  
Кхаъ берг нахана цецбийла.  
Цо и хьоме хъенех шен,  
Даима бехк-гуьнахъ доцург,  
Вора кледа, хъекъале,  
Йоьхьца хаза, бос цлиэ богург.  
Цена суй чохъ болуш летга,  
Даима айаме, воьлуш,  
Вала кийча нехан метга,  
Тлаьххьарчу чаккхенехъ, доькьуш,  
Сонталла лажийна атга,  
Дикалла члаглийриг латга.

## XII

Хинца хъекъалш – дахкарлахъ,  
Кхетам, хийцабелла, – кхи,  
Романо, еш цуънан яхъ,  
Сонталла толамхо йи.

Британин байталлин бийцам<sup>8</sup>  
 Кхиазхочун хьадеш глан,  
 Хинца цуьнан кумир хан  
 Токху ойлане Вампир,  
 Я Мелмот, и хаьдда хир,  
 Ца ле Жид а, я Корсар,  
 Я кьайленан да Сбогар.  
 Лорда Байрона беш хийцам,  
 Романталлин<sup>9</sup> глайгла яьржи,  
 Эголла<sup>10</sup> турпалша хаьржи.

### XIII

Доттаглий, хлу маьлна цуьнан?  
 Лаамца стигланийн со цкъа  
 Байтхо воцуш ган ма мега,  
 Шайтла кхи да хилла деган,  
 Фебан кхерамаш ца гуш,  
 Йозанна<sup>11</sup> ас яхь д'алуш;  
 Тлаккха роман, хьалха санна,  
 Ас языйир ю массо ханна.  
 Цу т'ехь, зе цкъа дарна буьрса,  
 Вагар дуьйцуур дац ас луьра,  
 Аса юьйцуур цу т'ехь еха  
 Оьрсийн доьзалан лар меха,  
 Дуьйцуур безаман кхаь-г'енаш,  
 Вайн шираллин деза хьелаш.

### XIV

Карладохур и кьамелаш  
 Ден а, кьеначу вашин,  
 Берийн меттигаш, до кхетарш –  
 Шира хьехаш, хьостан хи;  
 Къиза глийрат, бийриг гийжам,  
 Къастар, б'аьрхиш, беха тийжам,  
 Бохор барт а, вовшахтухур,  
 Эххар ирсе бига х'луттур...  
 Далхор ховха дешнаш шовкъан,  
 Садуучу безаман,  
 Аса хьалха, олуш ловца,  
 Когашкахь сайн езаран  
 Аьлларш доггах цуьнга мацца,  
 Хинца декарш даг чохь цкъацкъа.

### XV

Татъяна, хьоме, х'лай, Татъяна!  
 Хьоьца – воьлху, юу кьахь;  
 Ял-безамна яхна лана,  
 Йовсаре дог кховдий ахь.  
 Х'аллак хир ю; ткъа цкъачунна,  
 Сирла лалашо – даг чохь,  
 Ахь бодане ял ма йоьху,  
 Бевза дахаран зовкх-мохь,  
 Кхаь-д'овш мала кад а лобху,  
 Сатийсамийн ю хьо лай:

Массанхья ю моьтту хьуна  
 Меттигаш дог дийца хьайн,  
 Кхузахь, д'логгахь хьалха – иза,  
 Хье д'лаэцна гаур къиза.

### XVI

Татъяна, безамо огу,  
 Беша яхна, тийна ла,  
 Эццахь б'аьргийн хьеба гуо,  
 Мало йо г'лулч яккха цо.  
 Ваз айделла, беснеш йогу,  
 Девзина дагаран тов,  
 Барташа ца доьлу са,  
 Суйнаш – б'аьрехь, лерехь – зов...  
 Буйьса юлу; бутт ма бу  
 Ларчаш толлуш, хилла лу,  
 Зарзар бодашкахь ма дека,  
 Аьзнаш деш х'лаваэхь нека.  
 Татъянина наб ца йоглу,  
 Бабица кьамеле йолу:

### XVII

«Баба, наб яц: кху чохь – йовха!  
 Чу дайта и х'ло ховха».  
 – Танаь, х'лу? – «Собгахь – глайгла.  
 Ширалла йийцийта вайга».  
 – Стенах, Танаь? Цкъа сан мацца  
 Дара дийца дукха цхьацца:  
 Шира хилларш я цахилларш  
 Вочу синойх, мехкарех;  
 Хинца, Танаь, бода, тиларш:  
 Дуьйцуург дуьйцу хетарехь.  
 Эс сан вуно ч'логла эшна! –  
 «Дийца, баба, ахьа тахна  
 Шира шераш, хилла, тешна,  
 Хьо цу хенахь безам бахна!»

### XVIII

– Танаь! Буйьцуш и ца хезна,  
 Цунна корта цкъа-а ца лезна;  
 Иштта хилча, теша хьо,  
 Лоллура марнанас со. –  
 «Уой, хьо муха яьлла ц'ера?»  
 – Дела дика. Со Ванел а  
 Яра йоккха, ю со кьера, –  
 Кхойтта шо кхаьчнера сан.  
 Захалш оьхуш дели к'ира,  
 Эрна цара некъ ца бира,  
 Эххар да тхан т'е ма тайра.  
 Ткъа лаш йоьлхуш, ца гуш майра,  
 Ч'лаба сан д'ахийцира,  
 Йишца килсе йигира.

## XIX

Тлаккха йосси цла чу нехан...  
 Хьо-м яц хезаш, тем бац хуна... –  
 «Баба, глайгла соьца еха,  
 Хезарг, схьагург хьаьхна суна:  
 Елха, угла кийча – со!...»  
 – Хьомениг, ю сиркхо хьо;  
 Дала ларье, лалашье!  
 Хьайна оьшург ала диэ...  
 Деза хи хьарсийта тле,  
 Уой, хьо йогуш... – «Сан хьу – безам:  
 Эрна, баба, муьлхха хьехам».  
 – Уой, сан кlorни, Дела – вайца! –  
 Бабас жалар дола дарца  
 Лобцу, лаца доцуш де.

## XX

«Безам бахна», – юха, юха  
 Бабе олура цо дукха.  
 – Деган доттаг! сиркхо ю хьо. –  
 «Безам бахна: йита ахь со».  
 Цу юкьа бутт богура,  
 Меда са луш, кхозура,  
 Хьобстуш Танин амат беса,  
 Яьржина и клажарш месан,  
 Тладмаш бляьрхийн, глант а шира,  
 Вайн хьешана хьалха ю-кха,  
 Баба, хьулбеш корта сира,  
 Довхна йовлакх, йовха хлума;  
 Дерриг, тардеш, тийна лаьтта,  
 Батто ни!мат Iенош лаьтта.

## XXI

Дагца лизла, яьлла гена,  
 Татъяна, бутт боьлуш шена...  
 Эццахь ойла хили цхьа...  
 «Баба, йижа хьайна дла,  
 Ткьа луо мас а, кехат соьга,  
 Стол тлетатта, доьху хьобьга;  
 Бехк ма билла». И ю цхьа-а.  
 Дерриг тийна. Бутт а серса.  
 Кехат яздо, чаккхе – герга.  
 Хьалха ву Евгений ша-а,  
 Кехат сиха ма ду, тов,  
 Йола безам балхош сов.  
 Кехат кийча, мукьа ю...  
 Татъяна! и хьаьнга ду?

## XXII

Бевзара хьенехаш хийла,  
 И, Ia санна, цIена, шийла,  
 Дош цахезарш, мар а хьала,  
 Кхето берш хьекьална хала.

Церан яхьах со ца кхии,  
 Церан эхь-бехк ас ца тиги,  
 Къера, ас уьш битира,  
 Хьаьжца церан дийшира  
 ЖьожгаIатан йоза-мах:  
 Iалашо ма кхаба ахь.  
 Безийтар бу царна бохам,  
 Кхерам тасар – царна толам.  
 И саннарш Неваца дукха  
 Гина хила мега шуна.

## XXIII

Оцу буйцучарна юккьехь  
 Кхиберш гина, лаьтташ уллехь,  
 Болуш тобана шайн тIера,  
 Безаман ловзаршна хийра.  
 Ткьа хлу карий суна, хIай?  
 Цара луьраллица шайн,  
 Къаькош мела безам, хуна,  
 Керла ницкь ма лора цунна.  
 Хеталора кьийларшца,  
 Хезачу шайн дийцаршца  
 Наггахь уьш бу аьлла аьхна,  
 Таккха, шело церан хьаьхна,  
 Везархо ма гуора кьона  
 Воьлла юкьа церан гона.

## XXIV

Ткьа Татъяна бехке стенна?  
 Никказ, яхарна ша-а денна,  
 Ца гуш шена цхьа-а а Iехам,  
 Беза болуш деган лехам,  
 Везарна шалхалла йоцуш,  
 ЦIена шен синхаам лоруш,  
 Хиларна тешаме чIогIа,  
 Стигланаша делларг похIма,  
 Цундела – синхьежам<sup>12</sup> аьрха,  
 Дерг хьекьал а, кхийдам<sup>13</sup> дийна,  
 Ткьа ойланна корта маьрша,  
 Дог, ховхалла, алу ийна.  
 Мила ву и бехке ян,  
 Евзинехь цкьа шовкьийн Ia?

## XXV

И нукурсак ю дов хатта,  
 Ткьа Татъяна, доцуш атта,  
 Ia, бер санна хьоме цхьа,  
 Безамна са делла дIа.  
 Цо ца боху бита беза  
 Иза, йоцуш санна реза,  
 Гура богIу богIа цкьа;  
 Юхьанца яхь оьшу ян  
 Iалашонца, тлаккха, шеква,  
 Бларздеш дог а, юха денва

Гийратечу суйца иза,  
Вуьшта, кхеттехь хьалххе чам,  
Йийсархо хиллане, кьиза  
Вада тарло, ца беш хам.

## XXVI

Кхи цхьа хало еза ган:  
Лардеш сий хьомечу мехкан,  
Гочда деза шуна сан  
И Татъянин кехат аьхна.  
Оьрсийн мотт и хууш вуо  
Вайн журналаш дешац цо,  
Ткъа шен маттахь дезарг ала  
Цунна бара боккха бала,  
Цо язйора францойн маттахь...  
Ткъа хлу дийр ду? Бе аш кхетам:  
Хинцалц схьа эманийн безам  
Оьрсийн маттахь балхабац,  
Долу хьал ма-дарра латтахь,  
Балхош иза кестта гац.

## XXVII

Хезна: эманашна йиэша  
Оьрсийн маттахь Iамор аьлла,  
Маца гур ю и вайн неша  
Оьрсийн журнал диэша яьлла!  
Даре дайша, байтанчаш;  
Шайн бехкана долуш кьера,  
Аш базбина хазанчаш<sup>14</sup>,  
Байтца хьобстуш лергаш церан,  
Кхоьруш ян ца хууш вас,  
Хала хууш оьрсийн мотт,  
Бацара и буйцуш раз,  
Аша ца еш цуьнан чот,  
Церан багахь мотт и нехан  
Ца бекара хилла ненан?

## XXVIII

ТIе ма нисве цкъа-а со Дала  
Тойнехь я цу уьйтIахь, хIай,  
Семинархочунна, ала,  
Я академхочунна вайн!  
Деларх хаьдда баргаш санна,  
Гарматикан гIалат доцу  
Оьрсийн къамел тIе ца лоцу  
Ас еллачу сайна ханна.  
Бешна вайн журналийн мор,  
Iамош гур хазанчийн чкъор,  
Вайн гарматик, аьлла хIайт,  
Цуьнца Iамош еша байт;  
Сан болх бац-кха иза, хьуна.  
Эс шираллин – мерза суна!

## XXIX

Нийса доцу, раз и шабар,  
ЦIена доцу леран хазар  
Дека дог сан карзах доккхуш,  
Хьалха санна гилгаш дохуш;  
Дохковала ницкъ бац, хьуна.  
Галлингаш<sup>15</sup> ду хьоме суна,  
Кьинош санна кьоналлин,  
Байташ санна Богданчин .  
Амма тоьур. ХIинца догIу  
Гочда кехат хьешан сайн;  
Ас дош делла, амма вогу,  
Бац-кха и болх, шуна, бай.  
Хаа: аьхначу Парнин  
И мас модехь йоций кхи.

## XXX

Тойнийн, гIайгIан илланча,  
Маца хьо хир вара соьца,  
Ас деш сонта дехар хьобга,  
Хилла меллаь хIилланча:  
Ахьа декор долуш, тов,  
Хьасартнечу йоIастеган  
Кхечу къаьмнийн дешнаш кIов,  
Бина царех мукьам деган.  
Гучувала. Амма и,  
Хастам боцуш шена кхи,  
Финхойн махкахь некъ беш хийла,  
Лиэла, толлуш чхарраш гIийла,  
ПаргIат цигахь иза Iа,  
Вац дIаэца бала сан.

## XXXI

Ду Татъянин кехат товш,  
Аса ма бо цуьнан кхоам,  
Доьшу къайлах, гIайгIа ловш,  
Доьшу, боцуш сайна тоам.  
Хьа кхийи и аьхналлех,  
Нийса дешнийн бIаьрзаллех?  
Хьа довзийти хьоме чIар,  
Тергечу цу деган тар,  
Iехам, зе а шеца гина?  
Со ца кхета. Ткъа ду беркъа  
Гочдар хIара, сиха дина,  
Кеп дийначу суьртан беса,  
Я Фрейшиц, хазийнарг вуо цхьа  
Шелгаш бетташ дешархоша:

*Татъянин Онегине кехат*

Ас хьобь язйо – и ца тоьу?  
Кхи тIе тоха хлу ду сан?  
ХIинца хьан и таро ма ю  
Инкарло ца со лахья.

Амма велахь болуш т1адам  
 Къинхетаман хъайца хьо,  
 Ахъа бешна сан синкъадам<sup>16</sup>,  
 Йийр яц, гарехь, аьшнаш со.  
 Дагахь яра цкъа ца язъа,  
 Вуьшта, теша, эхь сан х1ара  
 Хъуна къайле хир ма яра,  
 Йиш сан хилча хъуна тада  
 Нагахь я цу к1ирнах цкъа  
 Вар сакъера юьрта тхан,  
 Ас хъан къамел хезаш дийна,  
 Дош эр дара сайн цхъа тийна,  
 Юьсуш т1аккха хьо ган хъаьгна,  
 Безамо ваз даьрра, аьгна.

Ткъа хьо боху, юьртахь веха,  
 Гуттар хъадда уйрех нехан;  
 Ткъа тхо – пекъарш. Х1ун диэ т1аккха?  
 Дог хъан эца ох1ла дац-кха!

Х1унда кхечи тхьоца ловза?  
 Юй ца хууш йолчу юьртахь  
 Йиш хир яцара хьо вовза,  
 Йиса къахь ловш чохь я уйт1ахь.  
 Кхехкар къоначу сайн синан,  
 Хъанна хаа, со тедина,  
 Кхиниг цхъаь карийна сайна,  
 Хилла эма тешаме,  
 Нана хилла кхетаме,  
 Яха х1уттур, дахар тайна.

Кхиниг!.. х1а-х1а кхиниг аса  
 Хоржур вацара цкъа-а дагца!  
 Къастам Кхиэлан бу и цхъа...  
 Кхийдам стиглан: со ю хъан;  
 Дахар сайниг хилла, хъуна,  
 Закъалт гур хьо хиларх суна;  
 Суна велла Дала хьо,  
 Ахь ларийир ю валлалц со...  
 Хьо г1енашкахь доьхьал тийси,  
 Гина воцу, хьоме хийти,  
 Со хъажаро малйи хъан,  
 Аз хъан дийки даг чохь сан  
 Мацах... и ца хилла г1ан!  
 Гучуваларца хьо вевзи,  
 Кхаь хиларна корта хъевзи,  
 Хеби, йогуш яккхи хан,  
 Хьо вовзарна къера ю,  
 Сайга боху: и хьо ву!

Хьо вацара хезнарг, Гийнарг  
 Мисканашна ас г1о деш,  
 Сан са тедеш соьца тийнарг,  
 Сан до1анан хилла теш?  
 Хьо вацара эццахь гинарг,  
 Хилла г1аларт дай, цхъа хьоме,  
 Бодашкахь къегина цкъа,

Г1евланга хиина сан,  
 Безам, шовкъ а луш хъайн бинарг  
 Суна хъехам беца, чоме?  
 Хьо ду малик – г1арол сан  
 Я хьо г1ам ду – говза цхъа:  
 Сан шеконаш къахкае.  
 Бу-ге х1ара 1ехам синан!  
 Дерг а, доцург къастаде.  
 Со ю-техъа кхи яздина...  
 Мухха делахь! Кхоллам сайн,  
 Аса йоьлхуш, хьобга ло,  
 Хьо долада къобалво,  
 Кхи д1а уйр хилийта вай...  
 Хаа: со ю кхузахь цхъаь,  
 Сан кхетамна хилла да1,  
 Х1аллакхила – герга со.  
 Хъан г1о оьшуш, вовху хьо,  
 Со денъехъа ахъа дагца  
 Я г1ан сайниг хададай,  
 Самаяккха сиха, х1ай,  
 Суна йог1у 1оттар ярца!

Со чекхийолу! Диэша кхьору...  
 Эхь-бехк луьра соьца беца,  
 Хъан сий аса йоьхъар лъоцу,  
 Кхи ца дог1у дийца деха...

### XXXII

Татъянас садоккху, кхойкху;  
 Кехат карахь дегаш ду  
 Ткъа ал чуйппалг<sup>17</sup> меттах йоху  
 Шен маттаца, хилла хью.  
 Цуьнан корта белшах летта.  
 Чухулуйхург яхна т1етт1а,  
 И исбаьхъа белш а сега ...  
 Эццахь беттан з1аьнар къега  
 Ян ма х1утту. Тог1и кхузахь  
 1аьнах йолу. Татол бухахь  
 Детих лепа; ткъа шедаго  
 Жалуьнан г1аттий юьртан гуо.  
 Гуьйре кхечи: массо уьду,  
 Ткъа Татъянас и ца туьду.

### XXXIII

Цунна ца го цхъа-а а 1уьйкъе,  
 И ца кхуьу церан дуьхе,  
 Кехатна цо т1е ца доккху  
 И шен мух1ар, бустам болу.  
 Ткъа не1 йоьллуш ч1ог1а тийна,  
 Баба къоьжа йог1у, 1ийна,  
 Шун а дохьуш, т1ехь дерг чай:  
 «Хьоме, хан ю, г1атта яй:  
 Уой, хазаниг, сема – хьо!  
 Хьоза, хъалххе г1оттург сан!

Буса яра хьере со!  
 Х1инца хьажар – могуш хьан!  
 Г1айг1а йоцуш, парг1ат ю,  
 Ал бос богуш васт а ду».

## XXXIV

– Х1ай! Сан баба диэхьа г1о. –  
 «Х1ун дан деза? Кийча – со».  
 – Бехке со еш, вуо ма къажа...  
 Нийса кхета хьо сох хьажа. –  
 «Сан дог, Дела – гуш, хьан – лай».  
 – Ахь вахийта к1ентан хьайн  
 К1ант цу О...на кост а эчна...  
 Лула... маърша г1улч а хечна –  
 Дехка цунна даре дан,  
 Ц1е а яккха цигахь сан... –  
 «Хьанна? Ала, х1ай, сан хьоме.  
 Кхетийнарг дало-кха чоме.  
 Лулахой бу дукха, хьуна,  
 Оьшург къаставехьа суна».

## XXXV

– Баба, генахь ю хьо кхета! –  
 «Доттаг1, со ю къена, шира,  
 Танаь, бац сан кхетам ира,  
 Мацахлерниг г1ан ма хета,  
 Хьоладас шен омра ди...»  
 – Баба, дитахь къамел и.  
 Х1инца и ду суна хийра,  
 Сан дехар кехатна т1ера  
 Онегине. – «И ду дехар?  
 Суна оьг1аз хьо ма г1уо,  
 Хьуна хууш, со ю пекьар...  
 Уой, хьо стенна яхьхи вуо?»  
 – Баба, чот яц, дерриг дика.  
 Хьажавехьа к1ант ахь сиха.

## XXXVI

Цхьа-а жоп доцуш текхи де,  
 Шолг1а текхи: жоп дац цунна,  
 Гуьйккъехь, духар доьхна т1е,  
 Татъянас жоп лардо, хьуна.  
 Олгин везар гучувели.  
 «Стенгахь ву шу хьаша дика? –  
 Х1усамнанас цуьнга эли. –  
 Цо тхо дицци атта, сиха».  
 Ткъа Татъяна, йогуш, хеби.  
 – Тахна хир ву аьлла цо, –  
 Х1усамнене Ленскийс далхий, –  
 Гарехь, хьеви поштано. –  
 Ткъа Татъяна дешнаш малйи,  
 Хезнарг 1оттар лаьрра, теби.

## XXXVII

Маьрклаже; ю стол т1ехь «пох1» деш,  
 Къегаш и суьйренан самар,  
 Китайхойн и чайналг йохъеш,  
 Яржош тамехь к1уьран кхагар.  
 Олгас добттина комаьрша,  
 Хилла шех и т1айра 1аьржа,  
 Архье чай пелашца доду,  
 К1ант, т1о эчна, сьха ма хьоду;  
 Ткъа Татъяна корехь ю,  
 Шийла аьнгаlesh, 1а етта,  
 Лаятта к1ай цхьа, и т1е летта;  
 Ткъа ойлане хьаша вайн  
 Кхаь-п1елгаца дуьллуш дай  
 Б1аьрга т1ехь, дохк лаьцна хьена,  
 О а, Е а – хьоме шена.

## XXXVIII

Ткъа са цуьнан дара тийжаш,  
 Б1аьрхих дуьзна хьажар 1ийжаш.  
 Эццахь г1овг1а!.. ций ма сеци.  
 Евгений чувог1уш хези.  
 «Ва-ай!» - мохь бели. Шех мох хилла,  
 Мурст – Татъяна яха тилла  
 Чуьра ара, беша нийсса,  
 И ца кхуьу г1улчаш тийса,  
 Юха хьажа кхоьруш, едда,  
 Токхам, т1ай а, басалг юьтуш,  
 Т1аьхьа 1ам а, боьлак юьсуш,  
 Патарш дожош коьллаш кеги,  
 Хьостан т1е и мацца кхечи,  
 Садукьделла, чохь ц1е летта.

## XXXIX

Г1анта юьйжи...  
 «И Евгений!  
 Х1ай, сан Дела! Со ю бехке!»  
 Дог, шеконаш динарг текке,  
 Г1ан-г1аларто 1еха ма ди;  
 И егайо, оьхьуш дагар,  
 Хьобжу: вог1ий? Киртиг – кхачар.  
 Лай-мехкарий бешахь уллехь  
 Комарш лахьош коьллаш юккъехь,  
 Бара локхуш омра-йиш,  
 (Омра дара дина цунна,  
 Ца хилийта церан, хьуна,  
 Шайн дайн комарш яа йиш:  
 Йиш лакхарца цара яй  
 Шайгахь кхобур балдаш шайн.)

**Мехкарийн йиш**

Шу, мехкарий-полларчий,  
 Синан нешаш, кхокхарчий,  
 Ловза хлитта, мехкарий,  
 Къера хлитта, седарчий!  
 Аша лакха йиш и яй,  
 Совлат дерг цхъа деза шайн,  
 Кхайкха жимха дукха,  
 Аш шайн гона юкба.  
 Ткъа и гучуваларца,  
 Д1а-схъа довда цагарца,  
 Баьллех корта буза,  
 Мангал-комарш етта,  
 Ц1е эцхъамаш т1етт1а –  
 И ма кхача кхуза.  
 И ма вола къежа,  
 Хаза эшарш маьрша,  
 И ма х1отта хъежа,  
 Зуьйш вайн ловзарш аьрха.

**XL**

Инкарло еш церан йишна,  
 Церан аз схъаоьхуш лере,  
 Татъяна 1а еха хиьна,  
 Лаг1даллалц ов деган луьра,  
 Беснийн алу марса, хьере,

Амма вазца дегар ду,  
 Беснийн тов а ч1ог1а ю,  
 Сийсаш, серсаш буьрса...  
 Иштта, бада доцуш 1уьрг,  
 Полла бетташ къорза т1ам,  
 Ишколхоцо ца беш хам,  
 Иштта пхъагалг<sup>18</sup> етташ муьрг,  
 Ялта юккъера схъагина  
 И иччархо, къайле йина.

**XLI**

Эххар доккха цо садаьккхи,  
 Г1анта т1ера хъалаг1аьтти;  
 Оьцуш, ц1ехъа болар ийци,  
 Эццахъ цунна доьхьал вели,  
 Б1аьргаш лепаш, вайн Евгений,  
 Цхъа кхераме 1индаг1 санна,  
 Ягийча ша-а санна ханна,  
 И соцунг1а хила, йиси.  
 Церан вовшахкхетар дийца,  
 Х1ай, доттаг1ий хьоме шу,  
 Тахана ницкъ боцуш ву,  
 Деха къамел дог1у хийца:  
 Волавала, ва сада1а,  
 Мацца д1адерг далхо хаа.

*Чаккхе хир ю.*

*Гочийнарг ХАТАЕВ Хьусейн*

<sup>1</sup> «И яра йо1-стаг, и яра безам бахна.» Малфилатар (фр.)

<sup>2</sup> 1.Стоьмех йина юккъа, мерза кочалла. 2. Хорбазан моз.

<sup>3</sup> Оьрсийн лен.

<sup>4</sup> Исбаьхьалла.

<sup>5</sup> Оьрсийн – брусника.

<sup>6</sup> Оьрсийн – Андрюшка.

<sup>7</sup> Т1урнене

<sup>8</sup> Оьрсийн – сказ.

<sup>9</sup> Оьрсийн – романтизм.

<sup>10</sup> Оьрсийн – эгоизм.

<sup>11</sup> Оьрсийн – проза.

<sup>12</sup> Оьрсийн – воображение.

<sup>13</sup> Оьрсийн – воля.

<sup>14</sup> Оьрсийн – красавицы.

<sup>15</sup> Оьрсийн – галлицизмы.

<sup>16</sup> Оьрсийн – исповедь.

<sup>17</sup> Мерзачу х1уманан тайпа.

<sup>18</sup> Оьрсийн – зайчик.

Роза Орстхо

**Наши биографии в эпизодах****Взрослое детство (Супьян)**

Документальная повесть



Сепият осталась вдовой с полугодовалым сыном на руках в свои неполные семнадцать лет. Родственники мужа не гнали ее, но особо и не церемонились, намекая, что если надумает уходить – сына оставит: ни с чем пришла, ни с чем и уйдет. А пожелает, может остаться и, как предписывает Коран, будет кормить сына грудью до двух лет.

Сепият понимала: в этом вопросе ей нет ни помощников, ни защитников ни со стороны родственников мужа, ни со стороны родительского дома. Таковы законы.

Супьяну уже 14 лет. Не смогла-таки Сепият расстаться с сыном, как ни уговаривали родственники вернуться в родительский дом и снова выйти замуж.

Так и жила молодая женщина в доме родственников мужа на правах то ли наемной работницы, то ли падчерицы. Почти вся домашняя работа на ней: скотина, огород, уборка, стирка. Это не считая, что со свекром – на сенокос, со свекровью – на прополку, с золовкой – за водой на речку или к роднику, с младшим деверем – на пастбище, сельское стадо коров пасти. Сын помогает, как может. Как бы ненароком у реки встретит, тяжелые ведра донесет, домашнюю скотину накормит-напоит, в коровнике приберет. Дед недовольно ворчит: не мужским делом внук занимается.

Общезвестно, труд облагораживает, но чрезмерный труд калечит. Смотрит в зеркало Сепият и себя не узнает: от уголков глаз веером морщины разбежались, в темные косы серебристые нити вплелись.

Беда случилась однажды зимой. Недаром в вайнахской пословице говорится: «Где тонко, там и рвется». Сепият подняла мешок с кукурузой и от резкой боли в спине упала. Долго уговаривал свекр сельское начальство помочь получить разрешение на вывоз снохи в больницу в Урус-Мартан, клятвенно заверяя, что к вечеру вернется в село непременно. За это разрешение пришлось расстаться с самым жирным бараном. Супьян с двоюродным братом в это раннее утро тайком в лес за черемшой ушел, минувя посты солдат.

В селе, почти в каждом доме, уже вторую неделю на постое солдаты стоят. Февраль 1944 года. Кровопролитные бои идут на Украине, в Белоруссии, Ленинградском фронте. Что делают солдаты в глубоком тылу, на Кавказе? Никто не знает ответа на этот вопрос, хотя глубоко где-то у каждого внутри: «Это неспроста!»

Как никогда, холодна и обильна снегами эта зима на Кавказе, вьюжит как-то не по южному. В селе новые порядки. Только с особого распоряжения военного коменданта разрешен выезд из села. Ни на свадьбу, ни на похороны к родственникам даже в соседнее село не съездить, ни дров привезти. Все въезды и выезды заблокированы. С чего бы это?

А село живет своей обычной жизнью. После вечернего намаза старики, как и прежде, собираются в центре села. Постоят, опираясь на суковатые палки, отполированные натруженными, мозолистыми руками за многие годы жизни. Говорят негромко, неторопливо, учтиво, не перебивая друг друга.

А, вклинившись ненароком в разговор, извинятся непременно: «Бехк ма биллалахь. Хьайн дош диц ма делахь».<sup>1</sup>

Поговорят о том, о сем, а в целом – ни о чем (новостей извне-то никаких) и разойдутся, радушно приглашая друг друга на чай. Ни один из стариков не касался в разговоре того, почему молодые, хорошо вооруженные и экипированные солдаты не на фронтах, а у них в домах.

Кто мог знать тогда, что судьба народа была предрешена еще в октябре 1943 года? Решение это было подкреплено соответствующим постановлением Совета Народных Комиссаров от 14 октября «О депортации чеченского и ингушского народов». И полная регистрация чеченцев и ингушей по всей республике в июле сорок третьего года проводилась не просто так.

Между тем, сердобольные женщины подкармливали солдат домашней едой: кто кукурузным чуреком с кислым молоком или соленым сыром, фасолевым супом или сытной кашей из пшеничной муки с топленным маслом. В иных домах и последнюю курицу резали. Особенно жалко юнцов, оторванных от родительского дома, от теплых материнских рук. За три с половиной года эта проклятая война поглотила тысячи и тысячи мужских жизней, не щадя ни старого опытного бойца, ни юнца-новобранца. Материнские сердца готовы обнять любого ребенка, даже иноверца.

...Вспомнилось, как много лет назад, где-то в годах 80-х, еще до распада СССР, возвращаясь поздней ночью с работы домой, моя мама привела с собой хорошо подвыпившего молоденького солдатика родом из какой-то русской глубинки. Привела, накормила и уложила спать. Нашла она его на трамвайной остановке в центре города, никак не мог тот сообразить, в какую сторону ему ехать по причине нетрезвости. Довольно холодно, февраль все-таки, как и тогда, в далеком роковом 44-м. Солдатик чуть свет убежал, даже не попрощавшись. То ли стыдно было, то ли, проштрафившись (вовремя с увольнительной не вернулся), хотел поскорее попасть к себе в часть. В черте города этих воинских частей тогда было много.

Потом, когда началась война, я часто вспоминала этого солдатика и внимательно всматривалась в лица, особенно контрактников, ведь лет семь прошло, не меньше. Может, тот, повзрослевший уже юнец-солдатик, вернулся в Чечню на БТР-е... Именно он рушит из танкового орудия мой дом, гранатометом выбивает двери квартиры моей сестры или брата, забрасывает гранатами подвал дома моей матери, когда-то холодной февральской ночью приютившей его. Пусть на одну ночь, но он ел хлеб-соль в этом гостеприимном доме, он должен был это запомнить.

...Супьян, свернувшись калачиком в старой материнской телогрейке, лежит на топчане, уставившись на догорающие в печи дрова. Он уверен: окажись он дома в нужный момент, ничего с наной не случилось бы.

...Перемахнув через плетень, утопая в мягком искрящемся под лунным светом снегу, Супьян двинулся в сторону Урус-Мартана. Дорога юноши лежала к матери, в больницу, и вряд ли кто сумел бы отговорить его от этой безумной затеи. Рискуя получить пулю от ретивого солдата-часового или, заблудившись, замерзнуть (ведь километров девять без малого идти глубокой ночью по заносимой небывалым снегопадом еле заметной дороге), Супьян все дальше уходит от родного села. Как оказалась потом, он уходил из него на долгие тринадцать лет.

Никогда не приходилось Супьяну бывать в одном из самых больших сел Чечено-Ингушетии, где и была районная больница, но какое-то чутье привело его прямо во двор этого здания под самое утро. Огромное село гудит, как пасака летом, лай и визг собак, крики и плач, выстрелы.

По двору больницы снуют солдаты, покрикивая на закутанных в одеяла полураздетых людей. Некоторые из больных в тапочках, а кто и просто в галошах на босу ногу. Из распахнутых настежь дверей больницы, как тени,

выходят все новые и новые группы людей, поддерживая друг друга. Мальчик остолбенел. Что происходит? Сердце забилося быстро, тревожно. Расталкивая всех, Супьян бросился в глубину коридора, повторяя:

– Где нана? Ты знаешь, где Сепият?

Люди в белых халатах с застывшими расширенными глазами, смотрящими в никуда, на вопросы Супьяна не отвечают, молча отводят его руки, когда тот хватает их за полы халатов, рукава. Приплюснутые к стенке узенького коридора, они безмолвны, как каменные башни. Юноша мечется по коридору, заглядывая во все палаты:

– Нана, нана! Сепият!..

Помощь пришла неожиданно. Беззубый старик, без шапки и в шерстяных носках, без обуви, как многие, укутанный в одеяло, молча взял его костлявой рукой за локоть и подтолкнул к одной из дверей. Мальчик сразу же встретился взглядом с такими родными, запавшими, казавшимися совсем темными на бледном лице, глазами. Белые волосы слились с белой ничной подушки.

– Алхьамдулиллах! , я тебя нашел! – выдохнул Супьян.

Юноша совсем не воспринимал происходящее, не понимал, чего от него хотят эти солдаты, прикладами автоматов оттесняющие его от кровати матери, которую он, слава Аллаху, только что нашел.

– Это мой нана! – снова и снова твердил он, хватая Сепият за руки.

– Бери свой «нана» и на выход!

– Они не шутят! Это что-то очень серьезное, иначе почему людей чуть свет подняли с теплых постелей, полураздетых выгоняют на мороз и грузят в машины?!

Сепият понимает: надо встать во что бы то ни стало. Надо идти, идти обязательно. Но таких сил у нее нет.

Супьян не из слабых. На сельских скачках приходил не последним; борясь с ровесниками, чаще выигрывал; тяжелые камни на спор с друзьями поднимал. А по верткости и сноровке один из первых среди мальчишек своего куьпа<sup>2</sup>. В храбрости мальчишке тоже не откажешь. На спор со взрослыми парнями в полночь один ходил на кладбище, а в доказательство того, что он там был, в условленном месте свою шапку оставлял. Это забава такая тогда у молодежи была – проверка на храбрость и зрелость.

Став взрослым, Супьян, вспоминая то раннее утро среды 23 февраля 1944 года, до сих пор не понимает, как ему, мальчишке, удалось поднять с кровати и на спине донести мать до старенькой полуторки. Тогда он и не знал, какое число на дворе. Но теперь эту дату хорошо знают и помнят его дети и внуки. Будут помнить потомки всегда и эту историю жизни своих предков: среду холодного февральского раннего утра сорок четвертого года, долгую дорогу в двадцать дней – без конечной остановки для тысяч вайнахов, тринадцать бесправных лет целого народа.

... Так они с матерью оказались в скотском вагоне страданий и скорби, совсем без вещей, без теплой одежды, еды и – по большому счету – без надежды выжить. Но судьба оказалась милостивой к ним. Соседом по нарам оказался одинокий парень из ингушского села Плиево Аюб, с довольно увесистым рюкзаком, набитым едой, которую ему собрала жена, когда он отправлялся в Грозный на поиски работы.

Видя, что больной женщине и ее сыну грозит неминуемая смерть от голода, юноша делился с ними едой, укрывал своим овчинным тулупом больную Сепият. Несмотря на разницу в возрасте, юноши подружились и поддерживали друг друга все тринадцать лет ссылки...

Их вагон отцепили от эшелона на тупиковой станции Чулак-Тау, в километрах ста от города Джамбул. Хоть и оторваны они от родных и близких, но достался им, по меркам спецпереселенцев, не самый плохой район Казахстана, в смысле климата. Казахстан – южный, климат – резко континентальный. А

это значит – зима, хоть и холодная, но лето очень жаркое, растет и вызревает все: от сахарных арбузов и медовых дынь до рассыпчатой картошки и сладкой оранжевой тыквы. Фасоль, кукуруза, помидоры и огурцы тоже растут. Как известно, науку выживания наш народ усваивал столетиями в тяжелых природно-географических и социальных условиях, нескончаемых войнах с завоевателями. Проблема – вода. Ее не хватает катастрофически, и она здесь соленая. К ее вкусу привыкали долго, особенно дети, которые на первых порах категорически отказывались ее пить.

И еще раз повезло Сепият и Супьяну. Комендатура поселила их в доме Бекмухамбетовых. Казахская семья из двух человек: муж и жена. Вернее, это сейчас семья состоит из двух человек. Когда-то в этом домике их жило семеро: родители, две дочери, три сына. Обе дочки вышли замуж, старшие сыновья все еще на фронте, а младший Мамажан уехал учиться в Алма-Ату и дома бывает только на каникулах.

Глава семьи Ержан и его жена Жания оказались очень добрыми и сердобольными людьми. В доме всего-то две комнатки, но гостеприимная семья охотно поселила в одной из них Супьяна с больной матерью. Тут не сработала пропаганда по созданию общественного мнения среди населения о вайнахах как о народе-предателе, народе-бандите.

Как могут больная, немощная женщина, прикованная к постели, и худенький подросток быть пособниками фашистов и головорезами? Через какое-то время обладающий острым умом, любознательностью и феноменальной памятью Супьян начнет сносно говорить на казахском языке, и полное взаимопонимание и привязанность придут сами собой.

В первый день приезда Супьян и Сепият были просто ошарашены, когда увидели, что, как и они, хозяин и хозяйка дома делают намаз, перебирая четки, читают аяты<sup>3</sup> из Корана. Оказывается, они тоже, как и вайнахи, исповедуют ислам, мусульмане. Да и обычаи во многом схожи с чеченскими и ингушскими: гостеприимство, почитание старших, родителей.

Жания никогда не замесит теста, не сказав «Бисмиллахирахьманирахийм», Ержан никогда не встанет из-за стола, не произнеся традиционного «Альхьамдуллилахь!» У казахов, как и у вайнахов, имя новорожденному дает старший в доме или уважаемый среди родственников, сородичей человек. Почти все имена значимые, несут информацию, содержат характеристику человеческих качеств. Много имен у вайнахов, как и у казахов, образованы от названий птиц, цветов, предметов окружающей жизни, что говорит об особом отношении к природе: Шовда, Седа, Полла, Леча, Кхокха, Зезаг, Кюра<sup>4</sup>. Так же, как и мы, дают детям имена, обозначающие желаемые им в жизни качества: Ваха, Яха, Деши, Дети.<sup>5</sup> Именно тогда заинтересовался антропонимикой Супьян и часто донимал своих сверстников, казахов, балкарцев, курдов (даже пленных японцев, строивших дорогу к Каратаускому химкомбинату) расспросами, как переводится то или иное имя с их родного языка. С удивлением узнал, что имя соседского карапуза Тохтара означает то же самое, что чеченское имя Висит, а племянница Жании Алтын – тезка его собственной бабушки Деши. Оказалось, имя хозяйки дома означает «Милая душа». Но ее муж, будучи человеком жизнерадостным, с большим чувством юмора и, по всему видно, испытывающий очень нежные чувства к своей и на самом деле очень милой жене, вместо Жания называет ее, как бы в шутку, Кунке – «Солнышко мое». Супьян ни разу не слышал, чтобы Жания называла мужа Ержан, что значит «Смелый», хотя с точки зрения Супьяна это вполне достойное для мужчины имя. С ее легкой руки за Ержаном навсегда закрепилось нежное и такое теплое, даже на слух, имя Ахат, то есть «Единственный».

Благодаря этой семье Сепият и Супьян пережили очень тяжелую для многих спецпереселенцев зиму. И живы они остались, по большому счету, благодаря Ахату и Жание.

Сын Мамажан, имя которого переводится с казахского как «Опора родителей», приезжая на каникулы, заготавливал дрова на зиму, вместе с отцом косил сено для домашнего скота, помогал отцу и матери ремонтировать крохотный родительский домик и глинобитный забор, духан вокруг него, приводить в порядок хозяйственные постройки. Можно только удивляться удачному выбору имени этому юноше. Родители очень гордятся своим сыном, будущим врачом. Очень коммуникабельный, Супьян сразу же подружился с Мамажаном и с удовольствием помогал ему во всем, тем более, что вся эта работа знакома ему с раннего детства. А Мамажан, в свою очередь, как мог и умел пытался помочь больной Сепият: внимательно осматривал, давал рекомендации Супьяну и своей матери по уходу за больной, из Алма-Аты привозил какие-то мази и лекарства.

...Пройдет какое-то время, Сепият все-таки встанет на ноги и даже выйдет замуж с легкой руки сына Супьяна и его друга Аюба. А было это так. О своих переживаниях по поводу состояния здоровья матери Супьян часто говорил своему другу Аюбу. И вот однажды Аюб то ли в шутку, то ли всерьез сказал:

– Слушай, давай выдадим Сепият замуж!

Супьян даже обиделся на, как ему тогда показалось, неуместную шутку друга, но мысли его все чаще возвращались к этому разговору.

Серьезно задуматься над предложением друга Супьяна заставило одно обстоятельство. Однажды в поселок привезли несколько чеченских семей из Акмолинской области, поселка Акколь. Среди них оказался и их односельчанин Дауд. Когда-то, лет 17 назад, он с серьезными намерениями ухаживал за совсем молоденькой Сепият, но ее засватали и выдали замуж за будущего отца Супьяна, Салмана.

Дауд женился спустя несколько лет. Семейная жизнь длилась недолго. Жена при родах умерла. Умер и ребенок. На повторный брак Дауд так и не решился.

Дауда уговаривать не пришлось. Сложнее было найти подход к Сепият, которой даже разговор о каком-то замужестве показался диким – в ее-то годы (а было ей всего-то 32 года), да в ее положении – прикована к постели. Но у Супьяна и примкнувшего к этому заговору и подавшего эту идею Аюба было достаточно аргументов «за». А закончилось все, как сейчас говорят, «хеппи-эндом»...

Однажды вечером, сидя под окнами своего барака, греясь на весеннем солнышке, неразлучные друзья Супьян и Аюб увидели женщину, с четвертинкой черного хлеба возвращающуюся из поселкового магазина. На женщине белое штапельное платье в яркий редкий цветочек, на голове крепдешиновый платок цвета спелого абрикоса.

– Кто это? – Аюб вопросительно посмотрел на друга.

– Как кто? – округлились глаза Супьяна.

Супьян и не подозревал, что его мать Сепият была просто красавицей.

...Ахат и Жания всю свою нерастраченную родительскую любовь к детям, которых не было рядом, перенесли на Супьяна, что последнего очень смущало. Он-то считал себя уже взрослым.

Позже, уже получив комнату в бараке в самом поселке Чулак-Тау, расположенном по другую сторону речки Таласки, Супьян часто прибегал в аул к Жание и Ахату помочь в чем-то, просто поболтать, передать привет от Сепият.

Жания тоже нет-нет да придет навестить больную Сепият, да не с пустыми руками. Зная, как голодно живет Сепият и Супьяну, она всегда приносила им небольшой хлеб – нан, испеченный в казахской печке-тандыре, пожаренные в масле золотистые баурсаки из дрожжевого теста, комочки засушенного творога – курта или баночку кислого молока, айрана, зажаренную в курдючном сале до красноватого цвета пшеницу или сарысу, который еще казахским шоколадом

называют. Это лакомство никакого отношения к шоколаду не имеет, но его по-другому и не назовешь.

Сарысу делают из обычной сыворотки. Не раз наблюдал Супьян, как Жания уваривала в казане на очень слабом огне до густоты сыворотку и делала из этой массы плиточки. Мальчик и сам любил помогать мягкой улыбочивой хозяйке дома готовить какое-нибудь казахское блюдо, но ни за что не признался бы в этом ни одной живой душе. Засмеют. В отличие от азиатов, арабов и мужчин других народов, вайнахские мужчины считали это неприемлемым для главы семьи, ее защитника, добытчика и никогда не занимались кулинарией. Очаг и все, что с ним связано, – сфера деятельности женщины, хозяйки дома, исключая заготовку топлива для этого самого очага.

В день, когда Жания приходила в гости, в семье был настоящий праздник. Тогда Супьян звал своего друга Аюба, и они с Сепият щедро делились всем, что послал им Бог через Жанию. А комнату они получили благодаря Ахату. Зять Бекмухамбетовых работал в комендатуре. Ахат сам смастерил для них маленький дастархан<sup>6</sup> и несколько табуреточек. Кое-какую домашнюю утварь, подушки, набитые шерстью, стеганные лоскутные одеяла и кошму, коврик из валяной шерсти дала Жания. Так у Супьяна и Сепият появился свой дом. До этого у них, кроме изношенной, застиранной, залатанной одежды, не было ничего.

Пока жили у Бекмухамбетовых, по настоянию Ахата, Супьян пошел в школу имени Сталина. Проучился недолго, не полный учебный год даже. Хотя нравилось мальчику учиться очень. Обучение в этой школе на казахском языке, и Супьян уже прилично говорил на казахском, даже книжки читал. Но не до учебы было. Стыдно было сидеть на шее гостеприимных, милых людей. Надо было работать, хотя хозяева дома совсем не настаивали, даже наоборот.

Супьяну шестнадцатый год пошел. Работает на стройке, как многие сверстники. На окраине поселка строятся двухэтажные дома для рабочих химкомбината. По мере роста производственных мощностей горно-химического комбината возрастал приток рабочей силы, соответственно рос и поселок. А рабочая сила – это спецпереселенцы с Поволжья, Крыма, Кавказа, Ленинградской области, Украины. Если к февралю 1944 года население поселка составляло всего несколько тысяч, то к 1949 году оно выросло до 15 тысяч человек. Потом, в 1963 году, поселок Чулак-Тау, фактически построенный спецпереселенцами, получит статус города и станет называться Каратау.

Дома строили кирпичные (бетонных панелей тогда, видимо, еще не придумали) и никакой тебе техники в виде подъемных кранов, экскаваторов и лебедок, поэтому кирпичи, раствор, весь необходимый инвентарь и стройматериалы носили на носилках по шатким деревянным мосткам аж на второй этаж.

Рядом с Супьяном, наряду со взрослыми, трудятся такие же мальчишки, как и он, кто постарше, а кто и помоложе. Все это кормильцы семей. Рано повзрослевшими были эти ребята, лишенные детства.

Двенадцатилетнему Вахе Эсембаеву, землекопу, рывшему траншеи под будущие фундаменты домов наравне со взрослыми, меньше четырнадцати не дашь. Ни ростом, ни силой природа не обделила мальчишку. Кто бы мог подумать, что уже в 1955 году Ваха станет мастером спорта СССР и будет включен в сборную команду Советского Союза... Многие годы его будут называть «королем помоста». Еще до этого, в 1954 году, Ваха получит титул чемпиона Казахстана и Средней Азии по тяжелой атлетике.

Будущий известный штангист Ваха менял работу по принципу: чем тяжелее, тем лучше. Землекоп, ученик столяра, столяр, молотобоец на кузне, а потом и кузнец.

Как-то в журнале «Огонек» мальчик увидел фотографию тогдашнего

чемпиона СССР, рекордсмена мира по тяжелой атлетике и сразу загорелся желанием попробовать себя на этом поприще.

Первый его наставник, Чуликов Мамед, сам увлекался штангой и помогал Вахе усваивать азы нелегкого спорта. А штангу Ваха смастерил собственными руками на кузне, где к тому времени уже работал. Так в маленьком поселке Чулак-Тау, затерянном в казахских степях, у отрогов Тянь-Шаня, началась его дорога в большой спорт.

А начиналось все с футбола. Создали ребята футбольную команду – интернациональную, разумеется: чеченцы, немцы, балкарцы, карачаевцы, русские, татары, курды. Русские ребята – это потомки репрессированных и сосланных в Казахстан на «вечное поселение» еще по делу Кирова. Большинство в команде – чеченские мальчишки: Ваха, Султан, Дага, Шудди, Абдулла, Сулумбек, Солса, Хамид, Шаа, Сутьян...

Капитаном-наставником ребят в команде был карачаевец Назим Аджиев – фронтовик, кавалер ордена Красного Знамени, спецпереселенец, как и многие фронтовики-чеченцы, отозванный с фронта по причине «неблагонадежности». «Родина-мать», в тяжелую для страны годину призывавшая их встать на защиту Отчизны, легко их всех предала. Сколько в этой войне за три года погибло чеченцев и ингушей на фронтах, в партизанских отрядах, в подполье, никто так и не подсчитал. И сколько их, бывших фронтовиков, отозванных с фронтов и переведенных в статус «врагов народа», потом умерло от голода и болезней – тоже никем так и не подсчитано. А пропавших тогда без вести ищут по сей день.

Никогда не забуду, как по поселку ходила маленькая сухонькая сгорбленная старушка Зайдат и собирала окурки. Всем встречным она объясняла, что скоро с фронта вернется ее внук, который, как и все солдаты, наверное, научился курить, и папиросы нужны будут ему. Вся семья Зайдат погибла – кто в пути, а кто в первую же зиму от голода и болезней. Помутившееся от горя сознание несчастной никак не хотело воспринимать еще одно горе – похоронку на внука, полученную уже после гибели всех близких...

...На пустыре, на окраине поселка, организовывались товарищеские матчи, смотреть которые собирались чуть ли не все жители поселка. А без детворы даже тренировки не обходились. Мои ровесники страшно завидовали старшим мальчишкам, 14-16-летним футболистам, которые после работы или школы устремлялись на пустырь во главе со своим неизменным капитаном. Уже в 1948 году Чулак-Тауская футбольная команда «врагов народа» стала чемпионом Джамбульской области среди сельских команд.

С особого разрешения комендатуры команду даже вывозили в другие населенные пункты. А выезд в Алма-Ату им был заказан, потому как спецпереселенцы. Попробуй выехать без разрешения – 20, а то и все 25 лет каторги. Целеустремленность и воля, фантастическое упорство и трудолюбие в сочетании с такой чертой характера, присущей вайнахам, как яхь<sup>7</sup> позволили бы этим мальчишкам достичь определенных высот и в этом виде спорта. Но статус не тот. Несвобода никогда не может быть двигателем прогресса или достижений, как показывает история.

И тем не менее, пройдя немалые испытания голодом, холодом, нуждой, болезнями, преодолев комплекс униженного детства, унижения физические и нравственные, наша молодежь не деградировала, не ассимилировала, не потеряла человеческого достоинства в депортации. Благодаря в большей степени семейному воспитанию (личный пример старшего поколения), нежели советскому, она, эта молодежь, оторванная от своих корней, сумела доказать свою состоятельность, нравственность, высокий интеллектуальный уровень.

Да, бывали столкновения, драки, особенно между чеченской и греческой молодежью. Когда эмоции и тех, и других зашкаливали, в спор вступали более

веские аргументы – кулаки. Тогда какой-нибудь пацан со всех ног мчался в поселок за помощью взрослых.

Вот тут на поле сражения выдвигалась «тяжелая техника» – матери.

Снятыми с головы платками довольно чувствительно они хлестали своих-не своих сыновей – без разбору, кто под горячую руку попадет. Тогда дерущиеся юноши с хохотом, прикрываясь поднятыми руками, увертываясь от материнского гнева, разбегались кто куда. Но ни разу не было случая, чтобы уличили нашу молодежь в воровстве, грабеже или каком-нибудь другом низком проступке, по крайней мере в нашем поселке.

В 1944 году в поселок привезли более двухсот чеченских семей, около семисот человек. Из них тогда всего несколько человек имели среднее или высшее образование. Прошли годы, и многие мои сверстники и кто постарше, окончив школу, поступили в вузы (после 1956 года) – кто в Казахстане, а кто уже на родине.

В этом маленьком казахском поселке росли и выросли известные спортсмены Ваха Эсембаев, Кюра Мусаев, Дик Альтемиров, доктор исторических наук, профессор Макшарип Мужухоев, прославленный чеченский гармонист-виртуоз Рамзан Паскаев, заслуженный артист республики Султан Дакаев, кандидат наук, ставший впоследствии министром образования республики Султан Мовтаев. Кто-то стал директором крупного завода, кто-то – автором учебников, работником министерства, заслуженным врачом республики, преподавателем вуза. И это не все. Десятки врачей, инженеров, экономистов, юристов, учителей, отдавшие всю жизнь делу служения своей многострадальной родине, не посрамившие честь своей профессии, своего народа – это мои сверстники, дети униженного детства.

Несмотря на то, что волею партийного руководства страны (официальной идеологией которой был интернационализм) наш народ в одночасье превратился в спецпереселенцев, в народ-изгой, вайнахи трудились добросовестно, честно, попросту не умея по-другому. Многие даже там, в депортации, как ни странно звучит, получали за свою работу ордена и медали СССР, потому как не отметить их самоотверженность в труде было просто невозможно. Более полутора тысяч спецпереселенцев получили за свой доблестный труд различного рода награды, а сорок пять из них были награждены орденом Ленина. Это те спецпереселенцы, у которых с раннего детства было только право на самый тяжелый труд или смерть от голода, которые до 1955 года не имели даже паспортов.

...Все работали за хлебные карточки... Среди них и малолетние девчонки. Жалко смотреть, как у Хижан и Маликат, несущих носилки, вздуваются жилы на девичьих руках и тонких шеях. Особенно жалко хромую Хижан. Супьян на ходу подхватывал с их носилок стопку кирпичей или ковшовой лопатой снимал верхний слой раствора и перекладывал на свои носилки. Чем еще может помочь им Супьян?

Все знали, что у шестнадцатилетней Хижан на руках престарелые больные родители: отцу уже почти 80, а матери за 60. Все родившиеся в этой семье дети долго не жили, почему-то быстро умирали. Как будто приходили в этот мир только отметить, получить имя и уйти в мир иной. Хижан родилась, когда матери было далеко за сорок. Была старшая сестра Баянт, но где она и что с ее семьей стало, они не знали.

Однажды, лет восемь мне было, послала меня мама в четверг вечером к старикам отнести им кастрюльку с только что сваренной домашней лапшой из черной муки, сдобренной домашним молоком. Ойба и Забу, родители Хижан, всегда были рады видеть меня. Свое право разносить в четверг вечером сагla<sup>8</sup> я никому не уступала. На это у меня, конечно же, были свои причины. Как только в четверг вечером я переступала порог их крохотной комнатки в бараке, дедушка Ойба растягивал почему-то всегда синие губы в добрейшей беззубой улыбке и хитро подмигивал мне. Это означало одно: у деда для меня

что-то есть. Это «что-то» тоже им кто-то приносил, разумеется, а больше и взяться-то было неоткуда.

Совсем небольшое зеленое яблочко, комочек кислого сухого курта или осколочек – ну совсем крохотный – пиленого сахара. Это «что-то» доставалось из-под дедушкиной подушки, набитой сушеной травой. От зеленого яблочка в три откуса даже огрызка не оставалось, осколочек сахара, пока я плелась домой, сам собой – и почему-то очень быстро – таял во рту, а кислым кусочком курта я еще позволяла себе с младшим братом делиться.

Так вот, несущая кастрюльку, вдыхая вкусный запах еще теплой лапши с молоком. Подойдя к бараку, отчаянно колочу голой пяткой по хлипкой фанерной двери комнаты стариков и диким голосом ору:

– Дада, Баба, Хижан, не! схаелла!<sup>9</sup>

Только Хижан открыла дверь, я, зацепившись ногой за довольно высокий порог, со всего размаха, плашмя растягиваюсь в середине комнатки. Кастрюлька моя отлетает под деревянный топчан, лапша по всему глиняному полу рекой разливается. Понятно, что я не стала дожидаться ни милой улыбки дедушки Ойбы, ни его хитрых подмигиваний, ни тем более гостинца. Вылетая из комнатки, слышу вслед Хижанины «добрые» пожелания в свой адрес:

– Хьо ма сатта хьала!<sup>10</sup>

С тех пор миссию носить сагла по четвергам лучшему своему другу деду Ойбе, скрепя сердце, уступила я младшему брату. Уж очень мне было стыдно показаться на глаза старикам, которые, как я понимаю, в этот вечер по моей вине остались без горячей еды.

А сагла носить я повадилась к Месбах, которая тоже жила недалеко от нас, в маленьком домике. Месбах – это мать Вахи и Малики. Они тоже были из Грозного, и дети ее, как и мы с братом, родились там. Месбах, как говорил наш отец, – очень грамотная женщина. В Грозном работала начальником Горздрава. Что она грамотная, в отличие от нашей мамы, которая даже расписываться не умела, я убедилась сама. Довольно часто заставляла я Месбах за чтением книги.

Отец Вахи и Малики, Мухтар, юрист по образованию, за год до депортации был арестован НКВД. Кормильцем семьи с двенадцати лет стал Ваха.

Месбах, как и дед Ойба, любила одаривать меня – нет, не вкусностями, а игрушками. Вырезанную из картона фигурку девочки, к которой прилагалась разная одежда из цветной бумаги, даже глабали, я получила в первый свой приход в этот гостеприимный дом. В следующий раз я получила в подарок мальчика в папахе и черкеске, танцующего лезгинку. Потом флаконы из-под духов, то в виде виноградной кисти, то женской фигурки.

Благодаря этим рисованным картонным куколкам, подаренным мне Месбах, я довольно скоро научилась рисовать сама. Сначала эти куклы я использовала как трафареты. Позже у меня появился целый кукольный театр с фигурками Буратино, Дюймовочки, Золушки, Феи.

В классе на уроках рисования, когда учитель объявлял конкурс на лучший рисунок, радости моей не было предела. Соперником у меня был только Сулумбек, который мог бы стать действительно хорошим художником, если бы тогда была возможность у спецпереселенца поехать учиться. Жюри – весь класс. Я помню, как к концу урока, разделившись на два лагеря, болельщики металась от моей парты к парте Сулумбека, наблюдая, как мы наносим последние штрихи в рисунках, подбадривая нас и споря друг с другом, чей рисунок лучше.

К сожалению, не было у меня героев вайнахских сказок, потому что я не знала даже, как они выглядят. Не было у нас таких книжек тогда и быть не могло по определению, тем более на родном языке, потому, как и таких национальностей, как чеченцы и ингуши, официально в Советском Союзе уже не существовало: вычеркнули из справочников и энциклопедий, стерли с

географических карт и глобусов названия не только наших сел, но и название самой республики.

Все изданное на вайнахских языках варварски было уничтожено в период депортации. Не пощадили даже древние фолианты. Вот только народ с лица земли стереть не получилось. Вместо наших фамилий, имен, отчеств и национальностей осталась одна анкетная графа с тремя словами: «спецпереселенец, враг народа» (даже если родился ты уже на казахской земле и никто тебя никуда не переселял и лет тебе даже не пятнадцать, а ты только-только родиться успел).

...У Маликат другая история. Родители умерли рано – ни сестер, ни братьев. Воспитывала тетя, старшая сестра матери, Сацита. У Сациты детей не было, овдовела рано, а больше замуж выходить не захотела. Потом взяла на воспитание осиротевшую племянницу. Работать на стройке или химкомбинате ей не позволяло здоровье. С большим трудом устроилась она сторожем в детском садике, что в центре поселка.

Как ни тяжела жизнь, ни унынию, ни отчаянию не место в жизни вайнахов. Этот жизненный оптимизм и помогал выжить и выйти победителем из любых, казалось бы, безвыходных ситуаций. Этой жизненной стойкости и мы учились тогда у взрослых, что помогло нам выжить и выдержать все испытания, выпавшие на нашу долю сейчас, на склоне жизни.

...В долгие холодные зимние вечера молодежь поселка, как правило, собиралась у кого-нибудь, где хозяйка (пожилая и одинокая) приглашала девушек на белхи<sup>11</sup>, как когда-то дома – на Кавказе. Под предлогом, что нужно помочь хозяйке тереть шерсть, лущить кукурузу или подсолнухи, засушенные еще осенью, девушки с радостью летели на огонек. Так у молодых людей появлялась возможность отвлечься от неурядиц, невеселых дум о повседневной безрадостной жизни, а главное, пообщаться друг с другом. Собственно, для этого и задумывались такие мероприятия. Молодые люди обещали на эту ночь обеспечить хозяйку дровами и керосином для самодельных коптилок, если это было зимой. А летом собирались во дворе или у кибитки, если дворика как такового не было.

Чаще всего собирались у Палады, которая, несмотря на свой далеко не молодой возраст, любила общаться с молодежью, сама играла на гармонии, знала множество песен, сама сочиняла их. Особенно удавались ей шуточные, вроде частушек. Жила Палада со старухой-свекровью, которая, несмотря на шум-гам и «дым коромыслом», мирно дремала на топчане за спинами сидящих девушек.

В глинобитном домике Палады на самой окраине поселка всего-то одна комнатка, но тем не менее на крохотном пятчке в середине комнатки молодые люди умудрялись станцевать лезгинку, даже не задев при этом, Боже упаси, партнершу.

Сидя у противоположной от топчана стены, кто на низеньком стульчике, кто на полне или на перевернутом ведре, а кто и просто на корточках, парни успевали и разговоры между собой вести, и одними взглядами и жестами с понравившейся девушкой объясниться (догдаха, то есть открыть ей свое сердце), а то и через посредницу, обычно молодую замужнюю женщину, в знак согласия на ухаживания, в подарок крохотный девичий кружевной платочек получить. Девушки при этом, смущенно улыбаясь, застенчиво опускали глаза.

Эти платочки девушки уже лет с четырнадцати шили и обвязывали кружевами сами. Кусочки тонюсенького белого маркизета они выпрашивали обычно у женщин-портних, которые, чтобы выжить, шили одежду на заказ. Или покупали в магазине, скинувшись кто сколько может, между собой, 15-20 сантиметров маркизета, из которого получалось ровно восемь платочков. В одном из уголков платочка вышивали инициалы или цветочки, кому как нравится.

Несмотря на свой возраст (56 лет), Палада работает на стройке штукатуром. Дома, на Кавказе, она оставила парализованного мужа, поднять его не смогла, сил не хватило вынести его из дома и тем более погрузить на подводу. Но у нее хватило сил вынести из дома престарелую свекровь.

...Палада умоляюще смотрит на солдат, перебегая глазами с одного лица на другое, и молит:

– Адин минот! Адин минот!

Солдаты, переглянувшись, отвернулись, как бы говоря, делай что хочешь. Палада подошла к кровати мужа. Попыталась еще раз поднять его. Он застонал и слабо качнул головой. Женщина провела рукой по безжизненной холодной кисти мужа:

– Къинт! ҕера валалахъ суна, стаг! Ас Далла каравелла хьо! Дала ҕалашвойла хьо!<sup>12</sup>

Из-под прикрытых век выкатились слезинки и покатались по восковому лицу мужа. Палада всю жизнь помнила, нет, не 35 лет совместно прожитой с мужем, порой далеко не безоблачной, трудной семейной жизни, а эти слезинки.

Вернувшись к подводе с рыдающей свекровью, Палада увидела рядом с ней мешок кукурузы. Это был ее мешок. Она узнала его по зеленой заплатке и завязке. Это было их спасение от голодной смерти в долгой дороге на чужбину.

На первый взгляд, Палада очень энергична и жизнерадостна, не потому что у нее не плачет душа по оставленному далеко на Кавказе мужу, замужним дочерям и внукам, адреса которых не ведомы ей до сих пор, по единственному сыну, которого она на фронт проводила еще в сорок втором. А потому, что она уповаet на милость Аллаха и знает – без Его повеления не упадет даже лист с дерева, не засохнет былинка, и поэтому не поддается унынию (уныние – великий грех).

Домик свой она построила сама, не из кирпичей, а из глины, замешанной на соломе, выкладывая рядами валики глины друг на друга. Под жарким азиатским солнцем эти ряды высыхали довольно быстро, и тогда приходил черед следующего ряда глины. Вот так и вырос не высокий, полувросший в землю, довольно теплый глинобитный домик Палады.

В бригаде штукатуров, в которой работает Палада, одни чеченские женщины. Брали их туда охотней, чем других. Уж в мастерстве штукатурки вайнахским женщинам того времени не откажешь. С детства учились этому, помогая дома матерям, повзрослев на белхи у родственников, соседей, друзей.

...Заслышав призывные звуки гармоники, молодежь устремлялась к окраине поселка в сторону реки, к домику Палады в любое время года. Девушки ходили на такие белхи, вечеринки, ловзар только в сопровождении женщин-родственниц или младших братишек, сестричек.

Но было одно «но». В одном населенном пункте Казахстана редко поселяли семьи родственников или даже односельчан. Тонко продуманная стратегия не только физического, но и психологического подавления нации предусматривала такое разобщение близких людей.

Однако сталинско-бериевская «машина зла» не учла менталитета вайнахов. В депортации вайнахи по мере возможности поддерживали друг друга, независимо от того, какой ты национальности (чеченец или ингуш), из какого села и к какому тейпу принадлежишь.

...Принаряжались девушки в силу возможностей. Маликат по такому случаю просила у подружек наряды: у кого более или менее приличные тапочки, у кого носочки, а у кого косынку крепдешинovou. А единственное домашнее платье (праздничного у нее сроду не было) она успевала после работы постирать и высушить на солнце.

Так как у Маликат нет ни сестричек, ни братишек, она обычно просила на такой случай у моей матери меня «напрокат», в сопровождающие.

Весна. Вечер. Со стороны реки – единственное место в поселке, где растут деревья – доносится щебетанье птиц, из аула за рекой – мычание коров и бляение коз. Настроение у меня, как и у Маликат, просто отличное, все-таки люблю я развлечения всякие! И вдруг – вскрик. Маликат сорвала с головы крепдешинный платок и зарыдала в голос, приговаривая:

– Ва-а-а, ма декъаз стаг хилла со! Стиглахула доьду хьоза суна тIе хIунда бехло техьа?<sup>13</sup>

Я просто рухнула на тропинку от хохота. Несчастливая девушка села рядом со мной, держа перед собой злополучный платок, продолжала рыдать. И тут мне стало стыдно. Взяв из рук Маликат предмет ее горя, я побежала к реке. Как могла, почистила, прополоскала в воде. Ухватив платок за концы, я начала бегать по берегу, держа его над головой. Так я его сушила. Маликат смотрела на меня, как на умалишенную. Потом заулыбалась, а после и вовсе захохотала. Молодость брала свое.

В 17 лет Маликат вышла замуж, успела родить двоих детей и в 22 года умерла от брюшного тифа. Не хватило для нее бактериофага, лекарства от желудочно-кишечных заболеваний, которые должны были завозить в поселок в силу того, что всюду бушевала эпидемия тифа. Немало жизней спецпереселенцев уносила и эпидемия малярии, потому как не хватало хинина и акрихина.

Я хорошо помню Маликат. Рано умер и ее муж. Их детей, Руслана и Румису, увезли в детский дом в город Джамбул, как и тысячи вайнахских детей. Их следы затерялись в приютах Казахстана и Киргизии. А потомки их родственников по отцу или по матери ищут их до сих пор, пишут в различные комитеты, ведомства, архивы... Но это уже потерянное навсегда поколение нашего народа.

*Продолжение следует.*

<sup>1</sup> Бехк ма биллалахь. Хьайн дош диц ма делахь (чеч.) – Извини. Не забудь своего слова.

<sup>2</sup> Куьпа (чеч.) – квартал.

<sup>3</sup> Аят (араб.) – молитва.

<sup>4</sup> Шовда, Седа, Полла, Леча, Кхокха, Зезаг, Кюра (чеч.) – Родник, Звезда, Бабочка, Сокол, Голубь, Цветок, Ястреб.

<sup>5</sup> Ваха, Яха, Деши, Дети (чеч.) – Живи (муж.), Живи (жен.), Золото, Серебро.

<sup>6</sup> Дастархан (казах.) – столик.

<sup>7</sup> Яхь (чеч.) – честь.

<sup>8</sup> СагIа (чеч.) – милостыня, подаяние.

<sup>9</sup> Дада, Баба, ХIижан, неI схьаелла! (чеч.) – Дедушка, Бабушка, ХIижан, откройте дверь!

<sup>10</sup> Хьо ма сатта хьала! (чеч.) – полушутливое проклятие: дословно: «Чтоб тебе не выпрямиться!»

<sup>11</sup> Белхи (чеч.) – у вайнахов безвозмездная помощь в работе.

<sup>12</sup> КъинтIера валалахь суна, стаг! Ас Далла керавелла хьо! Дала Iалашвойла хьо!! (чеч.) – Прости меня, муж! Я отдаю тебя в руки Бога! Храни тебя Бог!

<sup>13</sup> Ва, ма декъаза стаг хила со! Стиглахула доьду хьоза а суна тIе хIунда бехло техьа! (чеч.) – Ва-а-а, каким несчастным человеком я оказалась! Почему даже летящий по небу воробей на меня капает!

Зелимхан Мусаев

**Трансформация...**

\*\*\*

Уходит в ночь один из дней  
 Печали – радости моей.  
 Чего я жду? О чем мечтаю,  
 Безмолвно сидя у дверей?..

\*\*\*

Линии мира, сплетаясь в узлы,  
 Нам открывают другие миры –  
 Знающий ведает разницу в них.  
 Видящий знает поэтому их...

Волны пронзают детали мостов.  
 Звук тишины уникальнее слов.  
 В редком безмолвии кроется суть –  
 В нем и слепому откроется путь.

\*\*\*

Я, как в детстве, радуюсь всему,  
 Что тревожит мир воображения,  
 Что открылось гибкому уму  
 И застыло в ритме исполнения...

Мне все так же хочется летать,  
 Открывать бесчисленные дали...  
 Что бывает слаще чувства – знать  
 То, что мы вчера еще не знали?..

\*\*\*

Прекрасное не существует без печали,  
 Как зло непостижимо без любви.  
 Но было бы печальнее едва ли...  
 Когда бы знали –  
 Мы совсем одни.

\*\*\*

И все-таки, когда льет дождь –  
 Это лучше, чем без дождя...  
 Когда рядом, подруга, идешь –  
 Это лучше, чем без тебя.



\*\*\*

Я спокоен в своей безмятежности,  
 Гармоничен в своей красоте,  
 Преисполнен любовью и нежностью  
 Ко всему, что живет на Земле.

Я глубок в своей истинной сущности,  
 Изначален, извечен и прост –  
 Нет добра, нету зла...  
 Нету трудностей –  
 Для того, кто не пачкает холст...

\*\*\*

Все, что вокруг –  
 Лишь вибрация.  
 Видишь ли звук?  
 Трансформация...

Сухо во рту,  
 Ухо чешется...  
 Лезу на стул,  
 Но... не вешаться.

Голоса друзей

**Ркаил Зайдулла**  
Татарстан



*Родился 23 января 1962 года в деревне Чичкан Комсомольского района Чувашской Республики. Окончил в 1985 г. филологический факультет Казанского госуниверситета. В середине 80-х годов сменил множество профессий: был разнорабочим, плотником, кровельщиком, каменщиком, преподавателем военного дела в сельской школе, репортером. Один из основоположников журнала «Идел», где трудился редактором с 1989 г. по 2009 г. В настоящее время – профессиональный литератор. Автор 13 книг прозы,*

*поэзии и публицистики на татарском, русском, турецком и башкирском языках. Пьесы Р. Зайдуллы ставились на сценах театров Татарстана, Башкортостана, Оренбурга. Произведения Р. Зайдуллы переведены на английский, русский, турецкий, узбекский и чувашский языки и опубликованы в журналах «Тюрк культуру», «Кардеш калемлер», «Хедже» (Анкара), «Дружба народов», «Октябрь», «Наши современник» (Москва), «Аманат» (Алматы), «Бельские просторы» (Уфа), «Тыван Атыл» (Чебоксары) и др. Лауреат многочисленных литературных и театральных премий Татарстана. В 2010 году удостоен Государственной премии РТ имени Г. Тукая. Заслуженный деятель искусств Республики Татарстан (2007г.) Член международного ПЕН-клуба (Татарский ПЕН-центр), член исполкома Всемирного конгресса татар.*

## Тюбетейка для Ельцина

Рассказ

Весть о том, что приезжает Ельцин, распространилась по Казани с невероятной быстротой. На митингах, проводившихся каждую неделю, высказывались различные предположения по поводу предстоящего визита, в который раз уже звучало слово «долой». Сколько ораторов сорвали голос, желая быть услышанными Ельциным (глупые, они, видимо, забыли, что Москва далека, да руки у нее длинные). Старушки-татарки, повязав белые платки на старинный манер, собирались стайками и делились своими соображениями: «Говорят, этот самый Илсин будет уговаривать не отделяться от России». А молодежь сжимала кулаки и скандировала: «А-зат-лык!» («Сво-бо-да!»)

Немного погодя выяснилось, что в ходе поездки Ельцин предполагает встретиться и с писателями. Эту новость нам сообщил председатель Союза писателей Ринат Мухаммадиев. Правда, сначала мы не придали этой новости серьезного значения, поскольку у Мухаммадиева была привычка в свои редкие наезды из Москвы мимоходом поражать нас сообщениями о том, что «вот, как-то с Горбачевым поговорили» или «с Ельциным встречались».

Однако на сей раз смуглое лицо председателя союза выглядело очень серьезным, да и глаза смотрели как-то иначе. «Я сам включил в программу поездки встречу с писателями», – сказал он каким-то утробным голосом. Мы все уставились на него с глубоким уважением. Вот какой у нас председатель – с

кем только ни встречается, с кем только ни беседует... Не знаю, как у других, но моя душа вознеслась, и волны какого-то странного чувства подкатили к горлу. Да и те, кто был рядом, почудилось, стали выше на голову. Оказывается, не так уж незаметно то место, которое мы занимаем в мире!

Теперь нужно было решить, о чем мы будем говорить с Ельциным, какие вопросы задавать. Не успел Амирхан Еники по обыкновению тихим голосом произнести «Башкортостан...», как все собравшиеся на правлении горячо заспорили о татарских землях, не вошедших в свое время в состав Татарстана.

– Говорят, что у Ленина на столе перед смертью лежала карта Татарстана... – авторитетным голосом начал профессор литературы. – Я думаю, это не случайно, видимо, он собирался расширять границы республики.

Еники многозначительно кашлянул, а из угла кто-то – молодой и невыдержанный! – громко засмеялся:

– А может быть, он хотел нас вообще ликвидировать...

Профессор, видимо, счел для себя унизительным отвечать на такое кощунство, однако и речи своей не продолжил, запал уже кончился.

Наконец разговор вошел в русло. Старшие говорили долго и «со вкусом», молодежь – неблагоприятные и невнимательные слушатели – ерзала, рылась в карманах, мяла в пальцах сигареты, тщетно пытаясь попасть в поле зрения председательствующего... Через полтора часа вопросы, которые предполагалось задать Ельцину, все-таки были определены.

Незаметно течение дней в сутолоке города... Мой дед говаривал, что перед концом света один год станет как один день. Казань продолжала кипеть, на площадях собирался народ. На центральной площади татары с зелеными флагами требовали: «Суверенитет!», «Независимость!» А перед Парком Горького называющие себя демократами (удивительно, до чего может измениться значение слова!) шовинистические группы пытались превратить Татарстан в Казанскую губернию. Как тяжелый туман, людей накрыла ненависть, от ее запаха першило в горле, резало глаза.

Настал день приезда Ельцина – удивительно жаркий летний день. В тот день из мечети мы проводили в последний путь Баки Урманче. Великий скульптор ушел в вечность. Понурился, грустно поднимаемся к Кремлю.

Лето действительно было очень жарким. Казалось, что и народ на улицах своим гневным дыханием накаляет воздух. То ли из-за жары, то ли подражая Батулле, мы – четверо друзей – наголо обрили головы. О, благодать! Мы кидаемся к каждой встречной колонке, тысячи острых водяных иголок вонзаются в кожу, наслаждение пронизывает все тело. Кажется, что даже самое огромное удовольствие в мире не сможет сравниться с этим. Да, наши деды знали, что делали!

Мы кружили по городу в безумной надежде найти холодное пиво, а солнечные лучи, поскользнувшись на наших блестящих макушках, падали и тонули в расплавленном асфальте. Но, оказывается, не все, как мы, заботились только о своих физиологических потребностях. Группа из тридцати человек, размахивая зелеными флагами, прошествовала к зданию Союза писателей. Около Дома офицеров стояло четверо-пятеро толстух. Жирные буквы на транспарантах распознались, похожие на червяков: «Ельцин – наша последняя надежда!», «Россия и Ельцин едины!», «Ельцин – наш кормилец!»

Кормилец! Черт побери, как будто на московских улицах выращивают хлеб, откармливают скот. А кормилец между тем вовсе не так далек от этих женщин, – он в татарских деревнях в одуряющую жару пропальвает свеклу, собирает колорадского жука, вооружившись топором, идет на шабашку в русские деревни... А в русских деревнях, расположенных на восхитительных лугах вдоль рек, рядом с могучими лесами, доживает свой век старичье. А осенью убирать картошку, свеклу снова пригоняют студентов-татар.

Но попробуй это объяснить митингующим теткам – проклянешь тот час, когда сам приехал в город. Деревня! Ты тоже должен, как и остальные татары,

полоть свеклу и собирать колорадского жука. А ты, невежа, интересуешься тут политикой, требуешь независимости, свободы, хочешь, чтобы твои дети обучались на родном языке... Так что эти тетки правы: мы забылись. Коли уж с грехом пополам поселились в городе, то следует тихонько, бессловесно работать. Так нет же, снова дергаемся, снова...

Пива нигде не было. Мы повернули в сторону Союза писателей. Там уже собралось довольно много народу, на кованые решетки ограды водружены флаги с полумесяцем, с зеленых полотнищ взывают лозунги: «Татарстан – не дойная корова России!» и т. п. Все это написано по-русски, видимо, сочли необходимым, чтобы Ельцин сам понял наше состояние.

У парадного подъезда оживленно. Может быть, еще и потому этот день мне показался особенно торжественным, что дверь эта открывалась только в исключительных случаях, в остальное время она была изнутри заложена дубовой палкой.

Внутри очень похоже на потревоженный муравейник. По коридорам носятся писатели, журналисты, секретарши, какие-то незнакомые люди, короче, царит особый беспорядок, который возникает перед приходом гостей.

Мой рабочий кабинет находится на втором этаже. Пока поднимаюсь по узкой железной лестнице, мне вдруг представляется, что я на большом корабле, завязшем в болоте.

История этой узкой лестницы проста – до большевиков, когда дом еще принадлежал буржуям, в этом крыле жила прислуга и горничные, для них был «черный» вход. А через зеркальную парадную дверь ходили хозяева и их гости. Сразу за нею вверх ведут мраморные ступени, застеленные толстыми мягкими коврами...

После революции в этом здании обосновались чекисты. О том, что у этих рыцарей революции «с холодным умом и горячим сердцем» были не очень чистые руки, уже много писали, я не знаток в этой области, возможно, профессор Литвин и писатель Аяз Гилязов когда-нибудь напишут об этом. Но даже нам, непосвященным, известно, что эти «рыцари» (как и их предшественники) были равнодушны к роскоши и вообще ко всему «благородному». Они присвоили себе немало прекрасных зданий – кроме Дома писателей, еще и нынешний Дом композиторов, здание филармонии.

Готовя здание к переезду в него Союза писателей (до этого последним хозяином была детская больница), мы как-то спустились в подвал и оторопели: в каменные стены были вмурованы железные наручники. Один из нас воскликнул:

– Смотрите, наручники! От Чека остались!

К сожалению, когда мы спустились в подвал в следующий раз, наручники уже были кем-то выдернуты из стен и бесследно исчезли.

Говорят, что когда Баки Урманче узнал, в какой дом переезжают писатели, он невесело усмехнулся:

– Я знаю этот дом, особенно подвал. Надо будет сходить посмотреть.

Но он к нам так ни разу и не пришел. Наверное, не хотел бередить в душе тяжелые воспоминания.

Кажется, я довольно далеко ушел от темы. Вы скажете, какое отношение имеет история этого дома к Ельцину? Сказать по правде, мне и самому бы не хотелось писать о тех далеких беспощадных годах, да вот перо увело меня туда... И вот почему. Около узкой железной лестницы, прислонившись к стене, стояли два бесцветных молодых человека. У одного из них я попросил закурить и... тут же понял свою ошибку. Сигарету у них просить не стоило, и вообще, следовало бы держаться от таких подальше.

Но, как бы там ни было, просьба была высказана. Узкие губы парня на секунду скривились – улыбнулся, надо полагать, – но сигарету дал...

В середине восьмидесятых годов некто из отдела КГБ, занимающийся пищевой блатией, довольно долго пытался нанять нас, молодых ребят, сексотами. Не знаю,

добился он своей цели от других или нет... Хотя мы с ним изредка встречаемся (он приносит в редакцию статьи о жертвах репрессий, благо, в его руках масса документов), как-то неудобно спрашивать его об этом. Впрочем, задавать ему такие вопросы – смешно и бессмысленно. Да-а, на многих моих друзей они нагнали страху. Когда-нибудь ребята сами напишут об этом. Я сейчас о тех, кто, умирая от страха (а кто не боялся этой жуткой организации?), отказался стать сексотом, более того, на другой же день обо всем рассказал своим друзьям...

А ведь были, наверно, и те, кто согласился. Аллах им судья.

Так что, в нашей счастливой стране правила Система, приучавшая нас подозревать и чуждаться друг друга.

А сегодня к нам придет человек, который открыто обещает уничтожить эту Систему. В самом ли деле это великая личность или это просто шустрый политикан, вытолкнутый на поверхность его Величеством Случаем? Что ни говори, но глаза всего мира прикованы к этому человеку.

Встреча должна была начаться в четыре, и мы с Зиннуром пошли вниз, в клуб Тукая. Увидев наши бритые головы, люди заулыбались, некоторые знакомые даже увидели в этом особую «политику». Мы не стали отвергать их предположений.

– За суверенитет, – говорит Зиннур.

– Специально побрили, по случаю приезда Ельцина, – добавляю я.

У татар даже бритая голова имеет политический смысл, и через десятилетия будто слышится угрожающий голос пуришкевичей:

– Куда лезешь, гололобый!

Около четырех часов у парадной двери вспыхнул ужасный скандал. От яростного голоса Мансура Шигапова – работника аппарата Союза – задрожали портреты на стенах и посыпалась штукатурка.

– Где? Где? Идиоты... – ревел Шигапов. Его горестные вопли напоминали стоны утопающего.

Представив себе террористов, напавших на Ельцина, я поспешил к нему. Любопытство – самое сильное человеческое чувство. Шигапов немедленно схватил меня за грудки – руки как клещи, глаза вылезают из орбит:

– Ркаи! Где? Где?

– Кто? Ельцин?

– Жихан, где Жихан?!

Ситуация постепенно прояснилась. Оказалось, что старушке-вахтерше велели быть у парадной двери до четырех часов, а ровно в четыре она заложила дверь дубовой палкой, заперла ее на ключ и куда-то ушла. Вот-вот придет Ельцин, а парадная заперта. Я с сочувствием смотрю на Шигапова. Небось взвоешь – такие проколы не прощают. Ну не поведешь же Ельцина через «задний проход», где раньше ходила прислуга да кучеры, а теперь татарские писатели?!

А старушке Жихан что? Она человек сталинской эпохи, приучена к точности. Сказано было до четырех, ровно в четыре она эту парадную дверь и заперла. Какое ей дело до того, что Ельцин опаздывает?

Наконец Жихан нашли. Шигапов, подобно сорвавшемуся с тормозов трактору, пошел на нее:

– Где ты ходишь?! Я тут весь поседел... е-о-о...

Но вахтера таким приступом не возьмешь – она из Заказанья, вкусившего сполна все «радости» от правления русских царей.

– Не ори! – отрезала она. – Придет ваш Ельцин, никуда не денется.

Верноподданный Шигапов на мгновение застыл с открытым ртом, но ничего не возразил, он тоже хорошо знал, что с вахтерами спорить нельзя.

Беспокоились напрасно – прошло еще полчаса, а Ельцина все не было.

Но, вот она, долгожданная минута! Оглушительные аплодисменты, восхищенные возгласы, задние ряды встают, через мгновение весь зал уже стоит. Только первые два-три ряда не двинулись с места. Батулла поставил магнитофон

на сцену и громко ведет репортаж для будущих поколений: называет имена тех татарских писателей, кто восторженно хлопает Ельцину.

Ельцин быстро, твердой походкой прошел на сцену. За ним появились Шаймиев, Сабилов, Мухаммадиев. Первый секретарь рескома Идиатуллин остался у дверей, в президиуме для него не оказалось места, да и в зале никто не предложил. Ах, времена...

– Ваш народ очень эмоциональный, – говорит Ельцин, поднявшись на сцену. – Чуть не оторвали рукава у пиджака.

Зал рассмеялся, все свободно вздохнули – вот какой Ельцин простой, наш человек! Восхищенные взгляды, торопливый обмен первыми впечатлениями. А в это время на сцене Ельцин снял и повесил на спинку стула свой избежавший растерзания пиджак, ослабил галстук. Его примеру последовали Сабилов и Мухаммадиев. Только Шаймиев будто ссорясь со своим черным пиджаком... Пока Мухаммадиев произносит вступительную речь, я не свожу глаз с Ельцина. Его взгляд скользит по нашим бритым головам и переходит на блестящую макушку сидящего возле самой сцены Батуллы. На его лице написано удивление.

У него не очень привлекательная внешность. Небольшие глаза, одутловатое лицо, сжатые губы вызывают в душе настороженность и отчуждение. Это чувство усилилось после того, когда я обнаружил недостачу на одной руке двух пальцев. Мне почудились темные пермские леса, глухие тропы, сверкание лезвия топора. У такого человека не следует путаться под ногами, для достижения своей цели он ни перед чем не остановится. Дикая, необузданная сила!

Разумеется, предсказания в политике – несерьезное занятие. Просто я хотел нарисовать портрет Ельцина, но для этого, видимо, нужен особый талант. Говорят, что однажды Куприн, якобы для того, чтобы поговорить о выпуске какого-то журнала, специально побывал у Ленина и позже создал удивительно точный его портрет. Он заметил, что красноватые глаза Ленина были похожи на глаза лемура. Увы, я так не могу, тем более с расстояния в три-четыре метра.

Пока я удовлетворял свой писательский зуд, Ельцин уже взял слово и увлеченно рассказывал о Китае, об успехах, достигнутых там в результате реформ, о преимуществах введения на Дальнем Востоке зон свободного предпринимательства.

Зал заволновался. Многие из сидящих здесь не приучены мыслить так масштабно. Конечно, Ельцин – мастер рассказывать, его интеллект способен охватить всю Россию, но почему он ушел так далеко, почему разговор крутится где-то вокруг Татарского пролива?

Нетерпеливая Байрамова не выдержала, и, воспользовавшись паузой Ельцина, подала голос:

– Мы пришли не о Китае слушать, у нас своих проблем по горло! Давайте поближе к ним...

Лицо российского лидера покраснело, в глазах вспыхнули и погасли недобрые огоньки, губы стали еще тверже. Стало ясно – он не привык к тому, чтобы его перебивали. Его большие руки нервно сжались, и мне вдруг представилось, как бы хрустнула в этом кулаке тонкая шея Байрамовой... Но он взял себя в руки и после некоторого молчания сказал:

– Давайте не будем поддаваться эмоциям, товарищи. Давайте говорить спокойно и конструктивно. Я уже несколько дней в Татарии, впечатлений, конечно, много... До приезда сюда я немного ознакомился с татарской культурой. Вот и Союз писателей. Не зря же он был создан в 1934 году одним из первых. А сейчас он является одной из самых больших организаций в стране и объединяет 200 человек писателей. Татарская культура признана во всем мире и снискала себе уважение...

Зал снова шумно захлопал, а на Байрамову кто-то зашипел, мол, осмеливается прерывать такого человека.

Я оглянулся. От обилия влажных преданных взглядов, направленных на сцену, закружилась голова. Ощущение сопричастности к этому теплой волной

обволокло и меня. Общая эйфория проникла внутрь, мягкими ладонями охватила сердце, я даже почувствовал, как сзади – чуть ниже пояса – вырос мохнатый хвост, и непреодолимо захотелось помахать им.

Не случайно перед отъездом из Казани Ельцин сказал, что здесь он встречал только теплые взгляды. У нашего народа и в самом деле широкая натура, он – «бесштаный» (т. е. бессребреник. – Пер.). Конечно, ведь штаны мешали бы ему вилять хвостом.

Тот факт, что перед приездом сюда Ельцин ознакомился с нашей культурой, очень подкупал. Ознакомился! Не пожалел времени, даже знает, сколько членов в Союзе писателей. И тогда я понял, что он очень далек от литературы, философии, искусства. И не просто далек – он к ним совершенно равнодушен. Возможно, главное различие между Ельциным и Горбачевым состоит именно в этом. Начитанность Горбачева, его уважение к работникам пера несомненны, он периодически встречался с писателями, да и говорить старался образно. Поэтому «простой» народ сразу отнесся к нему настроенно. Россия вообще всегда любила правителей жестких, бесцеремонных, говорящих прямо в лоб, вроде Ельцина.

Ельцин – типичная политическая фигура в нашем обществе, поэтому его нельзя ни в чем обвинять. У него не было, видимо, времени читать художественную литературу (в годы студенчества был спортсменом, затем строителем, партийным функционером), да он и не считал это нужным. Для того чтобы попасть в верхние эшелоны власти, вовсе не обязательно было быть эрудированным, более того, это даже мешало. А Горбачев – исключение, и таковым он стал, видимо, под влиянием Раисы.

Вы только подумайте! Запросто пишу о крупных государственных руководителях, сравниваю, делаю какие-то выводы, хотя мы не привыкли писать о высоких материях. В татарской прозе, публицистике самым «высокопоставленным» персонажем был секретарь райкома, да и тот непременно положительный герой. Я уж совсем разошелся. А причина в том, что Ельцин приехал к нам, на периферию, и татарам суждено было увидеть румяное лицо московского самодержца. Как же можно не писать об этом? В Казани русские цари – редкие гости, их можно сосчитать по пальцам: Иван Грозный, Петр, Екатерина II, Хрущев. Ленин не в счет, в Казани он был еще неизвестным студентом. Визиты царей в Казань до Хрущева в русских источниках подробно описаны, а татарские писатели почему-то не придавали им особого значения. Видимо, они считали естественным желание падких до путешествий властителей увидеть Казань. Впрочем, мы и сейчас не видим в этом ничего особенного.

А Хрущева встречали уже совсем по-другому. Уцелевшие и дожившие до того дня две-три татарские газеты опубликовали огромные репортажи о том, как он ступил на казанскую землю, появились фотографии (пусть бедные татары порадуются!) – на них полноватая фигура Хрущева, за ним – Табеев, сгорбившийся и подогнувший колени, как будто желавший скрыть свой высокий рост. Торжественность, суматоха... Но, как ни странно, этот визит в свое время также не оставил следа в нашей литературе. Впрочем, причина ясна – писатель, конечно, летописец своей эпохи, но все же он не должен забывать, что он в этой Системе – маленький человек: вот тебе твой участок, копайся там, не суйся куда не надо, иначе руки укоротят быстро. Наверху – таинственный мир, таинственные люди, там – власть.

О пребывании Хрущева в Татарстане писатели вспомнили лишь в последние годы. Марсель Галиев написал большой рассказ о его приезде в Азнакаево. Оказывается, Хрущев в сопровождении большого эскорта проехал там, а Галиев это видел. И Мухаммет Магдеев, наконец, поделился с нами своими чувствами: Хрущев должен был приехать в университет, в список встречающих включили и Магдеева – видимо, он был тогда членом партбюро – но, хотя они прождали целый день, дорогой гость не счел нужным посетить университет. В связи с этим писатель делится своими тогдашними переживаниями.

А Ельцин – человек другого времени, он посетил и Союз писателей, и университет. Конечно, это не потому, что он любил татарскую литературу или хотел увидеть старинный университет, просто Ельцин играл в демократа и ему предстояло стать президентом, а для этого необходимо было создать положительное общественное мнение о себе. (Правда, на университетскую встречу многие не смогли попасть, а какие-то дельцы, продавая самодельные билеты, набили себе карманы немалой суммой. Так что, нашлись дельцы, которые даже приезд Ельцина превратили в бизнес).

У демократии есть несомненные преимущества. Например, вот этот Ельцин сидит в трех шагах от меня. И – странное дело – меня интересуют не его жесты, выражение лица, манера говорить, а прежде всего, мое внутреннее состояние, чувства. В душе – какая-то каша: и волнение, и любопытство, и опасение, и какая-то радость, будто справился с серьезным делом. Хотим мы того или не хотим, но на власть имущих мы смотрим как-то иначе, другими глазами. Кажется, что от них исходит таинственная сила. Умом понимаем – ничего такого нет, только наши фантазии. Потеряв власть, он станет обыкновенным человеком, и мы будем стесняться тех чувств, которые раньше испытывали к нему, мы постараемся их забыть, а напоминания возбуждают лишь злость и чувство унижения.

Власть и поэт... О взаимоотношениях между ними много передумано и сказано. Властители всегда старались приручить поэтов и частично добивались успехов – сколько бы ни старались поэты представить себя независимыми, свободными от паутины власти, большинство тем не менее служило этому монстру, и сейчас служит, получает награды. Конечно, есть и те, кто, выступив против власти, выбрал себе трудную судьбу. Для этого нужен был не только талант, но и удивительная смелость. Любопытно, что каждый поэт перед чистым листом бумаги чувствует себя царем. И в душе самого преданного власти слуги живет тайная оппозиционность. Поэтому и власть имущие никому из них не верят и не выпускают из поля зрения.

Далеко ли ушли те времена, когда какой-нибудь сопливый инструктор из обкома учил нас тому, как нужно писать. А уж если приезжал сам секретарь обкома, то его визит воспринимался как незабываемое событие – бурные рукоплескания, преданные взгляды... Я только на тех собраниях понял, как таинственна и волшебна власть и как она далека – даже тогда, когда до нее, казалось бы, рукой подать.

По мере того, как убеждаешь себя в том, что ты маленький человек, власть становится все более необъятной глазу, начинает закрывать горизонт и кажется, что она сейчас тебя раздавит. А между тем, власть в Казани – это лишь пародия, бледная тень того, что называется властью в Москве. Возможно, чувствуя это, «наша» власть так надулась и постаралась пригнуть писателей к земле еще более безжалостно.

На посту секретаря обкома обычно сидели долго, влияния и могущества – бездна, когда секретарь приезжал к писателям, к нему спешили поздороваться, дрожащими руками протягивали свои только что вышедшие книги с автографами. Неужели они думали, что он прочтает? А ведь брал, и «спасибо» говорил, и не забывал прихватить с собой. Но, когда эта «шишка» уходила с должности, книги с автографами появлялись в букинистических магазинах...

Сейчас героев много – тех, кто кричит, что они и тогда были свободны от таких жизненных «мелочей». Я – свободен не был. Я увлеченно слушал полуторачасовое выступление секретаря обкома (без бумажки!), потому что от этого человека исходила какая-то волшебная сила. Только спустя некоторое время я понял, что к этому волшебству человек – кем бы он ни был – не имеет никакого отношения. Только власть делает пустое слово значимым, а глупца показывает умным.

Казанские чиновники, привыкшие каждое свое слово, движение соотносить с Москвой, и в своих взаимоотношениях с литературой и искусством не вышли за эти рамки. Как было во времена Сталина – не знаю, нам известен только его

телефонный звонок ночью в Казань секретарю обкома. Из-за бессонницы тирана все крупное начальство в стране просиживало ночи в кабинетах. И вот часа в три ночи зазвонил телефон секретаря обкома, в трубке послышался глухой голос:

– Вы читали роман Баширова «Чэсть»?

Полусонный секретарь сначала хотел бросить трубку, – какой сукин сын развлекается ночью, какой Баширов в это время, какая честь? Но вот трубка снова ожила:

– Это Сталин говорит...

Представьте себе состояние секретаря в этот момент – язык прилип, колени дрожат. Но, все-таки собрав силы, он обрел дар речи (он же большевик!):

– Здравствуйте, товарищ Сталин... Нет еще, не успел, товарищ Сталин... Но обязательно...

– Жаль... Мы собираемся ему присудить Сталинскую премию... – послышались короткие гудки.

Представляете теперь, как изменилось отношение секретаря (который до того не то что Баширова, Тукая не знал) к татарской литературе.

Так друг железнодорожников и великий «знаток» языка Сталин вошел в историю как наставник и духовный предводитель татарской литературы. Вообще, воспоминаний о том, что он любил литературу и много читал, осталось немало. Но эта любовь вовсе не помешала ему уничтожить сотни писателей, а может, даже помогла. Для литературы очень опасны люди, которые в молодости писали стихи, но не смогли стать поэтами. А ведь когда Сталин еще был Сосо, сам Чавчавадзе включил его стихи в грузинскую антологию.

Властителей, писавших стихи, в истории было немало. Великий Бабур, казанский хан Мухаммет Амин, Сталин, Мао, в наше время – Андропов, Лукьянов (Осенев)... Не прибавляет ли соединение этих двух полюсов еще большую безжалостность и чудовищность делам и поступкам самодержца?

Отношение Хрущева к литературе и искусству через некоторое время эхом прозвучало и в Казани. Как же мог Табеев отстать от Хрущева? Вся его ненависть пала на татарских писателей (ну не будет же он, в самом деле, критиковать Хариса Якупова, создававшего свои картины в жестких рамках соцреализма). Собрав писателей, Табеев большим кулаком грохнул по столу:

– Все вы иждивенцы! Нахлебники!

А «инженеры человеческих душ» сидели молча, с опущенными головами.

На одной из таких встреч Табеев набросился на Нурихана Фаттаха, громя его произведения (которые, надо сказать, он не читал). А потом сказал:

– В университетском общежитии мы жили с ним в одной комнате. Он и тогда был очень нелюдимым, всегда держал тумбочку запертой. Говорят, что тогда откуда-то из задних рядов Батулла подал голос:

– Значит, в комнате был вор...

Ну, может быть, не крикнул, а подумал...

Этот анекдот очень ясно показывает, насколько «развиты» в наших руководителях порядочность и нравственность.

Когда Усманов увидел, в каких теплых отношениях Горбачев с представителями литературы и искусства, он тоже несколько раз встретился с писателями, часами говорил о заготовке мяса, яиц, о том, сколько центнеров с гектара снимают в Буинском районе. Конечно, каждый старается говорить о том, что он хорошо знает.

Так что, когда приехал Ельцин, мы уже были ребята не промах – в зале сидели писатели, испытавшие на себе «целительное» воздействие «своих» государей.

...Наконец Ельцин закончил. Писателям была предоставлена возможность высказаться и задать вопросы.

Слово взял Батулла:

– Сегодня мы предали земле нашего великого художника Баки Урманче. Почтим его память минутой молчания...

Весь зал встал. Имя Урманче Ельцин тогда услышал впервые. Может быть, он даже подумал тогда: вот мол, у них и художники есть.

– Наш бывший первый секретарь Усманов на XIX партконференции выступил с речью, направленной против вас, – продолжил Батулла. – Но татарский народ не имеет к этому никакого отношения. Мы вас уважаем. А вы не очень-то доверяйте и нынешним руководителям, они тоже в любой момент могут вас обмануть.

Наивный Батулла, разве можно обмануть Москву?! Ельцину его выступление понравилось, и он, очень довольный, все кивал головой – «спасибо», «спасибо».

Разумеется, большинство вопросов вертелось вокруг суверенитета Татарстана. Тогда и выяснилось, что многие из нас ждут решения о нашей независимости от Москвы. Будто московские дяди должны были преподнести ее нам на блюдечке с голубой каемочкой. Тогда Ельцин и произнес свою знаменитую фразу:

– Возьмите столько суверенитета, сколько сможете проглотить.

Позже эта фраза была растиражирована в печати, «ушла в народ». Правда, потом, отвечая на упреки своих сторонников, Ельцин выразил сожаление по поводу сказанных слов. Видимо, сначала он решил, что у татар желудок слишком мал, чтобы переварить суверенитет.

Мы шумно аплодировали, но понимание того, что давно отнятую свободу нельзя потребовать обратно, должно было прийти скоро.

Слово взял Шаймиев – и снова о своем: суверенитет не должен быть национальным, в Татарстане живут не только татары, но и русские, другие национальности. Нам нужно заботиться и об их интересах. Словно живущие в Татарстане сотни тысяч русских забыли свой язык и заговорили по-татарски...

Встреча закончилась. Мухаммадиев поблагодарил Ельцина и в память о встрече «возложил» на голову российского лидера татарскую тюрбетейку, приобретенную, кстати, в магазине «Подарки» за 35 рублей. (Тогда тюрбетейки в магазинах еще водились). Народ повалил из зала. Ельцин в тюрбетейке тоже поспешил к двери – у него впереди была встреча в университете. Перед Союзом писателей собрался народ, кто-то взахлеб что-то говорил – настоящий митинг. Ельцин кое-как прошел через толпу и, не садясь в машину, быстрым шагом направился к перекрестку, к остановке 2-го трамвая. Подошел трамвай, и Ельцин в тюрбетейке втиснулся в него. Демократ!

Писательская братия домой не спешила. Курили, обменивались впечатлениями. Ко мне подошел знакомый:

– Руку Ельцину пожал, – он удовлетворенно захихикал. – Придется руку не мыть хотя бы три дня.

Так закончился один из этапов борьбы за независимость. До принятия Декларации о суверенитете оставалось совсем немного времени.

Однако Ельцину, как выяснилось, не понравилось то, что Татарстан объявил о своей независимости. Россия нас не признала. Более того, на нашем пути к свободе Москва до сих пор ставит преграды. В команде Ельцина уже говорят о единой и неделимой России. Времена меняются, политика тоже.

А где теперь тюрбетейка? Не потерялась ли? И поместят ли ее русские когда-нибудь в музей, как Казанскую Шапку Мономаха?

Говорят, что один старичок отправил в Москву телеграмму: «Ельцин, верни тюрбетейку, ты ее не достоин!»

Ну не чудак ли! Кто и когда видел, чтоб отправленное в Москву когда-либо возвращалось в Казань?!

*Перевод с татарского Гаухар ХАСАНОВОЙ*

Наше интервью**«Каждый из нас по-своему психолог...»**

*Шахгиреева Айзан Усмановна родилась 13 ноября 1953 года в Тюлькубасском районе Южно-Казахстанской области (г.Чимкент). После окончания школы поступила и в 1976 году окончила Чечено-Ингушский государственный университет с присвоением квалификации «преподаватель русского языка и литературы».*

*С 1979 по 1984 годы работала заместителем директора по учебно-воспитательной работе Алхан-Калинской СШ №2. С 1984 года преподавала русский язык и литературу в республиканской школе-интернате №2 г. Грозного. В 1996 году работала старшим преподавателем кафедры русского языка и методики его преподавания Чеченского государственного педагогического института. В 2001 году была назначена проректором по учебно-методической работе Чеченского института повышения квалификации работников образования (ЧИПКРО). С 2004 года является директором Психолого-педагогического и медико-социального реабилитационного центра. В 2008 году окончила Астраханский филиал НОУ ВПО Южно-Российского гуманитарного института по программе «Клинически психология и психокоррекция» на ведение профессиональной деятельности в сфере клинической психологии. В 2009 году окончила факультет дополнительного профессионального образования ЧГУ по программе «Педагогика и психология»*

*Активно участвовала в работе многочисленных семинаров, а также в работе международных конференций, организованных Советом Европы, Европейским Союзом, ЮНЕСКО, ЮНИСЕФ, МКС и т.д. Имеет награды и поощрения.*

*В 2003 году приказом Минобрнауки РФ награждена нагрудным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации».*

*В январе 2016 года на имя директора «Центра диагностики и консультирования» А.Шахгиреевой пришло приглашение, в котором было сказано: «Отмечая высший уровень работы вашей организации, а также основываясь на заключениях экспертов и данных обработки аналитических исследований, экспертный совет Международного форума «Инновации и развитие» рекомендовал Центр диагностики и консультирования г. Грозный, к награждению почетным орденом «Звезда Отечества». Но обстоятельства сложились так, что Айзан Усмановна не смогла выехать в Москву для участия в этом конкурсе. В 2014 году возглавляемый Шахгиреевой ГБОУ «Центр диагностики и консультирования» награжден золотой медалью и дипломом лауреата конкурса «100 лучших школ России (2014-2015 г.)» в номинации «100 лучших организаций дополнительного образования детей», а Шахгиреева лично отмечена почетным знаком «Директор года».*

**– Айзан Усмановна, почему Вас заинтересовала психология?**

*– Начнем с того, что каждый из нас по-своему психолог. Разве наши отцы, деды, прадеды заканчивали институты, академии? А какие они были мудрые, как они умели внести лад в свою жизнь. У меня был большой интерес к*



человеческой личности, к своей личности, к окружающему миру. Очень хотелось понять, почему человек поступает так, а не иначе, почему не так мыслит, не так действует? Но больше всего мною двигало желание помочь себе и другим людям. Безусловно, у каждого человека есть свой темперамент, который нельзя поменять, свой характер, харизма, культура. Именно поэтому хотелось получить научное обоснование причинно-следственных связей слов, действий человека. Почему одни люди психологически незрелы, антисоциальны, агрессивны, находятся в постоянном негативе, а другие наоборот? Да, мы готовы повесить ярлыки, но я уверена, многие из них не хотят быть таковыми, и, как психолог, могу объяснить, что эти люди не хотят использовать данные им Всевышним собственные ресурсы, одним из самых основных среди которых является вера, они не хотят работать над собой, чтобы поменять отрицательные чувства на положительные, плохие слова на хорошие, неверные действия на правильные.

**– Известно, что каждая семья за границей имеет своего психолога, который помогает решать те или иные проблемы и это помогает избежать множества конфликтов, решать семейные спорные вопросы.**

– Да, безусловно, это правильное поведение людей – обращаться к своему психологу. У каждого человека, какой бы профессии он ни был, есть желание поделиться своими мыслями, желаниями с другим человеком. И зачастую это бывают близкие люди, так как им мы доверяем. А поработать над мыслями и чувствами сможет только профессионал, т.е. психолог или психотерапевт. Проводя терапевтическую работу, необходимо дать пациенту осмыслить, прочувствовать каждый отработываемый момент, и так построить психологическое консультирование, чтобы он сам пришел к какому-нибудь выводу, используя свои ресурсы.

Надо уметь создать доверительный контакт. Это первый шаг к успеху в консультации. Далее психолог и пациент идут вместе по пути, разбирая, что так или не так, находят правильный путь решения проблемы. Это работа очень тонкая и осторожная, и главная задача – не навредить.

**– Рассказывают, что Ваши выступления перед публикой вызывают живой интерес. В чем секрет Вашего ораторского успеха?**

– Я помню со школьной скамьи у меня вызывали глубокую симпатию люди, умеющие красиво говорить. Их манера говорить, тембр голоса, внешность, т.е. вербальный и невербальный имидж, вызывали восторг. Но потом, когда я стала изучать психологию, я поняла, что многие люди, которыми восхищалась, были глубоко верующими и с чистыми помыслами. Как бы человек красиво ни говорил, если в нем нет божественности, вряд ли сможет произвести такое впечатление и так убедительно передать знания людям.

**– Как Вы относитесь к понятию «этнопсихология»?**

– В XIX веке этнопсихология определилась как отдельное направление науки. Как можно относиться к психологии любого народа? Конечно, положительно, если составляющие этой психологии носят позитивный характер.

Как известно, в основе этнической культуры лежит психологическая культура и духовными продуктами ее являются язык, миф, нравы, обычаи и нравственные принципы. И у каждого народа есть своя особенность, которая проявляется в языке, обычаях, традициях, нравах, образе жизни. Внутри этой культуры формируется ментальность, т.е. у каждого народа национальные особенности мировосприятия, национальные особенности взаимоотношений. Этнопсихология прослеживает развитие научной мысли о проблемах души и духа народа.

**– Есть ли у нашего народа традиции психологической поддержки человека?**

Конечно, есть. Смотрите, в мире свыше 6 миллиардов людей и нет ни одного человека, чьи отпечатки пальцев совпадали бы с чьими-то, т.е. нет абсолютно одинаковых людей. Ведь народ и состоит из разных индивидуумов. Все люди разные, значит, и у народов свои особенности.

Безусловно, у нашего народа много традиций психологической помощи и поддержки человека. У чеченского народа выраженное чувство коллективизма и сплоченности, отсюда много традиций взаимной поддержки, помощи и взаимовыручки. Яркими примерами могут служить такие традиции, как «тезет» и «белхи».

Нормы поведения на тезете дают возможность человеку, переживающему горе потери, прожить свое несчастье не в одиночку, а проплакать, проговорить свои переживания с потоком сочувствующих, соболезнующих ему людей. В такие часы человек ощущает, что он не одинок, а значит, сможет справиться с этой потерей.

К сожалению, уходит в забвение традиция организаций «белхи». Сейчас многие стараются обходиться своими силами. Но все же, особенно в сельской местности, где еще жива в сердцах людей отзывчивость к чужой проблеме, собираются родственники и друзья, организуют белхи, помогая, например, в строительстве дома.

У чеченцев не встречались люди, просящие милостыню. Это считалось большим позором как для просящего, так и для родственников. Окружающие не допускали такого унижения, предупреждая эти действия тем, что каждый оказывал посильную помощь.

Я думаю, у всех вызывает глубокое уважение обычай почтительного отношения к старшим, особенно к пожилым родителям. Как говорится, «пожилой человек не единожды ребенок, а дважды». И поэтому забота, уважение и особенно тепло души необходимы человеку в преклонном возрасте. Все это вместе оказывает мощную психологическую поддержку тогда, когда человек может ощущать себя беспомощным, невостребованным, немощным, несчастным.

**– Было ли у Вас какое-нибудь событие в жизни, которое Вас потрясло?**

– Меня потрясла сама война, состояние безысходности, беспомощности, непонимания, почему, зачем это происходит. Когда собирали последние силы, чтобы спасти жизнь детей и своих близких.

Вспоминается один из моментов военной трагедии, меня он потряс до глубины души. Под нашими окнами подростки и юноши играли в теннис. В предчувствии беды я металась и говорила: неужели вы не чувствуете, что сейчас произойдет? Выглянув из окна, я крикнула всем, чтобы они разошлись по домам. И в это время начали бомбить наш общий двор, и те, кто остался на улице, погибли, а раненых соседи стали заносить в наш подъезд. Мы оцепенели и не знали, какую помощь им оказать. К счастью, нашли машину и их отвезли в Старосунженскую больницу. Прошло 16 лет, а эта трагедия до сих пор стоит у меня перед глазами. В эти минуты я поняла, что жизнь человека для кого-то ничего не значит, а на самом деле это самое большое богатство, которое дал Всевышний. Американский писатель Марк Твен начинает один из своих рассказов словами: «Кто не любил, кто не видел войны и кто не знал бедность – тот не жил настоящей жизнью». Мы все это прожили – значит, если верить этой формуле, мы прожили настоящую жизнь.

Мое твердое убеждение, что такую архиважную миссию – остановить войну, установить мир на своей Родине – Всевышний доверил бы только глубоко верующему, порядочному, ортодоксальному мусульманину, каким был Ахмат-Хаджи Кадыров (Дала гIазот къобалдойла цуьнан). А Рамзан Кадыров – достойный сын своего отца, который (предполагаю как психолог) когда-то очень

мечтал, чтобы его республика и люди, населяющие этот край, были красивы во всем: и внутренне, и внешне. Благодарна за эту красоту, чистоту, заботу. Особенно это заметно, когда бываешь в других регионах, ощущается повышенный интерес к нашей республике, к нашему народу и нашей жизни. Никакая инфраструктура, никакие строения не будут иметь особого значения, если личность человека, его культурный уровень не будет соответствовать материально-техническим достижениям. В этом плане в республике проводится огромная работа, из трех видов здоровья на первом месте стоит духовное. Радует, когда молодые люди ходят в мечеть читать Коран и молиться. В республике создаются все условия для духовного, физического развития молодежи.

**– Расскажите о своей семье.**

– Моя семья была из пяти человек: Лечи Шахгиреев – отец моих детей, сын Ислам, дочь Мадина, сноха Селима и внучка Эмиля. В декабре десять лет, как погиб Лечи. После его смерти пришли на свет две внучки Имани и Амина, жизнь идет своим чередом, но только без Лечи...

**– Что бы Вы посоветовали тем, кто нуждается в психологической помощи?**

– Психологическое здоровье – вторая составляющая общего здоровья человека. В этом случае мы говорим: вы не больны, но и не совсем здоровы. Психолог работает со здоровой душой, у которой есть какие-то проблемы, а психиатр работает с больной душой медикаментозно.

У людей, переживших войну, есть много психологических проблем: они могут быть агрессивными, замкнутыми, тревожными, озлобленными, чрезмерно критичными к другим людям, абсолютно равнодушны и вести себя неадекватно. Вполне возможно, что стресс, который они получили, перешел в дистресс или же в психологическую травму. А это бомба замедленного действия, мешающая нормально жить. Наши специалисты, изучившие экспозиционную терапию, помогут вам поработать с этой травмой.

Самое главное условие, чтобы клиент добровольно пришел к психологу и открыто рассказал о своей проблеме, а дальше – дело специалиста. Наши психологи тоже дают клятву, подобно клятве Гиппократу.

**– Айзан Усмановна, благодарю Вас за то, что нашли время и ответили на наши вопросы! Желаю Вам крепкого здоровья и удачи в Вашей нелегкой и кропотливой работе!**

*Беседовала Деши ИНДЕРБИЕВА*

Хава Юсупова

## Особенности художественной символики в рассказе Арби Усманова «Ностальгия»

Арби Усманов – один из интересных и оригинальных представителей современной чеченской прозы, отличительной особенностью которого является интерес к постановке и осмыслению преимущественно нравственно-философских проблем. Следует отметить еще одну составляющую его поэтики – это умение вместить значительный художественный смысл в небольшое пространство литературного произведения. Рассказ «Ностальгия»<sup>1</sup> позволяет существенно прояснить и дополнить некоторые моменты творческой эволюции художника, особенности его философской и эстетической позиции.

Центральное место в «Ностальгии» занимает образ акации. Одинокое, гордое и величественное дерево, искалеченное, но не сломленное войной, «неизвестно как уцелевшее от бомб, снарядов»<sup>2</sup>, воспринимается как основной, доминирующий символ<sup>3</sup>, непосредственно связанный с художественной концепцией произведения.

Удивлению редких прохожих, потрясенных зрелищем израненной, пробитой пулями, но необыкновенно живучей акации, противопоставлен ее оптимистичный настрой. Прошедшая война стала своеобразным испытанием, позволившим акации осознать главное – смысл жизни заключается в максимальной самоотдаче, в бескорыстном служении окружающим.

Возможность быть полезной людям, которые «наслаждаются ароматом ее цветов в период цветения», под «могучей кроной» находят «тьфу и покой в жаркие летние дни»<sup>4</sup>, заряжает ее жизненной энергией, повышает самооценку, делая акацию необыкновенно счастливой. Постоянная занятость становится спасением и от одиночества, отвлекая от тягостных мыслей о выпавшей на ее долю горькой участи. Потеряв в войну братьев, с которыми выросла, акация смирилась с обстоятельствами, но все же не свободна от воспоминаний, которые, доставляя душевную боль, посещают ее особенно часто в «осеннее ненастье» и «в период зимних холодов».<sup>5</sup>

Проецируя человеческие ощущения, эмоции, чувства на акацию, используя внутренний монолог как основное средство психологической характеристики, автор получает возможность постановки и художественного решения важнейших философских и экзистенциальных проблем – одиночества, смысла жизни, взаимоотношения поколений, осмысление которых и формирует художественное пространство произведения.

Наделенная огромной внутренней силой, прошедшая испытание войной, сумевшая выстоять и «под натиском тяжелой техники», акация воспринимается не столько как конкретный образ, сколько как тип-символ, олицетворяющий нравственный идеал писателя. Подчеркивая исключительную выносливость и жизнелюбие акации, автор как бы стремится приобщить этот образ и к эзотерическим преданиям, в которых это необыкновенное дерево «олицетворяет собой преодоление смерти», символизирует возрождение, бессмертие.<sup>6</sup>

В структуру идеального образа органично вписывается забота о высаженных рядом молодых деревьях. Окружая теплотой и заботой, бесконечной нежностью и вниманием саженцы, оберегая их, юных и слабых, от «суровых ветров», питая их своими жизненными соками и энергией, акация обретает подлинный смысл существования. Ее образ способствует постижению этической системы автора, в которой сострадание, самоотверженность и доброта являются основополагающими ценностями.

Юные саженцы воспринимаются в произведении как символ нового, молодого поколения. Достаточно подробно прослеживается эволюция складывающихся между акацией и саженцами взаимоотношений. Вначале «молодежь»

благосклонно относится к покровительству «старой» акации, безмолвно принимая от нее защиту и помощь. Однако постепенно, по мере взросления, их отношение к ней меняется, претерпевая существенное изменение. Недоумение, вызванное невозможностью объяснить феноменальную живучесть акации, постепенно сменяется активным неприятием, откровенной враждебностью и, наконец, страхом, вызванным эгоистической заботой о собственном благополучии. «Молодых» начинает тяготить ее присутствие. Их недовольство вызвано тем, что «старая акация своими глубокими корнями высасывает всю влагу из земли вокруг», она «...крепко присосалась к земле», в итоге все единодушны в том, что акация «мешает им всем», отнимает у них «питание».<sup>7</sup> Душевной черствости и трезвому практицизму противопоставлено поистине героическое терпение лишенной злобы и эгоизма акации. Более того, в ее самоощущении актуализируется глубокое чувство вины. Пытаясь оправдать свое существование, она апеллирует к высшей инстанции, Божьей Воле, напоминая о том, что «все в руках Всевышнего. Только он решает, кому, как и сколько жить на этом свете»<sup>8</sup>. Однако желание быть понятой и принятой наталкивается на глухую стену непонимания и равнодушия.

Конфликт поколений в произведении наполняется новым смыслом и значением. Нравственная ущербность молодых деревьев мотивирована их происхождением. Они часть другой, иноязычной культуры, они «пришлые... со своими заграничными названиями... со своими понятиями и обычаями...»<sup>9</sup>. Отсюда принципиальная невозможность достижения понимания между поколениями, которые в произведении олицетворяют концептуально разные – не только базовые, но и ментальные ценности.

Тесная связь с родной землей, родными корнями наполняет акацию благотворной жизненной энергией, питает и поддерживает ее. Однако этого оказывается недостаточно. Чтобы ощущать полноценность бытия, необходимы поддержка и понимание родных, близких, отсутствие чего закономерно приводит к гибели, угасанию жизни.

Воплощенные в рассказе образы-символы обладают двуплановой структурой<sup>10</sup>. И если на первом, явном плане – это реальные события, то на втором, скрытом плане – попытка выразить глубинный смысл происходящего. Символы в рассказе становятся выразительным средством для раскрытия ценностных установок автора. Он выражает серьезную озабоченность торжеством практицизма, чуждых нравственных и этических ценностей, утверждающихся в реальной жизни. Отсюда ностальгия по гармонии и высокой духовности, соотносимой с причастностью к родным истокам, тому, что составляет фундаментальные основы подлинного существования. Лейтмотивом через все произведение проходит вера в идеальные начала жизни, ценность которой возможно постичь, только пройдя через очищающие душу испытания.

<sup>1</sup> Усманов А. Ностальгия. //Вайнах. №11-12, 2015. С.4-5.

<sup>2</sup> Там же. С.5.

<sup>34</sup> Большая литературная энциклопедия /Красовский В.Е. и др.- М., 2003. С.634.

<sup>4</sup> Усманов А. Ностальгия. //Вайнах. №11-12, 2015. С.4.

<sup>5</sup> Там же.

<sup>6</sup> lib.deport.ru/slovar/sim/a/akatsija.html; www.insai.ru/slovar/akatsiya-0

<sup>7</sup> Усманов А. Ностальгия. //Вайнах. №11-12, 2015. С.5.

<sup>8</sup> Там же.

<sup>9</sup> Там же.

<sup>10</sup> См.: Аверинцев С.С. Символ / С.С. Аверинцев // Краткая литературная энциклопедия: В 9т. Т.6 / гл. ред. А.А. Сурков. – М., 1971; Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. – 2-е изд., испр. – М.: Искусство, 1995; Бахтин М.М. К методологии литературоведения / М.М. Бахтин // Контекст-1974. – М., 1975.

Елизавета Делкова

## Общественно-политическое положение на Северо-Восточном Кавказе в первой трети XVIII в.

Притеречье – это территории, расположенные по правому и левому берегам реки Терек. Предкавказье, включающее в себя и притеречные земли, простирается от Кумо-Маньчской впадины на севере до горной системы Большого Кавказа на юге, включает в себя степную зону, в основном расположенную к северу от линии Кубань – Терек, и зону предгорий, лежащую к югу от этой линии вплоть до передовых горных хребтов Большого Кавказа. Если линия Кубань – Терек и является с физико-географической точки зрения рубежом весьма условным, поскольку местами степи распространяются к югу и за эту линию, все же основная область предкавказских степей лежит к северу от Кубани и Терека. Поэтому «допустимо выделять понятие степного Предкавказья даже в плане физической географии. Еще больше оснований для этого, если подходить к вопросу с позиций исторической географии»<sup>1</sup>.

В начале XVIII в. Кавказ стал играть более значительную роль во внешнеполитических планах России. Это объяснялось стремлением решить проблему морей, ибо «ни одна великая нация никогда не существовала в таком отдаленном от моря положении, в каком первоначально находилось государство Петра Великого...» Укреплению влияния России в данном регионе мешала Османская империя, стремившаяся компенсировать территориальные потери на европейском континенте захватами в Азии, в том числе и на Кавказе<sup>2</sup>.

XVIII в. в политике России на Кавказе считается относительно мирным временем. Как и прежде, правительство России в отношениях с народами Кавказа прибегало главным образом к дипломатическим средствам. Ее военные акции, как правило, были связаны с Османской империей, Крымским ханством и Ираном, претендовавшими на политическое господство на Кавказе. Однако предпочтение дипломатии войне не означало вялого развития политики России на Кавказе. Напротив, на XVIII в. приходятся весьма серьезные успехи Петербурга в отношениях с народами Кавказа. О возможности поддержания мирных отношений с северокавказскими народами спрашивал Петр I у астраханского губернатора<sup>3</sup>; в 1700 г. царь дал указание астраханскому воеводе Мусину-Пушкину наладить дружественные торговые связи с народами Дагестана, что дало толчок развитию и политических отношений в регионе<sup>4</sup>. В этот же период Россия направляла на Кавказ различные посольства с целью склонить местных владетелей на свою сторону. Так, в 1711 г. сюда был послан князь А. Бекович-Черкасский, доносивший, что турецкий султан тоже пытается склонить местных князей с владениями «под власть Турецкого» и «чтобы народ оный не допустить под руку турецкую... то надлежит, не пропуская времени, о том стараться, а когда же турки под себя утвердят, тогда уже будет поздно»<sup>5</sup>. В результате тарковский шамхал Адиль-Гирей попросил принять его в российское подданство<sup>6</sup>.

Ближайший сподвижник Петра А. Волынский, направленный в 1715 году на Кавказ для сбора военно-политической информации, изучив обстановку в крае, приходит к выводу, что России следует незамедлительно воспользоваться ослаблением Ирана и военным путем установить свое господство на Северном Кавказе. Во взаимоотношениях с горскими владельцами он «указывал на оружие как на единственное средство держать их в страхе и подчинении русским интересам». В своих донесениях он неоднократно убеждал царя в «необходимости действовать <...> на Кавказе вооруженною рукою, а не политикою»<sup>7</sup>.

С 1719 года Адиль-Гирей в своих многочисленных прошениях о подданстве России отмечает, что он готов дать аманата в Терский город (сына Каспулата) и быть верным России, но только с условием, что Каспулат будет назначен главным над «ахухами-черкесами» Терского города, т.е. над вайнахским населением города, на что ему было ответили, что просьбы его, высказанные в прошениях, как и вопрос об «ахухах-черкесах», будут рассмотрены на встрече в Терском городе<sup>8</sup>.

Петр I имел широкие планы эксплуатации природных богатств Прикаспия и Кавказа. Он мыслил превратить этот регион в источник получения хлопка, марены, шелка, винограда, фруктов и различных металлов для нужд российской промышленности. Одновременно налаживались политические связи с горскими владельцами. В 1718 – 1719 гг. Петр I добился присяги «подданства» от части дагестанских и кабардинских феодалов. Другие владельцы северо-восточного Кавказа, например, феодалы Дагестана, владения которых были близки к южным границам России (в числе их были кумыкские княжества: Костековское, Аксайское, Эндирейское, где проживало значительное чеченское население), поддерживали с Россией торгово-экономические связи, склонялись на сторону России, обращались в Москву с просьбой принять их в подданство России<sup>9</sup>.

30 августа 1721 года был подписан Ништадский мирный договор, по которому Швеция уступала России в вечное владение Лифляндию, Эстляндию, острова Эзель, Даго и Мен, Ингерманландию, часть Карелии и Выборг в Финляндии. Остальная часть Финляндии, завоеванная Россией, была возвращена Швеции. Со своей стороны Россия обязалась выплатить в 1,3 млн рублей, обещала не вмешиваться во внутренние дела Шведского королевства и не помогать никому в достижении наследственных прав, вопреки воле чинов государства. Все военнопленные освобождались без выкупа, за исключением тех, кто добровольно принял в России православную веру<sup>10</sup>.

Заключение Ништадского мира завершило многолетнюю войну России со Швецией и позволило Петру I приступить к осуществлению задуманных планов в отношении Кавказа.

Успешно завершив Северную войну, Петр I перешел к решению вопроса о присоединении Прикаспия и выходе к Ирану<sup>11</sup>. В 1722 г. Петр I предпринял поход на Кавказ. Готовя поход, Петр I провел кампанию по привлечению владельцев Северного Кавказа к России<sup>12</sup>.

Перед выступлением в прикаспийских районах 15 июля 1722 г. был обнародован Манифест русского правительства, в котором кавказские народы заверялись в полной безопасности. О целях похода было сказано, что он предпринят с целью наказать «возмутителей и бунтовщиков»<sup>13</sup>, ограбивших русских купцов в Шемахе, и помощи шаху. В действительности поход был с целью занять прикаспийские провинции и утвердить влияние России на Кавказе.

Вступление русских войск на Северный Кавказ оказало влияние на развитие русско-северокавказских отношений. Владетели многих горских княжеств выразили покорность и изъявили свою верность России<sup>14</sup>.

Петр I ставил задачу укрепления позиций России на Каспийском побережье и стремился к торговле с Востоком. В ходе Персидского похода он овладел Дербентом и заложил на Северном Кавказе крепость Святого Креста в сентябре 1722 г. в 20 км от устья Сулака, где от основного русла отделяется приток Аграхань, который в просторечии назывался Сулакским. К осени 1724 г. крепость была в основном завершена и туда, по оставлении Терского города, переселены жители слобод под Терками и самих Терков. Для охраны крепости сюда переводится 500 пеших и 500 конных терских казаков, а затем и 100 семей донских казаков. Они образовали станицы вблизи крепости Святого Креста – Каменку, Прорву и Кузьминку. Это давало России контроль над всем Северо-Восточным Кавказом<sup>15</sup>. В конце 1722 г. российские войска заняли Решт,

а летом 1723 г. вошли в Баку. По условиям договора, подписанного между Россией и Ираном в период Персидского похода Петра I 12 сентября 1723 года в Петербурге, к России отходили южное и западное побережье Каспийского моря с Дербентом, Баку и провинциями Гилян, Мазандеран, Астрабад. Россия же обещала Ирану военную помощь против афганцев и Турции. Петербургский договор способствовал экономическому и политическому сближению кавказских народов с Россией, а также служил преградой на пути распространения турецкой экспансии<sup>16</sup>.

Петр I стремился к установлению с народами Кавказа тесных политических связей с целью упрочить здесь позиции России. В ходе подготовки к Персидскому походу правительство вело оживленные переговоры с дагестанцами, кабардинцами, грузинами и армянами. Оно чаще стало запрашивать сведения о склонности этих народов принять подданство России. На подобные запросы представители кавказских народов, как правило, отвечали готовностью признать над собой верховную власть Петербурга<sup>17</sup>. Грузинский царь Вахтанг VI сообщал А.П. Вольнскому о намерении принять российское подданство... В письме Петру I он также высказывал уверенность, что на стороне России выступят и азербайджанцы.

Еще до похода в Прикаспий Петр I призывал армян к добровольному переселению из армянских областей Турции и Ирана в прикаспийские районы. С тем же он обращался и к грузинам, когда в сентябре 1722 г. направил к Вахтангу VI подпоручика И. Толстого с поручением разведать и сообщить, «возможно ль из них сыскать таких людей, которые бы похотели поселиться близ Дербента и Шемахи, а также... можно ль нанять их в собственную нашу службу...»<sup>18</sup>

Деятельность Петра I, благодаря умелой дипломатии, находила полную поддержку на Кавказе. Петр I получил военную и политическую поддержку у черкесов, кабардинцев, народов Дагестана и Азербайджана. Его Персидский поход оказал заметное влияние на социальные и политические интересы разных общественных слоев Кавказа. «Влиятельный владетель в дагестанском Прикаспии не только устроил Петру I торжественную встречу, но еще и передал России 600 быков, запряженных в телеги, и 150 быков на пополнение провианта, 3 персидские лошади. Точно так же поступил и аксаевский владетель. Петр I без боя вступил в Дербент. «Наиб сего города, – сообщал Петр I в сенат, – встретил нас и ключ поднес от ворот. Правда, что сие люди неллицемерно любовью приняли и так нам рады, ка бы своих из осады выручили». В конце августа 1722 г. «кадий табасаранский Рустем-бек и Мойсум Махмуд-бек подчинились дербентскому коменданту», а уцмий Ахмер-хан и Султан-Махмуд «со всеми старшинами отдались в подданство России»<sup>19</sup>. Многие районы Дагестана, где отчетливо прослеживалась пророссийская ориентация, добровольно вступали в подданство России, что являлось в большей степени заслугой Петра I.

Активизация политики России на Кавказе в первой четверти XVIII в. привела к усилению влияния русского государства на северокавказские народы. Борьба России за выход к незамерзающим морям, в том числе за овладение берегами Каспийского и Черного морей, сопровождалась стремлением заручиться поддержкой северокавказских народов. Поход русской армии на Кавказ, занятие в 1722 г. прикаспийских районов Дагестана и Азербайджана объективно оградили народы северо-восточного Кавказа от нашествия турецких завоевателей.

Появление на Северном Кавказе новых русских поселений усилило торговые и политические связи горских народов с Россией.

Притеречные чеченцы, которые начали возвращаться на равнинные территории в XVI – XVII вв., а возможно и раньше, также лояльно относились к России. В 20 – 30-е гг. некоторые плоскостные и горные вайнахские общества вступают в контакты с русским государством, отдельные феодалы оказывали даже активную поддержку действиям русских властей на Северном Кавказе.

Их стремление выселиться на плоскость было обусловлено рядом причин: с увеличением народонаселения, с захватом лучших земель и пастбищ старшинами и «лучшими» людьми, сокращением общинных угодий, а также дальнейшим развитием производительных сил общества чеченцы вынуждены были искать новые земли и пастбища, новые источники существования.

Самыми древними чеченскими поселениями, названия которых сохранили документы, были: Большой и Малый Чечень, Алды, стоявшие на реке Гойте, Большие и Малые Атаги по реке Аргун, Исти-Су на склоне Качкальковского хребта. По реке Аргун были расположены такие селения, как Геремечук, Шали, Топли, Маюртуп, Гехи или Гехинская. Кроме того, упоминаются Цанторой, Гойты, Гамбетовская и другие. Современники прямо говорят, что многие селения, возникшие в древние времена, исчезли и поэтому в документах XIX века о них нет информации. Переселение на плоскость для чеченского народа имело прогрессивное значение. Это позволило не только избавиться от малоземелья и постоянного голода, но и разрушить старые патриархальные отношения, сковывавшие развитие чеченского общества, способствовало развитию производительных сил и общению с соседними народами. Наиболее известными среди этих поселений того времени были: Кашкельды, Курчи-аул, Науруз-аул, Нуимерды. Ойсунгур и Горячеводская. Как утверждает У. Лаудаев, наиболее древним поселением на плоскости был Чечень-аул<sup>20</sup>. «Он преимуществовал над прочими, – говорит Лаудаев, – был обширен, лучше обстроен, имел лавки (тукен), на порогах коих виднелись армяне, еврей и кумыки»<sup>21</sup>.

Благодаря добрососедским отношениям, увеличивалось число горцев, переселяющихся в русские укрепления. Эти переселенцы не порывали связей с родными аулами, а, используя свое благоприятное положение, вели с ними торговлю. На базе развития политических и торгово-экономических связей России с народами Чечни и Ингушетии возникали дружеские отношения между пограничным русским населением и их соседями – горцами. Русские казаки, переселившиеся на Кавказ, заимствовали у горцев местные сорта зерновых культур и породы животных, орудия труда и трудовые навыки. Казаки перенимали у горцев одежду, отдельные виды холодного оружия, типы строительства жилищ и их убранства<sup>22</sup>. Между казаками и горцами установился меновой торг. Горцы заимствовали у русского населения Северного Кавказа шестигранный каток, применяемый для молотбы хлеба.

В первой четверти XVIII в. дальнейшее развитие получили военно-политические связи России с народами Кавказа, а в Кабарде, Дагестане, Азербайджане, Армении и Грузии еще более утвердилась российская внешнеполитическая ориентация. Новый размах получило и освободительное движение кавказских народов против персидских и турецких захватчиков.

После смерти Петра Великого (1725) последовавшие дворцовые перевороты, трудное хозяйственное положение страны ослабили внимание России к Кавказу.

Преемники Петра I оценивали достижения своего предшественника как тягостное бремя, доставившее правительству крупные расходы. Территории на Кавказе невозможно было удержать из-за «накладности их и непривычного для русских войск климата»<sup>23</sup>.

Нестабильным было и внутреннее положение северокавказских обществ. С начала 30-х годов XVIII столетия на Северном Кавказе вновь начинаются волнения антифеодальной и антиколониальной направленности, к которым относится и движение вайнахских и дагестанских обществ 1732 г. Население земель, находящихся между селениями Эндери и Чечен, в очередной раз стало выражать недовольство действиями царской администрации и местных владельцев, при помощи царских отрядов пытающихся распространить свою власть над ним.

Подписание Рештского договора было воспринято Турцией как ослабление интереса России к Кавказу. Она активизировала свои действия и начала провоцировать Крымского хана к вторжению на Северный Кавказ. Стремясь создать благоприятные условия для агрессии Крыма, Турция настаивала на провозглашении Кабарды нейтральной территорией, с чем Россия не могла согласиться. Между тем крымский хан приступил к набегам на Северный Кавказ. Вице-канцлер Остерман в ноте султану указывал, что турки совершают убийства, разоряют и опустошают кавказские села и деревни<sup>24</sup>.

Одновременно на Северном Кавказе происходит строительство русских крепостей и переселение на Кавказ большого количества казачьих семей. Несмотря на военно-колониционный характер, эти мероприятия сыграли объективно положительную роль в расширении и укреплении дружеских связей народов Северо-Восточного Кавказа с Россией. Расширились рынки сбыта продукции сельского хозяйства и домашних промыслов горцев. Увеличивались источники приобретения необходимых им товаров русской мануфактурной промышленности<sup>25</sup>. Горцы встречались не только с представителями царских властей, но и имели возможность непосредственно общаться в разных сферах жизни с простыми русскими людьми.

Связи чеченских феодалов с царскими пограничными властями были широкими и разнообразными. Между ними велись регулярная переписка, взаимный обмен сведениями политического характера, постоянно курсировали служащие Терского кизлярского войска<sup>26</sup>.

Несмотря на то, что политика России на Кавказе в первой четверти XVIII в. носила военно-колониаторский характер, она способствовала в какой-то мере усилению политических и торговых связей горцев с русским государством.

Обострение международных противоречий на Северном Кавказе в начале 30-х гг. XVIII в. было связано с новым этапом турецкого наступления на Кавказ.

Правители Порты и Крыма пытались заручиться поддержкой северокавказских владетелей. В конце марта – начале апреля 1733 г. крымский хан Каплан-Гирей и калга Фетхи-Гирей от имени турецкого султана Махмуда обратились с воззваниями к владетелям Кабарды, Дагестана и Чечни, склоняя их на свою сторону. Отправляя эти воззвания через своего представителя, султан предписывал хану Каплан-Гирею двигаться через Кубань, Кабарду и Дагестан, «привлекая к Порте горцев Кавказа от устья Кубани до русских границ в Дербенте».

Однако эти воззвания не встретили поддержки среди местного населения. Горцы искали защиту от агрессии крымцев под покровительством России, о чем свидетельствуют донесения главнокомандующего российскими войсками на Кавказе ген. Левашова и грузинского царя Вахтанга VI в апреле и мае 1733 г.<sup>27</sup>

Русско-турецкие противоречия на Кавказе вновь приобретали острый характер. Кульминация их относится к 1735 г., когда Россия и Иран заключили Гянджинский трактат. В 1735 г. русское правительство вследствие угрозы войны с Турцией, как уже отмечалось, заключило с Ираном дружественный договор (Гянджинский трактат), по условиям которого была ликвидирована крепость Св. Крест и перенесена граница с Сулака на левый берег Терека. Здесь стала сооружаться крепость Кизляр. Воспользовавшись уходом русских войск за Терек, весной 1735 года 80-тысячное войско крымского хана Каплан-Гирея выступило в поход, в ходе чего были опустошены кабардинские села и многие князья приведены в турецкое подданство. Оставив Чечню в стороне, Каплан-Гирей продолжил путь в Дагестан, но известие о вторжении русской армии в Крым и поражение турецких войск в войне с Ираном заставили крымцев повернуть назад. В 1736 г. Россия вступила в войну с Турцией. Политика иранского шаха Надира, вопреки договору 1735 г. заключившего сепаратный мир с турками, не помешала одержать блестящие победы<sup>28</sup>.

После уничтожения крепости Святого Креста новую крепость решено было построить на реке Терек, «ближе к Кабарде и кавказским горам, чтобы легче было сношаться с горцами, феодальными владельцами и князьями Северо-Восточного Кавказа, а через Дарьяльское ущелье – с Закавказьем»<sup>29</sup>. В 30-х гг. XVIII в. между Россией и Турцией шла борьба за Кабарду. Заложенная в обстановке сложных международных отношений крепость Кизляр имела и военно-стратегическое значение. Руководил строительством крепости генерал-аншеф В.Я. Левашов. В строительстве участвовали русские, казаки и горцы. «Казаки еще помнят, – писал П.Г. Бутков, – что, пока Кизлярская крепость основывалась твердо, они и другие жители кизлярские по проектам инженерным три раза переселяемы были с места на место»<sup>30</sup>. В Кизляр переселяются не только окочане и черкесы-старожилы, но и кабардинские феодальные владельцы со своими подвластными. «В Кизляр переселяются не только чеченцы-окочане, но и представители других чеченских обществ»<sup>31</sup>. Также в Кизляре селились персидские купцы – тезики<sup>32</sup>, грузины, армяне и др. Появляются слободки, где жили обособленными группами представители той или иной народности. Например, существовала Солдатская слобода, получившая название Кирди-аул; армянская слобода – Армен-тир; грузинская слобода – Курце-аул; горское население, принявшее христианскую веру, жило в слободе Кристи-аул; а слободка, населенная выходцами из Ирана, получила название Тезик-аул; слобода, населенная ногайцами, кумыками и, прежде всего, горцами-окочанами, получила название Окочир-аул; слобода, где жили казанские татары, называлась Казанте-аул<sup>33</sup>.

С появлением на Северном Кавказе Кизляра в 1735 г. горцы могли получать промышленные товары главным образом только здесь, поэтому основной поток горских товаров шел сюда. Кизлярские власти поощряли развитие торговли между Россией и горцами. Для царизма торговля с горцами представлялась одним из средств их подчинения, следовательно, русско-горская торговля XVIII в. носила выраженный колониальный характер.

Кизляр быстро превратился в политический, экономический и культурный центр Северного Кавказа и оставался таковым вплоть до первой трети XIX в. Привлекая на свои рынки горцев, которые торговали не только с русскими и восточными купцами, но и между собой, русское командование обеспечило торгующим полную безопасность проведения их торговых операций, что нельзя было сказать о собственно горских торговых центрах, на путях к которым купеческие караваны подвергались разбойничьим нападениям феодалов. Однако высокие пошлины, взимаемые на пограничных таможах, тормозили поступательное развитие русско-кавказской торговли. В первой половине XVIII в. хозяйственные занятия горцев приносили небольшие товарные излишки пшеницы, фруктов, продукции скотоводства, ремесленных изделий и т.д. Эти товарные излишки горцы вывозили и на русские рынки. В обмен они приобретали холст, различные ткани, посуду и др. Часто торговля велась непосредственно между горцами и казаками без уплаты пошлины. И горцы, и казаки нуждались в сохранении торговых отношений. Для горцев эта торговля была жизненно важной, однако и для казаков она была также необходима.

### *Литература*

<sup>1</sup> Фадеев А.В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957. С.

<sup>2</sup> Ахмадов. Я.З. Политические взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в первой половине XVIII века. /Сб. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – начале XX века. Грозный. 1981. С. 58.

<sup>3</sup> История Кабардино-Балкарской АССР. Т. I. С. 162.

<sup>4</sup> История Дагестана. Т. I. С. 338.

<sup>5</sup> Цит. по: А. А. Адилсултанов. Акки и аккинцы в XVI-XVIII веках. Грозный. 1992.

- <sup>6</sup> Там же. С. 226.
- <sup>7</sup> Гапуров Ш.А., Израйилов А.М., Закриев Б.Б. Из истории российско-чеченских взаимоотношений в первой половине XVIII века. //Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 420-летию установления добрососедских отношений между народами России и Чечни.(г. Грозный, 18-20 декабря 2008 г.) Том 1. Назрань, 2008. С. 231.
- <sup>8</sup> РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6164. Ч. 8. Л. 27—28 об.; РДО. С. 234.
- <sup>9</sup> Ахмадов Я.З. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII веке. Грозный. 1991. С. 44.
- <sup>10</sup> Под стягом России: Сборник архивных документов. М., Русская книга, 1992.
- <sup>11</sup> История Дагестана. Т. I. С. 334; ИНСК. Т. I. С. 412.
- <sup>12</sup> Цит. по: А. А. Адилсултанов. Акки и аккинцы в XVI-XVIII веках. Грозный. 1992.
- <sup>13</sup> Цит. по: А. А. Адилсултанов. Акки и аккинцы в XVI-XVIII веках. Грозный. 1992. РДО. С. 244—246; Бель Джон. Путешествия чрез Россию в разные Азиатские земли. СПб., 1776. Ч. 3. С. 166.
- <sup>14</sup> Я. З. Ахмадов. Политические взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в первой половине XVIII века. /Сб. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – начале XX века. Грозный. 1981. С. 61.
- <sup>15</sup> Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа. Ч. I. С. 64, 77—78; 154; Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI—XIX веках, М., 1958. С. 67; Заседателяева Л. Б. Терские казаки. М., 1974. С. 197.
- <sup>16</sup> См.: Лысцов В. П. Персидский поход Петра I 1722-1723, (М. ), 1951.
- <sup>17</sup> Сношения Петра Великого с армянским народом. Спб., 1898, С. 86.
- <sup>18</sup> Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Сост. Гамрекели В. Тбилиси. 1968. С. 29.
- <sup>19</sup> Н.С. Киняпина, М.М. Блиев, В.В. Дегоев. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России (вторая половина XVIII – 80-е годы XIX в.). Изд. Моск. Унив-та. 1984. С. 17.
- <sup>20</sup> Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие притеречных районов в XVIII – первой половине XIX в. изд. «Грозненский рабочий». 1961. С. 22-24.
- <sup>21</sup> См.: Лаудаев У. Чеченское племя. //Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 6. Тифлис, 1872.
- <sup>22</sup> Ахмадов Я.З. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII веке. Грозный. 1991. С. 35.
- <sup>23</sup> См.: Бушуев К.С. Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России. М. 1955. С. 10.
- <sup>24</sup> Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа. Спб., 1869. Ч. 1, С. 374.
- <sup>25</sup> Ахмадов Я.З. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII веке. Грозный. 1991. С. 47-48.
- <sup>26</sup> Ахмадов Я.З. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII веке. Грозный. 1991. С. 58.
- <sup>27</sup> Д.С. Кидирниязов. Особенности проявления Кавказской политики шахского Ирана, России и Турции накануне и в годы русско-османской войны (1735-1739 гг.). //Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 420-летию установления добрососедских отношений между народами России и Чечни. (г. Грозный, 18-20 декабря 2008 г.) Том 1. Назрань, 2008. С. 16-17.
- <sup>28</sup> Ахмадов Я.З. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII веке. Грозный. 1991. С.50-51.
- <sup>29</sup> Гриценко Н.П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края. V – середина XIX века. Изд. Ростовского унив-та. 1984. С. 86.
- <sup>30</sup> Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа. Ч. I. С. 154.
- <sup>31</sup> Абдулвахабова Б.Б. Роль Кизляра в интеграции чеченских обществ в экономическую систему России (вторая половина XVIII – начало XIX века)//Материалы международной научно-практической конференции (25-28 сент. 2008г.) С.224-225.
- <sup>32</sup> Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа. Спб., 1869. Ч. 1. С.154-155.
- <sup>33</sup> Гриценко Н.П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края (V – середина XIX века) Изд-во Ростовского унив-та. 1984. С.87.

Тамара Джамбекова,  
Овхад Джамбеков

## Женские образы в романе М. Мамакаева «Зелимхан»

В романе чеченского писателя Магомета Мамакаева «Зелимхан» женские образы занимают одно из центральных мест.

По утверждению литературоведа Х.В. Туркаева, все важнейшие подвиги разнотипных героев в героико-исторических песнях илли связаны с образом женщины. Без ее благословения и мудрого напутствия, сердечности и любви ни один герой илли не совершает свой подвиг. Достаточно назвать «Илли о князе Мусосте и о Сурхо, сыне Ады, живших у берегов Терека» [2, 121–130].

В романе М. Мамакаева «Зелимхан» женские образы имеют такое же первостепенное значение, как и в фольклоре. Писатель находит самые теплые и проникновенные слова о матери: «... Таково сердце любящей матери. Матери, которая в великом страдании рождает детей и первая учит их мудрым законам предков, чтобы потом, когда они станут взрослыми, жить в постоянном страхе за них. Она добывает огонь и поддерживает его всю ночь; выделывает шкуры и сукно из шерсти, она обшивает семью, варит пищу и ест сама то, что остается от детей. Она ложится спать последней и встает первой. Это она – женщина – дает начало жизни и сама умирает, не оставив на земле даже своего имени...» [3, 75]. Точно так же, как это происходило в стародавние времена, ибо связь времен не распадалась никогда; она прочно удерживалась на уровне духовной и нравственной сферы в течение веков.

Мать, согласно чеченской народной традиции, думает только о благополучии своей семьи; она не принимает активного участия во внешней жизни; она не присутствует на семейных советах, где собираются мужчины. Но в то же время именно мать является нравственным стержнем семьи, хранительницей семейного очага и традиций. Мать воспитывает в своих детях нравственные качества, поддерживает взрослых сыновей на правильном пути. Ее слово, когда это нужно, оказывается решающим в самых сложных ситуациях. «Если ты идешь отомстить за поруганную честь нашей семьи, то иди, и да поможет тебе Аллах. Не будь только трусом!» [3, 22] – так говорит старуха-мать, чьи муж и сыновья сидят в тюрьме, а единственный сын в одиночку, имея при себе только кинжал, собирается отбить невесту у многочисленных врагов, вооруженных ружьями. Смерть – меньшее зло, чем бесчестье!

Материнское напутствие герою, отправляющемуся на встречу с врагом, соотносится с устойчивым мотивом героико-исторических песен илли. Приведем в качестве примера напутствие матери сыну в «Илли о Хушпаре, сыне Бахадура»:

Струсишь – среди честных юношей  
Честь твоя навек утратится.  
Отправляйся, коли вызвали,  
Смерти злей – боязнь постылая.  
А убьют – гордиться буду я  
Гордой твоей могилою [2, 137].

По верному замечанию И. Мунаева, мать героя илли не имеет в этом мире никого, кроме единственного сына, которого вырастила с большим трудом, но

даже его жизнью она готова пожертвовать ради справедливости и чести. Мать героя в илли обосновывает свое право выдвигать перед сыном ряд требований, выполнение которых становится обязательным, поскольку мать в героических песнях – образец нравственного идеала; она направляет сына, поддерживает его, является в некотором роде спасительницей.

В образе матери Зелимхана и Солтамурада, несомненно, реализован фольклорный архетип матери, способствующий более цельному раскрытию ее характера, отображению национального колорита.

Мать героя в романе – глубоко верующий человек, и для нее большое горе осознавать, что сын ушел в абреки. Она до самой своей смерти верит в возможность его примирения с властью, в справедливость: «На то уж воля Аллаха... Он справедлив и не позволит им незаслуженно казнить тебя. Ведь ты вынужден был стать абреком» [3, 131]. Зелимхан не возражает матери, хотя и не согласен с ней, так как понимает, что мать, лишившись мужа и младшего сына, пытается сохранить хотя бы старшего. Она верит в справедливость власти, проявляя при этом глубокую чистоту души: «Социальное самосознание и глубокая мудрость матери, высокая нравственность жены, отважность дочерей – вот те драгоценные черты характера горянки, запечатленные в илли и составляющие идеал чеченцев и ингушей» [4, 117].

Следует сказать, что в романе М. Мамакаева «Зелимхан» и другие женские образы выдержаны в национальной эпической традиции; сердца героинь наполнены любовью и преданностью, как, например, красавицы Зезаг, невесты Солтамурада, на которую претендовал сын старосты села. Женщина – это воплощение чистоты и целомудрия, любовь ее может заслужить только достойный джигит.

Для исторических песен илли борьба за невесту, похищенную богатым соперником, является традиционной завязкой сюжета (аналогичная завязка сюжета в романе М. Мамакаева «Зелимхан»); часто эта борьба сочетается с борьбой за землю. «К женщине земля благоволит, питает ее своей энергией» [1, 72]. Борьба за женщину – это борьба за продолжение рода, за продолжение жизни, и совсем не безразлично, какая женщина даст жизнь новым представителям рода. Невеста не может выбрать слабого и недостойного, земля не может поддерживать того, кто имеет дурные помыслы. Следовательно, эта борьба имеет двойной смысл – это символическая борьба за право жить на родной земле и возделывать ее.

Женские образы в романе «Зелимхан» имеют свою национальную специфику, и при этом они принимают достаточно активное участие в изображаемых событиях. Например, покорная Зезаг, привыкшая скрывать свои чувства, повиноваться воле сильных, не покоряется похитителю и, в конце концов, убегает из дома. В поведении Зезаг обнаруживаются типологическое сходство с фольклорными героинями: она прилагает все усилия, чтобы быть с мужем, она даже идет против семьи, которая не одобряет ее решения, главное для Зезаг, как и для любой горянки, – быть рядом с любимым мужчиной. Жена Зелимхана, Бици, не соглашается вернуться в дом родителей, когда он попадает в тюрьму. Она согласна терпеть нужду, но не позорить дом мужа. Бици говорит Зелимхану: «Родителям своим я сказала: «Я мать своих детей и обязана следовать за их отцом. Для меня главное – быть с тобой вместе» [3, 106].

И Зезаг, и Бици следуют за своими мужьями и уходят в горы, разделяя с ними участь абреков. Они учатся стрелять, отражать опасность, хотя подобное воинственное поведение противоречит традиционной этикету горских женщин. В чеченском героическом эпосе встречаются великанши, обладающие

огромной силой и храбростью. Например, в «Илли о взятии села Дады из Цонтороя» нарисованы яркие, художественно выразительные образы Зазы и Сийлахи Амировых, которые своим примером и неустранимостью подняли людей на защиту своего села, пробудили в них волю к победе. В романе М. Мамакаева женщины не участвуют в подобных сражениях, однако по своей внутренней сути, силе духа соотносятся с героико-эпическими образами и продолжают традиции илли.

В единстве фольклорного и духовно-философского начала, в исключительном своеобразии национальной психологии и этнически неповторимого менталитета развивается органично та общность художественно-эстетических ориентиров, которая образует многоаспектное взаимодействие фольклора и авторской индивидуальности чеченских писателей. Эта общность ярчайшим образом проявила себя в романе М. Мамакаева «Зелимхан», открывая другим широкую дорогу в эпическое творчество, способное выразить народный взгляд на историю и на человека.

### *Литература*

1. Джамбеков Ш.А. О художественном времени в устно-поэтическом наследии чеченцев // Культура Чечни. История и современные проблемы. – М.: Наука, 2002.
2. Илли. Героико-эпические песни чеченцев и ингушей. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1979.
3. Мамакаев М.А. Зелимхан. – Грозный: Книга, 1990.
4. Туркаев Х.В. Исторические судьбы литератур чеченцев и ингушей. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1978.

**Лиза Адмисиева**

## **Страницы истории станицы Мекенской**

В шести километрах к северо-востоку от Наурской расположена станица Мекенская (Макне), которая находится на левом берегу Терека и входит в состав Наурского района. Живут здесь в основном русские и чеченцы, последние представлены тайпами: шарой, шикъарой, чебарлой, хИимой, хьакъмадой, дАй, цIеси, зумсой и др. До недавнего времени в станице мирно уживались чеченцы и казаки. За период совместного проживания они многое переняли друг у друга. Это не только образ жизни, методы ведения хозяйства, но и одежда и даже характер. В настоящее время Мекенская является административным центром Мекенского сельского поселения, к которому также относятся хутор Клинков, хутор Майорский и хутор Мирный.

Станица основана в 1771 году. Существует несколько версий происхождения названия станицы. Первая – от тюркского слова «мекенды» – «село с тысячами жителей»; вторая – от имени гребенского казака Мекена, который и основал станицу.

В окрестностях станицы Мекенской разбросаны многочисленные средневековые курганные могильники и хутора (часть из которых пустует). На севере от станицы Мекенской находятся курганы: Водопойный, Разрытый (по рассказам старожилов, курган бы разрыт кладоискателями), Батарейный



(название, вероятно, связано с тем, что на кургане когда-то размещалась батарея), Ситников курган (здесь находился хутор зажиточного хозяина Ситникова), Кобылкин курган, Копылов курган, Коленкова или Калеркова курган. Они носят имя владельца земельного надела и хутора, на территории которого находился курган. Курган Кошевой расположен на севере от станицы Мекенской. На кургане долгое время находились овечьи коши, отсюда и название. Атаман, предводитель у казаков (от коши), также назывался кошевой. Также на севере от станицы Мекенской были разбросаны хутора Золотарева, Шерпутовского, Мельникова, Отгонный, Бухаров (у Бухаровых было три хутора: верхний, средний, нижний, располагались они на севере от Мекенской), Бахматкова (жили здесь пастухи-батраки – обнищавшие казаки и ногайцы, по преданиям, в основу названия хутора легло имя батрака-ногайца Бахматки), хутор Ярышева (находился в урочище на севере от станицы Мекенской, здесь жили батраки-пастухи со скотом, принадлежавшим крупным помещикам, дворянам и зажиточным казакам. Некоторые хутора принадлежали крупным скотопромышленникам.

В урочище на севере от станицы Мекенской в прошлом находился хутор Станский, где, как и на других хуторах, содержался крупный рогатый скот и овечьи отары, а также жили пастухи-батраки. Здесь же была и почтовая станция, где отдыхали путники, меняя лошадей. На почтовой дороге от Моздока до Кизляра почтовую тройку всегда сопровождала стража. Недалеко от хутора находилось озеро Станское, которое пополнялось от грунтовых вод. В прошлом возле озера была стоянка многочисленных гуртов крупного рогатого скота и овечьих отар.

На хуторах Клинков и Мирный, расположенных на севере от станицы Мекенской, живут чабаны и содержится скот.

На севере от станицы Мекенской, в районе одноименного урочища, находится хутор Майорский, в котором трудились и жили пастухи, батраки – казаки, ногайцы, содержались многочисленные отары овец и табуны, гурты крупного рогатого скота. В окрестностях станицы Мекенской есть Майорское озеро и Майорский лес.

В окрестностях станицы Мекенской есть лесные массивы, получившие свое название от фамилий зажиточных хуторян, которые селились неподалеку от этих мест: Ныркова лес, Молюшкина лес, Титова лес, Ситникова лес. А также Генеральский, Церковный и Майорский лес.

---

На фото: Терская казачка. – [http://platovec.ucoz.ru/photo/starye\\_foto\\_kazakov/fotografija](http://platovec.ucoz.ru/photo/starye_foto_kazakov/fotografija)

*Критика и литературоведение***Джамия Товсултанова****Система духовно-нравственных, общественно-политических и философских представлений Мусы Ахмадова**

В публицистике, эссеистике и документалистике каждого писателя находит ясное и прямое выражение авторская позиция писателя, не опосредованная художественным замыслом и условностью.

Публицистика М. Ахмадова представляет собой один из значимых нравственных источников умонастроений, идей, поисков и устремлений, которые определяют наиболее важные тенденции развития современной культурной и духовной жизни Чеченской Республики. В публицистике М. Ахмадова содержится также беглая информация о его писательских, жизненных симпатиях и предпочтениях, что представляет собой важный источник для исследователей творчества автора. В этом прослеживается также история изменения, развития его взглядов под воздействием разных факторов, история нравственных и эстетических исканий, открытая и честная для контактов со своим читателем, эстетические и идейно-духовные параметры, в рамках которых развивается публицистическая активность М. Ахмадова.

«Политические, эстетические, философские идеалы обосновывают выбор средств аргументации, выбор жанровых форм, а также возможность воплощения идеи в самом произведении. Суть публицистического текста категорически нельзя сводить к агитации, но без убеждения пропадает типологическое ядро данного целого» [Хорольский, 2001. С.14].

Творческая самобытность писателя в большей степени выявляется в большом интервью и статье, где публицист имеет возможность ставить частные проблемы и активно выражать свое субъективное мировоззрение, при этом активно используя изобразительно-выразительные средства и приемы художественной литературы.

Виктор Хорольский выявляет следующие признаки «культурософской публицистики», которая стала неотъемлемой частью общественной жизни, а именно – журналистики, и не потеряла своей актуальности на сегодняшний день также и в национальной культуре:

- а) культурократическая ориентация авторов (как правило, деятелей культуры);
- б) масштабность размышлений о судьбах национальных культур и мировой цивилизации;
- в) апелляция к глубинно-традиционным («архетипичным») формам коммуникации, суггестивность авторского слова;
- г) образно-эмоциональный, «лирический» стиль повествования (в большинстве случаев – «мифологизация» и «символизация», как доминанты стиля) [Хорольский, 2001. С.13].

Эти признаки возникли заново в эпоху обострившегося в сегодняшнем мире противостояния сторонников всемирной глобализации и антиглобалистов.

Ахмадов Муса Магомедович – крупнейший современный чеченский писатель, драматург и поэт, член Союза писателей России, народный писатель (2006), заслуженный работник культуры Чеченской Республики, главный редактор литературно-художественного журнала «Вайнах», автор и ведущий познавательной телевикторины «Хаарийн Ёлов» («Башня знаний») на ЧГТРК «Грозный», лауреат премии «Серебряная сова» (2006), президент Клуба писателей Кавказа.

Муса Ахмадов родился 28 января 1956 года в Киргизии. В 1957 году его семья вернулась из высылки на родину в село Лаха-Варанды Шатойского района, где он окончил восьмилетнюю школу, затем среднюю – в Шатое. В 1979 г. он окончил филологический факультет Чечено-Ингушского государственного

университета (русско-вайнахское отделение), работал учителем в родной школе, старшим редактором детского журнала «СтелаАад» («Радуга»), редактором книжного издательства, главным редактором литературно-художественного журнала «Орга», преподавателем ЧГУ, заведующим отделом учебно-методического центра Министерства культуры Чеченской Республики, заведующим литературным отделом Чеченского национального театра.

С 2004 г. по сегодняшний день он является главным редактором литературно-художественного журнала «Вайнах». М. Ахмадов внес особый вклад в пропаганду и развитие чеченской культуры и языка. Произведения его переведены на многие языки народов Северного Кавказа и мира (балкарский, японский, французский, немецкий).

Муса Ахмадов является автором большого количества произведений почти во всех прозаических и драматургических жанрах, издающихся с конца 1980-х годов. Итогом этих трудов стали «Избранное в 2-х томах» (2010), «Собрание сочинений в 5 томах» (2005–2012).

Муса Ахмадов – это писатель, общественный деятель, обладающий принципиальной нравственно-эстетической и смелой гражданской позицией, что находит отражение во всех сферах его деятельности.

Отмеченные в работе основные параметры творческой жизни писателя, его «послужной список» характеризуют его влияние на судьбу родины и народа в контексте серьезных испытаний на протяжении последнего полувека, а также его уникальность в качестве одного из незаурядных, талантливых личностей, которые имеют собственное выразительное лицо и вместе с тем являются лицом своего народа и представителей национальной культуры.

Весьма ярко и непосредственно это сказалось на его публицистике, создававшейся на протяжении всей его творческой деятельности и наиболее активизировавшейся в последнее время в форме большого количества статей, интервью, эссе, которые характеризуются прямым и непосредственным выражением писательской позиции.

В данной статье рассматривается специфика системы духовно-нравственных, общественно-политических и философских представлений М. Ахмадова и ее становления по материалам центральных и чеченских средств массовой информации последних лет. Продуктивным является изучение тех форм и приемов экспрессивной речи, которые реально существуют в любом публицистическом тексте, что сближает этот вид словесных текстов с художественными произведениями. Однако позиция автора-публициста выражена, как правило, явно, а сам факт реальной жизни в основном находится в центре системы аргументов, размышлений и образов.

Многие издания проявляют интерес к проблемам формирования, развития и видоизменения выше отмеченной системы ценностей в общественной, личной и творческой жизни М. Ахмадова. Так, например, Р. Межиева свой материал «Клуб Прометей». Зажигать сердца» посвятила 35-летию создания литературного объединения. Основная часть данного материала выстроена на базе текста интервью, данного руководителем и основоположником этого клуба М. Ахмадовым.

Этот материал посвящен самому раннему периоду деятельности М. Ахмадова, характеристика которого необходима нам для логического освещения его жизненного и творческого пути.

«В целом публицистический текст невозможно анализировать без анализа его эстетической природы, а это больше, чем беседа о поэтике жанра или стилевых особенностях. Как и литературно-художественное произведение, публицистический текст основан на словесно-экспрессивном способе передачи информации, на дихотомии «обыденный язык – публичная речь», а это и делает публицистический дискурс особым эстетическим и лингвистическим явлением» [Хорольский, 2001. С.14].

Жанр интервью, в пределах которого находится этот текст, по сути своей весьма многоплановый и емкий. Этот жанр предполагает не только

репортажную информативность, но и серьезную часть аналитики, а также допускает эмоциональные оценки. Однако стилистика этого текста довольно сдержанна, нейтральна, без явных признаков субъективизма.

Анализируя пройденный жизненный путь, Муса Ахмадов констатирует тот факт, что его мировоззренческие, духовные и художественные поиски стали более глубокими и целенаправленными относительно ранее поставленных им литературно-публицистических задач.

Размышления писателей о целях искусства, о литературе и перспективах их развития постоянно проверяются их творчеством. Обратная закономерность: раскрыть творческий замысел, понять структуру новеллы, романа, поэмы, прочувствовать многогранность художественного поиска, несомненно, легче, если сопоставить художественную практику с теоретическими размышлениями, которые дают представление о метапоэтике писателя.

Муса Ахмадов повествует об истории и побудительных причинах возникновения знаменитого чеченского литературного объединения «Пхьармат» («Прометей»), созданного в 1976 г., куда входили молодые писатели, поэты и критики, которые пишут на чеченском языке. «Тогда их имена не были столь известными, на сегодняшний день они находятся на пике чеченской науки и культуры. Боязнь потери национальных истоков в условиях планомерной политики нивелирования наций в Советском Союзе пробудила в душе участников клуба желание культурными способами противостоять губительно для малых народов процессу ассимиляции» [Межиева, 2011]. М. Ахмадов вспоминает про то, как многие студенты университетов республики, которые занимались разными видами творчества, неравнодушные к культуре своего народа, объединялись вместе, читали свои рассказы, стихи, ставили определенные спектакли на чеченском языке. Их творчество было услышано, получило отклик в душах многих соотечественников: на телевидении и радио начали появляться передачи, издаваться поэтические сборники...

Муса Ахмадов анализирует судьбу литературного объединения с исторической позиции, используя в своем интервью элементы мемуаров, ретроспективно анализируя опыт своей работы. «Вместе с тем идеологи тех лет хорошо понимали, что данная просветительская работа входит в противоречие с внутренней политикой государства. Что в скором времени выразилось в репрессиях по отношению к участникам литературного объединения «Пхьармат» [Межиева, 2011].

Итак, сорок лет назад, весной 1975 г. в Чечено-Ингушетии прошло совещание молодых поэтов и писателей республики, в котором принимал участие и девятнадцатилетний студент Муса Ахмадов. Именно там впервые возникла идея о создании литературного клуба. «Хотя до нас такие предложения тоже носились в воздухе, но все же не имели воплощения: народ расходился во мнениях. Были и такие, – признается писатель, – которые не верили в нашу идею. Утверждали, что из этого ничего не выйдет, что ни один человек не позволит нам сотворить ничего подобного – мол, и мы старались, но нас закрыли. Мы работали полных четыре года! Наше членство в «Прометее» стало своеобразным и особым духовным братством» [Межиева, 2011].

М. Ахмадов вспоминает конкретные значимые и характерные детали повседневной жизни этого клуба, в которой активно участвовали яркие представители той творческой молодежи, собратья писателя, в последующем вошедшие в группу лучших представителей современной чеченской интеллигенции.

Анализируя урок и опыт «Прометее», М. Ахмадов осмысливает и новейшую историю Чеченской Республики, основные проблемы и тенденции ее развития, в том числе в контексте истории как советской, так и современной России, отмечая, что взрослое поколение возлагало на них большие надежды. На старших выпала после возвращения из депортации весьма сложная задача восстановления культурных институтов «нашего народа – создание национальных театров, музыки, литературы, заново писались учебники... У

них ушло много энергии именно на этот процесс. Наше поколение находилось в иной ситуации – в учебных заведениях все старались учить только русский язык, а национальные традиции предавались забвению» [Межиева, 2011].

Автор старается быть весьма объективным, отдать дань уважения всем тем, кто оказывал им неоценимую помощь: работавшим на телевидении Ямлихану Хасбулатову и Адизу Кусаеву, он приводит оказавшиеся пророческими слова поэта Шайхи Арсанукаева: «Однажды вы узнаете, что творили историю – даже если кому-то кажется сейчас, что вы занимаетесь чем-то несерьезным», упоминает поименно всех тех, кто приходил на заседания клуба: Магомед Мусаева, Хасмагомеда Эдилова, Нурдина Музаева, ученых Казбека Гайтукаева и Разиту Эсенбаеву.

Муса Ахмадов в свой публицистический текст эмоциональную интонацию, использует образную лексику, соответствующую основному многогранному настрою «Пхьармата»: «Очень скоро само слово «Прометей» стало звенеть по всей Чеченской Республике, его можно было услышать и в аудиториях университета, и на улицах, в парках... Все имели особое желание нести в свет чеченскую культуру: ставили сценки, спектакли. Чем больше нас притесняли, тем больше мы сопротивлялись. В конференц-зал университета на литературные спектакли, чтения, веселые розыгрыши собирались студенты с различных факультетов и разных национальностей: чеченцы смеялись, а остальные просто догадывались по жестам, интонации – в целом, тоже понимали, о чем идет речь» [Межиева, 2011].

В действительности, это сообщество стало символом и центром вольнодумства и вдохновения, который объединил лучшие силы творческой молодежи в первую очередь для создания атмосферы нравственности и развития национальной культуры. Данное сообщество стало также школой инициативы для многих молодых поэтов, писателей, деятелей культуры, журналистов, которые стали цветом нашей словесности, а также ученых, художников: Лечи Абдулаева, Юсупа Яралиева, Мусы Бексултанова, Абу Исмаилова, Баны Гайтукаевой, Апти Бисултанова, Шарипа Цуруева, Имрана Джанаралиева, Тауса Исаева, Анзора Давлетукаева, Маадуды Завриева, Лулы Жумалаевой. Позже в объединение пришли Саид-Хасан Тагаев, Леча Ясаев, другие...

Необходимо отметить, что клуб, которым руководил Муса Ахмадов на протяжении четырех лет, активно работал лишь до мая 1979 г. Участников «Прометей» обвинили в том, что они якобы тайно собираются и ведут мелкие политические дискуссии. Молодому руководителю по комсомольской линии объявили выговор с занесением в учетную карточку – «за слабую интернациональную работу в литературном объединении». Многие члены литературного объединения были наказаны и взяты на учет Комитета госбезопасности. «В том году я уже заканчивал университет и превратился в националиста! Многие меня избегали. Даже пришлось возвратиться в родное село – устроиться на работу в маленькую школу, в которой я сам раньше учился», – говорит интервьюеру Ахмадов Муса.

И тут произошло необыкновенное, знаковое событие: в один день в село к начинающему, мало кому известному учителю пришли известные представители чеченской элиты – писатель А. Сулейманов и режиссер Р. Хакишев вместе с грузинским гостем – всемирно известным писателем Отиа Иоселиани... «Мы долго разговаривали, и даже когда все ушли спать, наша беседа с Отиа Иоселиани затянулась далеко за полночь. Он сказал мне слова, сильно врезавшиеся в мою память: «Не переживай, что тебя назвали националистом – это значит, что ты герой своего народа. Это как звание. Мне это звание гораздо позже дали. Я даже завидую тебе!» В то время мне было всего 23 года. И реалии тех лет были таковы, что если писатель болел за свой народ – значит, он был против власти. Приезд данного известного гостя стал знаковым событием не только для меня и моей семьи, но и для всего нашего селения». [Межиева, 2011]

И действительно, это было судьбоносное, важное событие для творческой деятельности М. Ахмадова, и вообще редкое, даже уникальное в литературной истории (здесь можно вспомнить, к примеру, напутственную роль В.А. Жуковского в жизни А.С. Пушкина). Этот визит был не случаен: опального молодого поэта старшие соратники знали по активной работе «Пхьармата», а для Мусы Ахмадова каждый из этих гостей, представителей кавказского братства, оказался своеобразным ориентиром в последующей творческой деятельности.

В целом, философия жизни, которая выразилась в творчестве известного грузинского писателя Отиа Иоселиани, схожа с драматургией и прозой М. Ахмадова другими аспектами. Так же, как и в творчестве Отиа Иоселиани, «художническая интуиция позволила М. Ахмадову распознать глубинные проблемы нашего времени, прочувствовать его драматизм. В его произведениях абсолютно все сведено к главным категориям: время, судьба, человек-личность, человеческая память» [Инаркаева, 2001. С.108].

Интересным представляется мнение о том, что, пока корни земли начнут всасывать живительную влагу творчества таких людей, как О. Иоселиани, людей, не предающих правды, мыслящих благородно и красиво, посредников между небесами и землей, Грузия бессмертна – таковым был лейтмотив выступлений коллег и друзей Отиа Иоселиани на его восьмидесятилетия.

Действительно, основные творческие принципы произведений О.Иоселиани окажутся импульсом для развития прозы М.Ахмадова. «Он не только умел анализировать – глубоко, ярко и образно, – он также обладал даром пророчества, в чем читающей общественности не один раз приходилось убеждаться» [Саришвили, 2011. С.4]. «Никакой я не пророк! – говорил Отиа Иоселиани в одном из последних интервью, опубликованном в журнале «Гза» («Путь») уже после похорон писателя. – Просто я знаю, что дважды два будет четыре, ни больше, ни меньше. Я грузин и люблю все грузинское: небо, землю, воду и, самое главное, людей. Верю в Бога, знаю: его не обманет никто и у его терпения есть предел» [Саришвили, 2011. С.4].

Указанные принципы созвучны с общей жизненной установкой и многими произведениям Мусы Ахмадова, что наблюдается даже в поэтике, лексике и стилистике заглавий его произведений: «Горы воздвигаю на земле», «После землетрясения», «И муравейник не разрушай», «Дикая груша у светлой реки», «Идти, не сбиваясь с этого пути» и др.

Свойственная Мусе Ахмадову честная и смелая позиция, способность не только к критике, но и к самокритике, была ярко выражена в публицистических выступлениях и Отиа Иоселиани: «Мы бахвалимся: Грузия – это рай, припрятанный Создателем для себя, но подаренный припозднившимся на раздачу земли грузинам. И как мы этот дар оценили? Превратили все вокруг в ад, и в собственных душах в первую очередь... Живем, как в полном дегте, бурлящем грехами котле» [Саришвили, 2011. С.5]. По справедливому замечанию критика, «сарказм Отиа Иоселиани – обжигающий, беспощадный к себе и другим, и все-таки исполненный глубокого внутреннего «рембрандтовского» света, – завораживает «имеющего уши» слушателя и читателя в каждом сборнике, выступлении или интервью писателя». Как, к примеру, в одной из последних бесед, когда слова автора «прозвучали словно бы из-за черты вечности»: «Все жалуются на нужду, безработицу... Но нуждой не оправдать безнравственности. И тем более не оправдать безделья, от которого проистекают все на свете пороки. Не понимаю, что значит «не могу найти работы»? Посади дерево – все лучше, чем жабу на груди растить, взвевшись на белый свет. Нет своей земли – посади саженец на улице... И это лучше, чем в парламент лыжи точить, где собрались все, не посадившие в жизни ни одного дерева» [Саришвили, 2011. С.5].

В этих, как всегда у Иоселиани, высказанных просто, бесхитростно, без всякого пафоса вещах содержится глубочайшая мудрость человека и мыслителя, живущего в ладу с природой, Вселенной, обществом и самим

собой. Именно эта линия личности и творчества грузинского писателя окажется продуктивной и плодотворной для писателя чеченского.

Несмотря на то, что О. Иоселиани и М. Ахмадов принадлежат к разным этносам, к разным поколениям и разным конфессиям, есть ценности, которые находятся выше этих границ и относятся к разряду общечеловеческих и вечных ценностей: «Я люблю возделывать землю, но никогда не увидите меня с лопатой в воскресенье. Воскресенье – святой день, день отдыха, и для меня всегда это было непреложным правилом. А в другие дни я встаю до восхода солнца; я верю, что первые лучи нужно встречать уже в трудах праведных, иначе день не заладится» [Саришвили, 2011. С 6]. Эти основы бытия человека и природы будут продолжены в дальнейшей творческой жизни М. Ахмадова.

### *Литература*

1. Ахмадов М. Взаимосвязь чеченской народной культуры с природой и трудовой деятельностью // «Дружба народов», 2009, № 5.

2. Ахмадов М. Предания, исполненные благородства. Версия для печати. «Дружба народов». Из кн. «Чеченская традиционная культура и этика», Грозный, 2006.

3. Инаркаева С.И. Эволюция жанров «малой прозы» в современной чеченской литературе: автореферат дисс. канд. филол. наук. Майкоп, 1999. 18 с.

4. Марущак А.В. Отечественная публицистика периода «оттепели»: автореф. дисс. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2009. 25 с.

5. Межиева Р. Клуб «Прометей». Зажигать сердца. /<http://checheninfo.ru/infoportal/chechanciklop/kulturainfop/literatura/7882-klub-prometey-zazhigat-serdca.html/>

6. Саришвили В. Отиа Иоселиани. Посредник между Грузией и Вечностью. // Общеписательская литературная газета № 8 (21), август 2011.

7. Хорольский В.В. Культурологический метод изучения публицистического дискурса // Акценты. Новое в массовой коммуникации. №3-4. 2001. С.13-21.

8. Эпштейн М.Н. На перекрестке образа и понятия (эссеизм в культуре нового времени) // Парадоксы новизны: О литературном развитии XIX–XX веков. М., 1988. 369 с.

Книжные новинки**Новая книга Адама Ахматукаева**

Пастернак сравнивал поэзию с губкой, которая всасывает жизнь, чтобы позже быть выжатой: «...А ночью, поэзия, я тебя выжму/ Во здравие жадной бумаги». На наш с вами суд и «во здравие жадной бумаги» представил свою очередную, шестую по счету, «поэтическую губку» известный в республике поэт, писатель, переводчик и публицист Адам Ахматукаев. Новая книга называется «Прозрений долгие дороги» и, кстати, не совсем она поэтическая, вернее – не только поэтическая. Есть в книге и публицистический блок, предваряемый самим автором риторическим вопросом – «Проза жизни?». Вопрос этот как бы адресован читателю, на что читатель наверняка ответит: «Да, конечно».

Но все-таки главный акцент в книге делается на поэзию. В книге широко представлены «русские» стихи Ахматукаева, а именно переводы его стихов в исполнении Ю. Шербакова,

Ю. Гладкевича, Р. Агоевой, А. Дудки и многих, многих других, и даже в переводах самого автора. В книге гражданская лирика перекликается с любовной, вполне бытовая зарисовка с экзистенциальной проблемой, а в какой-то момент все эти взрослые минорно-мажорные аккорды срываются на детскую разноголосицу – в отдельном блоке под названием «Улица детства» представлена поэма для детей в переводе Натальи Майер «По соседству...»

Мы, конечно, надеемся, уверены, верим, что это не последняя книга автора, что нам с вами еще не раз посчастливится держать в руках его поэтические (прозаические, публицистические) сборники, ну а тем временем, поздравив автора с выходом новой книги, продолжим наше путешествие по долгим поэтическим дорогам прозрений Адама Ахматукаева.

*Саламбек Алиев*

.....

К нашим иллюстрациям**Ювелирная кисть Малика Эльмурзаева**

Эльмурзаев Малик Давудович родился 20 августа 1953г в Красноярском крае. После реабилитации отца в 1954 году семья переехала в Киргизию. В 1960 году родные вернулись в ДАССР г. Хасавюрт. В 1970 году окончил среднюю школу. В 1971 году поступил в Дагестанское художественное училище. В том же году призван на срочную службу в ряды Советской Армии. После службы в 1973 году продолжил учебу и в 1977 году получил специальность «художник, мастер-ювелир». Дипломная работа Эльмурзаева Малика, состоящая из нагрудных женских украшений, браслета и кольца, аттестационной комиссией была отмечена высшей оценкой «отлично». В настоящее время часть украшений именно той дипломной работы Малика хранится в частной коллекции в городе Санкт-Петербурге, а браслет и кольцо – в фонде родного училища.



Малик себя не позиционирует профессиональным художником, не вхож ни в какие художественные круги и кружки, не является членом Союза художников РД или РФ, не участвовал он также в каких-либо выставках. Не преследует Малик и коммерческих целей – он достает кисти и краски только по потребности души, пишет тогда, когда не может не писать. Картины Эльмурзаева написаны в духе реализма, преимущественной тематикой его работ являются пейзажи «овеянной легендой Кавказа».

На обложке номера представлены следующие работы художника: 1 стр. «Село Таргим», 2 стр. «Водопад», 3 стр. «Озеро», 4 стр. «Одинокий парус».

*Саламбек Айдамиров*

## Сведения об авторах и переводчиках

**Адиз Кусаев** (1938). Родился в с. Шуани Ножай-Юртовского района ЧИАССР. Окончил Ростовский госуниверситет (факультет журналистики). В поэзии и журналистике с 1957 года. Издал сборники стихов, поэм и переводов: «Характер», «Дороги», «Необходимость», «Горный сокол», «Единство», «Весенний край». Выпустил книги художественной и документальной публицистики: «Писатели Чечни» (I и II книги), «Чечня: годы и люди», «Говорит и показывает Грозный», «История чеченского радио и телевидения» и другие. Пишет на чеченском и русском языках.

**Муса Ахмадов** (1956). В 1979 г. окончил филологический факультет ЧИГУ. С 2004 г. и по настоящее время – главный редактор журнала «Вайнах». Народный писатель ЧР, заслуженный работник культуры ЧР, лауреат премии «Серебряная сова» (2006 г.). Автор 9 художественных книг. Автор учебников, методических пособий и программ по этике и чеченскому языку для школ и вузов. В 2002 г. пьеса «Волки» была издана отдельной книгой на французском языке в Париже и поставлена на сцене театра «Дом восточно-европейской пьесы» (март 2006 г.). В 2011 г. в Швейцарии вышла книга рассказов и повестей на немецком языке «Чтобы свечу не задую ветром». Произведения Ахмадова переведены также на английский и японский языки.

**Адам Ахматукаев** (1961). Родился в с. Алхан-Юрт Урус-Мартановского района Чечено-Ингушской АССР. Писать стихи и печататься начал в школьные годы. Публиковался в периодической печати, а также в коллективных сборниках, изданных в городах Грозный, Алма-Ата, Москва. Автор пяти книг стихов и поэм: «Буйсанан мукъамийн гIайгIа» («Печаль ночных мелодий» (1998, 2005), «Цкъа мацца а, цул тIаухъа...» («Когда-то, потом...» (2005), «Лула-кулахъ...» («По соседству...» (2007), «Харц дуйне» («Неправильный мир» (2010), «ИндагIийн боданехъ» («Во тьме теней» (2013). Произведения А. Ахматукаева публикуются в республиканских, региональных и центральных печатных изданиях.

**Сулиман Мусаев** (1972). Родился в с. Алхазурово Урус-Мартановского района ЧИАССР. В 1997 году окончил ЧГУ (филологический факультет). Работал ассистентом кафедры русской литературы XX века (1997-2000), учителем русского языка и литературы в Ассиновской СОШ №1 (2000-2006). С 2006 года – редактор отдела прозы литературно-художественного журнала «Вайнах». Писатель, переводчик. Участник Форумов молодых писателей России (2008 – 2012), Совещаний молодых писателей Северного Кавказа (2008 – 2012), Форумов переводчиков с национальных языков России на русский (2015, 2016). Публиковался в журналах ЧР, Ингушетии, Северной Осетии, Татарстана, Удмуртии, Москвы, в сборниках «Новые писатели», «Новые имена», «Молодая литература Северного Кавказа», «Вкус айвы», «Под тенью чинары», «Нохчийн дийцарш», «Бег от времени». Автор книги «Брелок» (М., 2012).

**Муса Бексултанов** (1954). Народный писатель Чеченской Республики (2005), С 2007 года – главный редактор детского журнала «СтелаIад» («Радуга»). В 1977 г. окончил филологический факультет Чечено-Ингушского университета. Член Союза писателей России. Лауреат премии Ленинского комсомола (1988 г.), премии журнала «Вайнах» (2004 г.), премии «Серебряная сова» (2005 г.). Произведения Бексултанова переведены на русский, английский, французский, немецкий языки. Печатается с 1980 г. Автор книг «Мархийн кIайн гIаргIулеш» («Облаков журавли белые», 1985 г.), «Юха кхана а селхана санна» («И завтра, как вчера», 1988 г.), «Наггахъа, сайн сагатделча» («Иногда, когда мне скучно», 2005), «Я хъан тухур буйсанна хъан неI» («И кто постучится ночью в твою дверь», 2005 г.) и др.

**Роза Орстхо** (Мужухоева Размихан Баудиновна) (1939). Родилась в г. Грозном ЧИАССР. В 1958 году окончила среднюю школу в поселке Чулак-Тау Джамбульской области. Работала в СШ №57 Грозного, в Чечено-Ингушском филиале НИИ национальных школ МП РСФСР научным сотрудником (1971-1978 гг.), в Министерстве просвещения ЧИАССР, в книжном издательстве. Автор учебников, методических пособий, которые посвящены проблемам обучения русскому языку учащихся начальных национальных школ республики. В 2009 году книга рассказов Розы Орстхо «Дети униженного детства (Маленькие истории моей жизни в большой истории жизни моего народа)» издана Архивным управлением Правительства Чеченской Республики.

Подписка на «Вайнах» в отделениях Почты России и в редакции журнала. Стоимость полугодовой подписки – 330 руб.